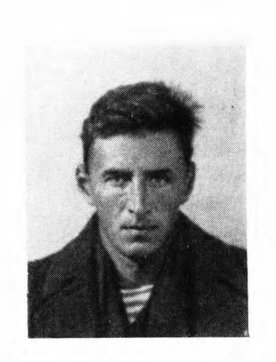
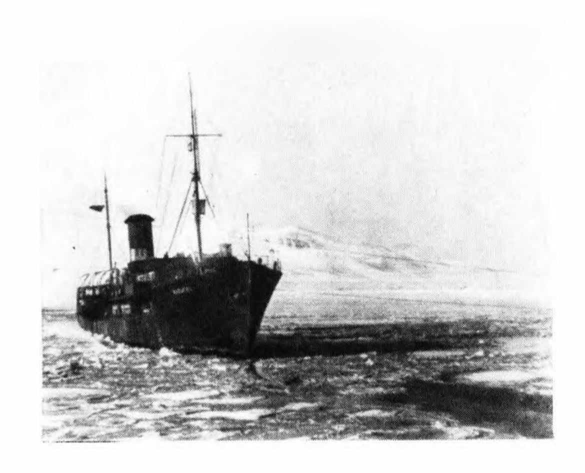
ВЛАДИМИР ГОЛИЦЫН

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ХУДОЖНИКА ИЗОБРЕТАТЕЛЯ И МОРЯКА

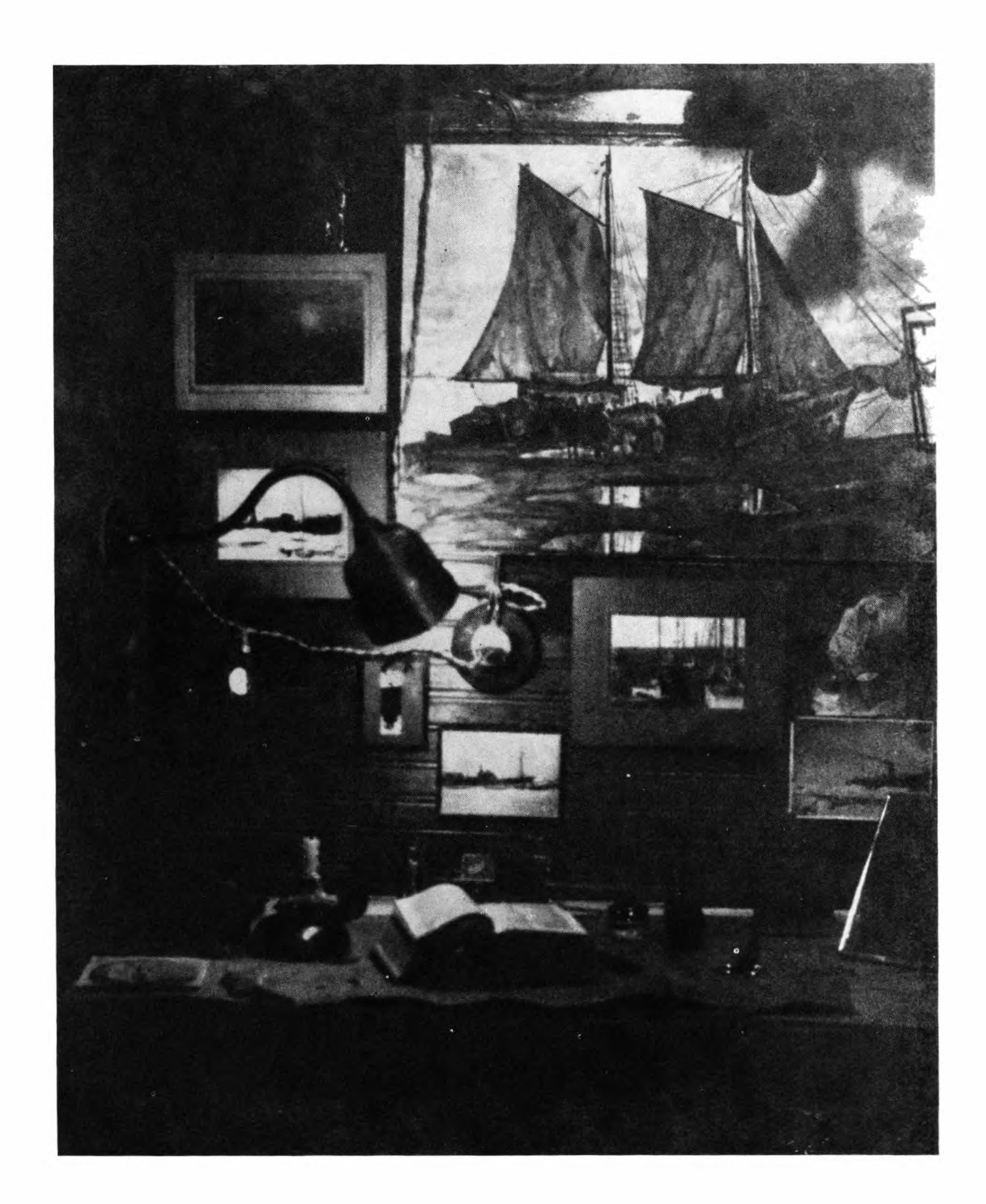
В. М. Голицын.
Фотография 20-х гг.

«Малыгин».
Фотография 30-х гг.

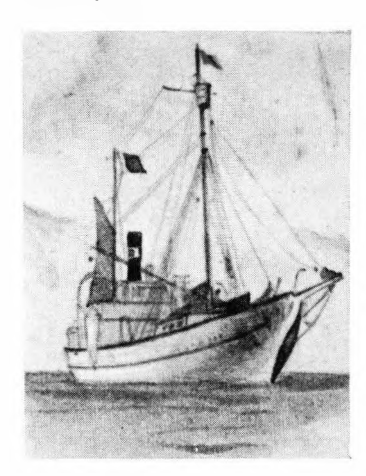
В. М. Голицын.
Фотография 30-х гг.

Каюта на «Персее».
Фотография 20-х гг.

В. М. Голицын.
Фотография 20-х гг.

«Персей».
1922. Рисунок

В. М. Голицын с сыновьями
и женой.
Фотография 30-х гг.

В. М. Голицын с женой.
Фотография 30-х гг.

В. М. Голицын с женой.
Фотография 30-х гг.

ВЛАДИМИР ГОЛИЦЫН

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ХУДОЖНИКА ИЗОБРЕТАТЕЛЯ И МОРЯКА

СОВЕТСКИЙ ХУДОЖНИК
МОСКВА

ОТ РЕДАКЦИИ

В этой книге рассказывается о человеке интересной и особенной судьбы.

Владимир Михайлович Голицын был моряком, участником первых советских полярных экспедиций, живым и увлекательным человеком, своеобразным художником. Он многое знал, видел, пережил и вдохновенно работал. Он не писал больших полотен, но за что бы он ни брался — театральные декорации и плакаты, роспись по дереву и книги, акварели, рисунки с натуры, журнальные рисунки, смешные и серьезные, обложки журналов, схемы, диаграммы и, наконец, игры, морские и сухопутные, насыщенные творческой фантазией, — все было ярко, остроумно, талантливо.

Владимир Голицын так определял свою профессию — «художник-литератор, изобретатель детских игр». Это, пожалуй, уникальное соединение трех профессий было связано с юношеством. Талант художника был посвящен мальчишкам тридцатых годов, которые через несколько лет сражались на суше и на море в Великую Отечественную войну.

Это — книга о художнике, но не монография, написанная одним автором.

О Владимире Михайловиче Голицыне пишут знавшие его друзья и близкие, люди, с которыми он жил, работал, плавал, в судьбе которых оставил глубокий след: его сын — художник Илларион Голицын, полярный исследователь Всеволод Аполинариевич Васнецов, художник Владимир Перцов, брат — писатель Сергей Михайлович Голицын.

Последние страницы книги — голос самого Владимира Голицына — листы из его дневника.

ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА В. М. ГОЛИЦЫНА

1901 Родился в г. Богородицке Тульской губ. Отец — Михаил Владимирович Голицын. Мать — Анна Сергеевна Лопухина.

1909—1917 Учится в 5-й Московской гимназии, увлекается рисованием.

1918—1919 Заведует плакатной мастерской в г. Богородицке. Делает Окна РОСТА в Туле.

1919—1920 Работает как художник-декоратор в Богородицком театре.

1920—1921 Сотрудник плавучего Морского научного института в г. Александровске (ныне Полярный).

1921 Работает в мастерской П. П. Кончаловского. Участвует в экспедиции на Новую Землю на ледоколе «Малыгин», где работает в качестве художника.

1922 Принимает участие в строительстве первого советского научно-исследовательского судна «Персей». Знакомится с Всеволодом Аполлинариевичем Васнецовым. Совместно с ним работает в Лайском доке под Архангельском. В Архангельске знакомится с Борисом Викторовичем Шергиным.

1923 Переезжает в Москву. Посещает вечерние курсы Вхутемаса.

1923—1925 Работает в Кустарном музее ВСНХ. На Международной выставке декоративных искусств в Париже (1925) по классу «Искусство и индустрия дерева» получает Золотую медаль за роспись деревянных изделий.

1924 Начинает иллюстрировать книги — Л. Митчель «Песенка нового паровоза», А. Новиков-Прибой «Пленники бездны», А. Коваленский «На моторной лодке» (вышли в Государственном издательстве — ГИЗ) и др.

1925 Сотрудничает в журналах «Всемирный следопыт», «Кругосвет», «Пионер», «Знание — сила». Начинает изобретать детские игры.

1927 Совершает поездки в Белозерский край (Кириллов, Ферапонтово, Белозерск).

1928 Путешествует с писателем В. Ветовым по полуострову Мангышлак (по заданию редакции журнала «Всемирный следопыт»).

1929 Командирован журналом «Всемирный следопыт» на рыбные промыслы Азовского моря.

1930 Командирован журналом «Борьба миров» в Днепробугский район и в район г. Керчи. Служит матросом на шхуне «Друг жизни».

1931 Переезжает в г. Дмитров Московской области, продолжая сотрудничать в московских издательствах. Работает в Дмитровском краеведческом музее (до 1941).

1932—1934 Пишет «Дмитровские чудаки» — записки с картинками об интересных людях города. Создает игры «Юнга» и «Пираты».

1935 Начинает сотрудничать с Борисом Житковым.

1936—1938 Живет в г. Гудауты на Черном море. Работает над книгой Б. Житкова «Помощь идет».

1939 Делает панораму г. Дмитрова, пользуясь советами П. Д. Корина.

1940 На второй выставке художников Дмитровского края участвует шестью работами из гудаутского цикла.

1941 Работает над антифашисткими темами (плакаты, рисунки в журналах).

1943 Умирает в г. Свияжске.

I

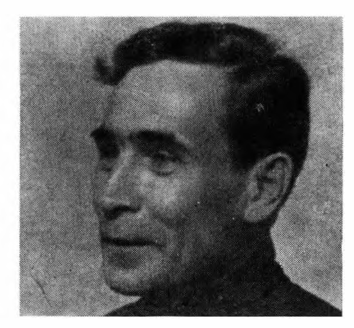

ЗАХВАТ
КОЛОНИЙ
ТИХИЙ ОКЕАН

АРХАНГЕЛЬСК

ОТЦОВСКИЙ СТОЛ

И. В. Голицын

Стол этот, полный тайн, обладал магической притягательной силой. В девяти ящиках хранилась память о былых морских приключениях. Правый верхний ящик был особенно интересным. Морской ножик отца, привезенный им из дальнего плаванья (с таким ножом можно было бы ходить на крокодилов), лежал рядом с компасом. Диск компаса таинственно трепетал в наших руках. Старинная прадедовская печатка с гербом около маленьких корабликов, которые еще в своем детстве отец отливал из свинца. Костяной рог, вырезанный из спины маленькой акулы-катрана, соседствовал с ярко-красным заплавленным сургучом и черной тушью с золотыми иероглифами. Конечно, нас привлекали и блестящие коробки английской акварели, колонковые тончайшие кисти и красиво отточенные желтые карандаши с золотыми «Н» и «В». Но трогать их нам было строго-настрого запрещено. В тумбах отцовского стола хранились старые журналы и морские альбомы с цветными литографиями. Под некоторыми картинками кораблей дедовским почерком было написано: «Погиб в Цусимском бою». Эта надпись часто встречалась в альбоме. Отец рассказывал нам о русско-японской войне, о Порт-Артуре, о Цусимской трагедии, о крейсере «Варяг», и мы с затаенным волнением рассматривали в старом морском справочнике фотографию раненого четырехтрубного красавца-крейсера.

Все наше детство было пропитано морем. Мы дышали морем, а жили на заросшей травой улице маленького подмосковного города Дмитрова. Нас, детей, было трое. Сестра Елена, брат Михаил и я, младший, Ларюшка. Мы, мальчишки, спали на двухэтажной кровати. На верхний этаж шел красный трап, а рядом с койками висели огромные настоящие сигнальные флаги. Утро начиналось с команды отца — «Вставать, одеваться, на палубу перебираться!». Прыгая босиком по холодному полу, кидались мы к своей одежде, обливались холодной водой, наскоро заправляли койки и бежали к отцу, капитану корабля. «Не тронь меня — рассыплюсь» — так в шутку называли мы наше ветхое жилище. Как-то в старом альбоме Мишка нашел корабль с острым таранным носом. Забавное его название «Не тронь меня» нам очень полюбилось, и мы его приняли на вооружение. Вахтенный журнал, который вел капитан и в котором записывались наши провинности и добрые дела, до сих пор хранится в моем столе. Смешно и грустновато читать сейчас, что у меня когда-то слишком уж часто нос тек или когда-то нас, отменных драчунов, растаскивали родители, а в журнале появлялось: «за рев и драку с Ларюшкой», «за рев и драку с Мишкой». Но в журнале бывало и другое: «нарисовал хорошо десять флагов» — это про меня, «нашел дедушкину газету» — про Мишку.

Когда-нибудь я нарисую портрет моего отца: изображу его фигуру, сутуло склоненную над столом, красивое лицо с тонким прямым носом и серыми глазами, руки с длинными пальцами. На левой руке старинное кольцо, в правой держит он тончайшую кисть.

Изображу тельняшку и прямую английскую трубку, лежащую в черной коробке для табака, на стене — акварель Карла Брюллова и нежную красавицу в черной с золотом рамке — «Неизвестную», работы французского живописца Изабэ. Таким я помню отца.
Вспоминаю приезд в Дмитров Бориса Житкова. В дом вошел небольшого роста человек с жесткими, вперед, усами под чуть с горбинкой носом и живыми глазами. Отец в то время иллюстрировал его «Пароход». Борис Житков подарил брату компас, а мне, увы, ничего не подарил. Но, удивительно, я не чувствовал огорчения и зависти — ведь я увидел любимого писателя.
А вечером отцовский стол мать накрыла белой скатертью, появился маленький пузатый графинчик и нас, детей, раньше уложили спать. Укладывали нас в той же комнате за шкафом, и, притворяясь спящими, заслушивались мы рассказами Бориса Житкова о своем детстве и дальних странах, отца — о строительстве славного «Персея» в Лайском доке под Архангельском, о ветхом броненосце «Чесма», о Новой Земле и гибели пароходов «Ксения» и «Енисей». Мы тихо засыпали и во сне, наверное, видели мангуст и белых медведей, жаркие страны и людей, затерянных во льдах, а черный силуэт гибнущей «Ксении» медленно уходил в бездонную тьму, освещенный северным сиянием. Мы бредили морем.
По рисункам отца нам были сшиты летние парадные костюмы — белая матроска, белые брюки и черный галстук, а для зимы — малицы и своеобразные ушанки. Эта удобная одежда сильно отличалась от простой одежды ребят с нашей улицы. Нас задразнивали иногда до слез. Помню, как на уроке пения мне в капюшон тихо положили пук травы. Я подрался, и меня выгнали.
Было еще такое: к нам из Ленинграда приехал настоящий контрадмирал в полной парадной форме. Наше мальчишеское гнездо было растревожено. Это был, наверное, первый адмирал, посетивший наш город. Отец показал гостю мой рисунок подводной лодки, идущей в шторм по синему морю с барашками. Я знал, что отцу рисунок нравился, и был горд похвалой адмирала.
Но что было самое интересное из нашего детства, самое заманчивое для наших дмитровских друзей, самое захватывающее и увлекательное — это отцовские игры. Отец убирал свои рисунки, карандаши и краски в ящики, и громадная плоскость стола предоставлялась удивительно красивым играм — картам Атлантики или Индийского океана, Средиземного или Черного морей. И начиналась игра. Это были настоящие морские сражения, где ты был капитаном корабля, от твоей воли, храбрости и смекалки зависел исход поединка. Жестокие ураганы сменялись полными штилями; торжествовали высшая стратегия и точная тактика, а вялость, отсутствие мастерства кораблевождения приводили к гибели. Корабли тонули, победители торжествовали победы, а наши детские головы легко усваивали будоражущие мозг названия мысов, островов, проливов и морей: Гаттерас, Мадейра, Скагеррак

Гибель «Ксении». 1921

и Каттегат, Купанг... Яркие названия ветров — «норд-вест», «зюйд-ост», «норд» — полюбились нам больше, чем прозаичные — северо-западный, юго-восточный, северный; галфвинды сменялись бакштагами, корабли бороздили океаны, и играм не было конца.

Вот какой был наш любимый отцовский стол.

Он стоит сейчас в московской новой квартире, в комнате нашей матери. Вид у него печальный. Отца вот уже двадцать восемь лет нет в живых. Вокруг стола суетятся его внуки. Стол стал похож на старую «Чесму», которая доживала свой век у причала архангельского порта. Жучок-точильщик хорошо поработал над столом, и из маленьких дырочек-пробоин тихо струится древесная пыль.

История повторяется. Мои дети и их друзья увлекаются играми деда, а я, бывший матрос корабля «Не тронь меня — рассыплюсь», стал их капитаном.

А море, настоящее синее море со смерчами и штилями, мы тогда все-таки увидели. Может быть, я когда-нибудь расскажу и об этом.

* * *

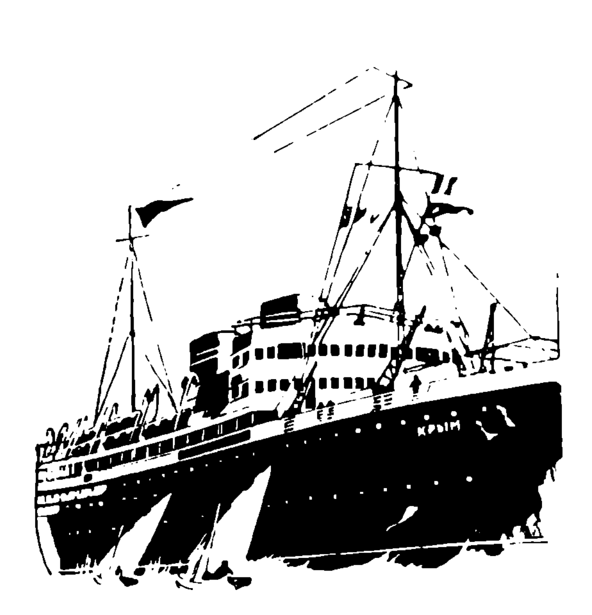

Рисунок для журнала «Знание — сила». 1933

НАЧАЛО

С. М. Голицын

Трудно вспомнить то, чему был свидетелем свыше полувека назад. В нашей семье не осталось никаких писем, почти никаких иных документов, связанных с именем моего покойного брата — художника Владимира Михайловича Голицына. Лишь несколько пожелтевших от времени, тусклых фотографий запечатлели мальчика в матроске, лопоухого, стриженного машинкой «первый номер». Так выглядел брат в детстве.

Я был моложе брата на целых девять лет и привык смотреть на него снизу вверх не только в прямом, но и в переносном смысле. От природы общительный, жизнерадостный, он, однако, постоянно отдалялся от многочисленных друзей-мальчиков, садился за свой столик или где-нибудь в уголке и рисовал. Покупали ему толстые тетради в черной коленкоровой обложке, и он их заполнял одну за другой.

Рисовал он карандашом или пером обычно батальные сцены — пехотинцев, стреляющих стоя, с колена или лежа, колющих штыком, кавалеристов, скачущих на конях, размахивая саблями. Я сидел и млел, стараясь едва дышать, и молча следил, как он быстро набрасывал карандашом фигурки солдат, как раскрашивал их тончайшей кисточкой.

На рисовальные способности Владимира обратила внимание наша бабушка Софья Николаевна Голицына. Очень деятельная, она сама была художницей-любительницей, писала пейзажи акварелью и маслом, была ученицей Саврасова, знала многих художников — Поленова, Левитана, К. Коровина, позднее Кончаловского, Пастернака, Юона; помогала организовывать выставки молодых, покровительствовала нуждающимся. По рекомендации В. Д. Поленова еще в 1886 году его ученик К. А. Коровин написал ее портрет, который сейчас находится в Третьяковской галерее.

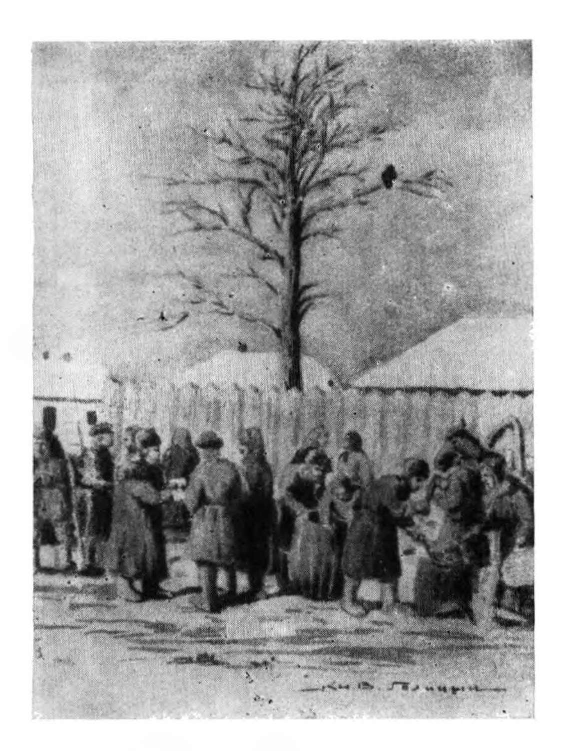
По просьбе бабушки К. Ф. Юон дал Владимиру несколько уроков, но из-за двоек по древним языкам от этих уроков пришлось отказаться. Бабушка показала рисунки своего внука Л. О. Пастернаку, тот их высоко оценил и порекомендовал на летние каникулы для занятий с братом одного юношу — талантливого художника. Но тот отказался ехать, так как много сил отдавал своему творчеству. Его заменил некий Пантелеймон Иванович (фамилию забыл), который отправился с нами в Бучалки, но вместо того, чтобы учить Владимира, все больше играл в теннис с нашими сестрами и их подругами. Впоследствии Владимир говорил, что ничего полезного от него не получил.

А ведь тот первый юноша был Павел Дмитриевич Корин. Как оба они впоследствии жалели, что не встретились на десять лет раньше!

Годы шли. Владимир по-прежнему много рисовал, но не в черных тетрадках, а на александрийской бумаге в альбомчиках с серыми холщовыми переплетами.

Владимир рисовал не одни батальные сцены, но старался запечатлеть на бумаге сценки чисто бытовые, те или иные происшествия.

Обладая тонким чувством юмора, он рисовал остроумные карикатуры на участников этих происшествий.
Как-то в зимние каникулы один из наших многочисленных дядей отправился на охоту к устью Истры и взял с собой Владимира. Так появился целый альбом — бравые охотники, к которым присоединился оборванный мужичок в лаптях; у каждого из них ружье за плечом; без труда можно узнать долговязого дядю с внушительной двухстволкой и чуть пониже ростом худенького Владимира с мелкокалиберной «Монте-Кристо». Вот они сидят у костра в позах охотников с картины Перова, вот они подкрадываются, вот залегли, вот дядя стреляет. И последняя картинка — торжественно несут на палке привязанного за ноги барсука.
В мае 1918 года отец отправил всю семью в город Богородицк Тульской губернии, а сам остался в Москве. В это время Владимир учился в последнем, восьмом, классе Богородицкой гимназии. В свободное время Владимир рисовал. На главной улице города — Воронежской — появились витрины — нечто вроде Окон РОСТА, на которых местные художники, и он в том числе, рисовали карикатуры на злобу дня. Под карикатурами помещались подписи в стихах. Очевидно, некоторые материалы брались из центральных газет, а многие сочинялись на месте.
Отлично помню огромный на фанере щит, расписанный Владимиром, выставленный на Соборной площади: кузнец ударял молотом по наковальне, огонь полыхал в горне и освещал оранжевым светом могучую фигуру и темные стены кузницы, искры сыпались из-под молота в разные стороны. Щит этот висел целую зиму, пока не облезла краска.

Базар. г. Богородицк. 1918.

Сохранились карандашные наброски к этому щиту, из которых видно, как долго Владимир искал нужную позу кузнеца, нужный поворот фигуры, на тех же страницах помещены наброски рыцарей, средневековых замков.
В те годы во многих городах, не только в губернских, но и в уездных и даже в селах, возникали самодеятельные театры, струнные и духовые оркестры, художественные студии, литературные кружки. Люди валом повалили в эти театры, на концерты, на художественные выставки и литературные вечера, которые устраивались в бывших барских особняках, в школах, в трактирах, в сараях, летом просто на открытом воздухе.
В стране разгоралась гражданская война, свирепствовал сыпной тиф, но люди, старые и молодые, подчас голодные, плохо одетые, стремились приобщиться к искусству. Выставки произведений местных художников время от времени устраивались и пользовались успехом. Струнный оркестр был хорошим, а Богородицкий театр великолепным.
Пьес революционных тогда еще не существовало. Ставили классиков — Шекспира, Мольера, Гоголя, Чехова. Артисты играли талантливо, вдохновенно, с огромным увлечением.

Летний театр занимал просторное помещение, вроде сарая, во дворе «Высшего начального училища», так громко именовалась тогда четырехклассная школа. В первые два года зимою играли в залах городских учебных заведений, а позднее приспособили двухэтажный кирпичный особняк купчихи Кобяковой, в котором разобрали межэтажное перекрытие и часть внутренних стен.
Художника-костюмера в театре не было, каждый артист с помощью матери, тетушек и бабушек сам шил себе костюм, который одобрялся или браковался строгим режиссером.
Одна и та же мебель из дворца графов Бобринских использовалась и в «Гамлете» и в «Ревизоре».
Владимир писал декорации. Был ли в театре еще художник, не помню, но как я приходил помогать брату — этого не забыл.
Летом в хорошую погоду он устраивался под навесом сзади того театрального сарая, а я, едва дыша от гордости и от восторга, подавал ему краски, кисти, варил клей. Мне хорошо запомнились декорации к «Вишневому саду» и к «Ревизору».
Прежде чем писать декорации на холсте, он делал в обычных своих альбомчиках акварельные эскизы, как и всегда добиваясь документальной достоверности. Я помню, как он досадовал, что вынужден писать цветущие вишневые деревья не с натуры, а по памяти. Особенно удались ему декорации задника за окнами гостиной Раневской — вишневые деревья весной, все осыпанные бело-розовыми цветами, и те же деревья глубокой осенью с черными рогатыми сучьями, с порыжелой листвой.
С оформлением «Ревизора» ему пришлось повозиться. По заданию режиссера для декорации задников брат должен был изобразить шесть домиков, построенных в начале прошлого столетия.
Подходящие домики Владимир нашел в разных концах города и сейчас же отправился их срисовывать в свой альбомчик. Я пошел с ним и потом, сидя сзади него, с гордостью посматривал на толпившихся вокруг зевак и отгонял мешавших малышей.
Владимир был большой домосед, все свободное время он проводил дома, что-то делал по хозяйству — воду носил, дрова колол и неизменно рисовал «для себя».
После трудового дня он приходил в наш покосившийся домишко на Успенской улице, ужинал ежедневной холодной картошкой с конопляным маслом или ржаной кашей, а потом забирался за перегородку в кухне, где мы — два брата — жили. Садился за столик, тускло освещенный лампой-коптилкой, брал свой альбомчик, либо раздобытые неизвестно где листы бумаги, и начинал рисовать. А по вечерам бывало холодно, зимний ветер выдувал тепло, застывшие пальцы плохо слушались. Я тогда часами сидел рядышком, забравшись с ногами на кровать, и смотрел, следил, как рождаются под его быстрым карандашом и кистью фигуры людей.
Крестьяне и крестьянки из соседних деревень постоянно приезжали в город на санях; все они были обуты в белые с красными узорами

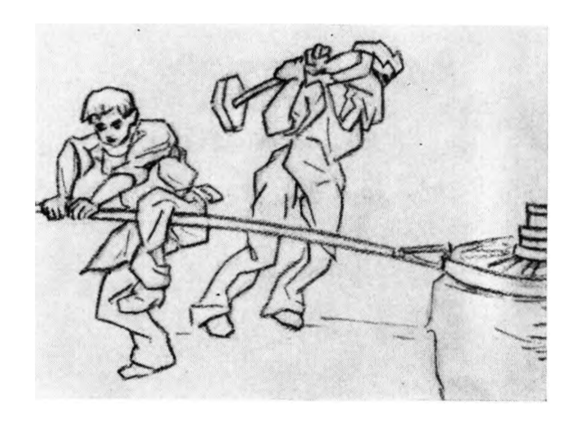

Рисунок из альбома. 1919

валенки, одеты в дубленые овчинные ярко-оранжевого цвета полушубки, в длинные до пят так же ярко-оранжевые тулупы с широкими из темной овчины воротниками.

Владимир увлекся сочетанием этих красочных пятен рядом с синими тенями на снегу. Он рисовал множество бородатых крестьян, крестьянок в ярких платках, разномастных лошадей в разукрашенной упряжи. Крестьяне ехали в розвальнях, стояли, степенно беседуя, кормили или запрягали коней. Может быть, брат мечтал о какой-то жанровой картине — не знаю.

Где-то ему удалось достать книгу — роскошное издание, но с очень плохими иллюстрациями — переложенное для детей «Сказание о невидимом граде Китеже». Его увлекла поэтичная легенда о прекрасном городе, ушедшем на дно озера, и он сам задумал создать новые иллюстрации.

Всю зиму ему пришлось рыться в журналах, разыскивать рисунки старинной русской и татарской одежды и оружия. И по этим рисункам он создал серию маленьких картин в стиле Билибина — яркими акварельными красками, без теней, с народными узорами на полях. К сожалению, этот альбом пропал.

Жил в Богородицке учитель рисования Рожков Николай Иванович, болезненного вида худощавый человек. Владимир ходил в студию заниматься под его руководством, рисовал углем. Угольки я ему вытаскивал из нашей русской печки, а он, не доверяя мне, сам обстругивал их ножичком. В 1920 году девятнадцатилетний Владимир готовился призываться в Красную Армию.

В то лето прибыл в Богородицк молодой ученый-океанограф Лев Александрович Зенкевич — впоследствии академик, ученый с мировым именем. Получив ответственное назначение на Север, он приехал на три дня проститься со своими родными.

В марте 1920 года В. И. Ленин подписал декрет об основании плавучего морского биологического института, и Зенкевич был назначен заместителем директора по научной части.

Институт помещался в Москве, а его экспедиционные учреждения находились на Севере, — в г. Александровске на Кольском полуострове (теперь г. Полярный) и в Архангельске. Требовались кадры — люди различных специальностей, молодые, здоровые, расторопные, готовые выполнить любую, самую тяжелую работу.

И сейчас Север суров, а тогда о самолетах никто и не слыхивал, англичане либо потопили, либо увели с собой почти весь флот, поезда по двум магистралям — на Мурманск и на Архангельск — ходили очень медленно. В сущности те нетронутые края были почти отрезаны от остальной страны.

Среди специалистов институту требовался художник. Родные Льва Александровича рекомендовали Владимира. Так, вместо фронтовой службы брат на три года попал на Крайний Север. Начался новый период в его творчестве. Он впервые в жизни увидел море.

***

С МОИМ ДРУГОМ ВОЛОДЕЙ ГОЛИЦЫНЫМ

В. А. Васнецов

Когда входили в небольшую комнату, смотревшую своим единственным окном в Долгоруков переулок, совершенно невозможно было предположить, кто ее обитатель, каково ее назначение.
По обе стороны от входной двери высились до самого потолка грубо сколоченные стеллажи со множеством полок. Между ними оставался только узкий проход. Свободное от стеллажей место перед окном было занято большим столом. На нем — микроскоп, бинокуляр, стеклянные банки, пробирки в стойках, множество книг.
А полки стеллажей доверху были забиты всевозможными вещами. Тут ведра, наполненные пахучим чаем и черным перцем, сапоги, плащи, чайники, стеклянные банки с деревянными сапожными гвоздями, рядом — жестяные кружки, алюминиевые ложки; полкой выше были напиханы кожаные куртки, брюки, меховые шапки, ватники. На противоположных полках — коробки с клюквенным экстрактом, тарелки и даже несколько штук часов-ходиков с медными гирями и расписными циферблатами. А под самым потолком — плетеные канадские лыжи свисали прямо над головой. Ружья, фотоаппараты, патроны, треноги.
Что же это была за комната? Склад сельского магазина в таежном краю? Но при чем тут микроскоп, бинокуляр, книги?
Нет, это был не склад, а кабинет № 7 в Зоологическом музее Московского университета и принадлежал он Ивану Илларионовичу Месяцеву, назначенному начальником первой советской арктической экспедиции на вспомогательном ледокольном крейсере «Соловей Будимирович». В этой комнате были и штаб экспедиции и ее склад. И. И. Месяцев — инициатор, организатор и душа в деле создания плавучего Морского научного института и его первой экспедиции, которая должна была выйти в полярные моря летом 1921 года.
Помещения у вновь созданного института никакого не было, к экспедиции начали готовиться заблаговременно, и получаемое снаряжение и оборудование свозили в кабинет № 7. Вскоре там уже негде было повернуться. Все имущество постепенно упаковывали в ящики и готовили к отправке. Иван Илларионович поручил мне организовать упаковку с правом привлекать себе на помощь свободную молодежь. Я взялся за это дело, тем более что умел владеть пилой, топором и молотком. Помощниками моими бывали то один, то другой из сотрудников музея, но не все брались за эту работу с достаточной охотой, тем более что ящики приходилось делать самим.
Однажды, весною 1921 года в кабинете № 7 я встретил высокого плечистого моряка в бескозырке и в каком-то совершенно необычайном бушлате с капюшоном, одевавшемся через голову. Бушлат этот произвел на меня ошеломляющее впечатление своей экзотичностью.
— Вот познакомьтесь, это Володя Голицын, ваш ровесник, он приехал с Мурмана и будет принимать участие в нашей экспедиции.

А теперь он поможет вам в упаковке и отправке грузов, на него вы можете положиться, посмотрите, какой здоровяк,— сказал мне Иван Илларионович. В дополнение к изумившему меня бушлату оказалось, что этот молодой моряк приехал с Мурмана, представлявшегося мне в те времена каким-то далеким экзотическим краем, вроде джеклондонского Клóндайка.
Мурман затмил бушлат, и теперь я уже с интересом взглянул на нового знакомого. Ростом он был с меня, быть может, немного выше, но поплотнее, пошире в плечах. Лицо приветливое, румяное, небольшие серовато-голубые глаза и нос, вроде моего, порядочный. Присмотрелся внимательнее, мне показалось в его лице что-то очень знакомое. Но нет, мы с ним никогда прежде не встречались. А потом мне сказали, что и лицом и фигурой мы очень похожи.
— А мне о вас уже говорил Иван Илларионович, вот мы теперь и познакомились,— сказал Володя каким-то глубоким и немного глуховатым голосом.— В чем нужна моя помощь?
— Да вот ящиков нет, в первую очередь надо делать ящики,— ответил я.
— Так что ж, я готов приступить хоть сейчас.— Володя снял свой удивительный бушлат и остался во флотской фланелевой рубашке, далеко не первого срока, с голубым выцветшим воротником. Оказалось, что он умеет управляться с пилой, топором и молотком. Вдвоем дело у нас пошло на лад: сколачивали ящики, паковали, забивали крышками, надписывали. Делать надписи и рисовать рюмки взялся Володя, и тут я узнал, что он художник.
Работа у нас шла весело, время разнообразилось еще и рассказами Володи о его жизни в Александровске на Мурмане, о биологической станции, о Кольском заливе, о Мурманске. Да мало ли у Володи было интересных тем для беседы.
Почувствовав взаимную симпатию, мы очень быстро сдружились, и через день-другой мне казалось, что с Володей мы близко знакомы уже много лет.
Потом к нам присоединился еще один молодой матрос, Ваня Розанов, и втроем мы понаделали для всего экспедиционного имущества множество ящиков, все упаковали и подготовили к отправке в Архангельск .
Хорошо было работать с Володей, он всегда был приветлив, всегда ровен и весел, не злился на всевозможные трудности (а их было немало в 1921 году), иногда бывал голоден, но всегда готов помочь товарищу и словом и делом.
Но вот закончена упаковка всего снаряжения для предстоящей экспедиции. Ящиков и тюков, казалось нам,— возить не перевозить. Отправляли в Архангельск решительно все, так как в Москве негде было оставлять наше имущество.
Грузовые автомашины были тогда редкостью, и весь наш груз отправляли мы на конных подводах в пакгауз товарной станции Ярославской железной дороги.

Потный и красный, в парусиновой матросской робе, как заправский грузчик, таскал Володя на спине ящики из подвала Зоологического музея. Трудно нам доставалась профессия грузчика, тем более что питание наше было весьма скудным, как теперь говорят «малокалорийным», а ящики — тяжелыми.

Приходилось нам грузить во дворе Зоологического музея, потом ехать на станцию, там выгружать в пакгауз, возвращаться в музей, снова грузить на подводы и снова ехать выгружать.

А Володя, вытирая рукавом пот со лба, еще покрикивал: «Веселее, веселее пошевеливайтесь, крючники, поторапливайтесь, капитан даст на водку!» А мы были бы рады и краюхе черного хлеба с солью для поддержания сил. Тогда это кушанье было более желанным, чем теперешний кофейный торт со всякими цветочками и загогулинками из шоколадного крема.

Наконец, к пакгаузу подали четыре товарных вагона. Снова началась погрузка. Но теперь в ней принимали участие не только мы, молодежь, — штатные грузчики, но и все будущие участники экспедиции более старшего поколения. Таскал тюки И. И. Месяцев, грузили ящики, водопроводные трубы и железо доценты и преподаватели университета Л. А. Зенкевич, В. А. Яшнов, ассистенты А. А. Шорыгин, В. В. Алпатов, Б. К. Флеров и многие другие.

Один вагон был загружен только наполовину и наиболее ценным имуществом—ружьями, обмундированием, фотоаппаратами, микроскопами и прочим. Он был оборудован железной печкой, а из тюков и ящиков мы устроили спальные места. Володя, Ваня Розанов и я должны были в нем ехать до Архангельска в качестве сопровождающих наш груз. Мелом Володя разукрасил наружные стены вагона огромными якорями и интригующей надписью — «Вагон специального назначения Полярной экспедиции Плавучего Морского Научного Института».

Вскоре четыре наши вагона подали к пассажирской платформе Ярославского вокзала, чтобы отправить с почтовым поездом до Ярославля. Почему-то мы простояли здесь дня два, пока нас прицепили. Вагоны с якорями и надписью «Полярная экспедиция» вызывали большое любопытство публики. Привлекала внимание и статная фигура Володи, его красивое, породистое лицо, так не вязавшееся с рабочей матросской одеждой. Он совершенно затмевал мою скромную личность, одетую в армейское обмундирование, хотя и в пилотке и с авиационной нашивкой на рукаве. Сознаюсь, я тоже мечтал одеться в морскую форму, хотя еще не ступал ногой на палубу корабля, а море видел только в детстве. Но не мог же я одеть в поездку в товарном вагоне свое новое обмундирование, только что полученное при выпуске из авиашколы.

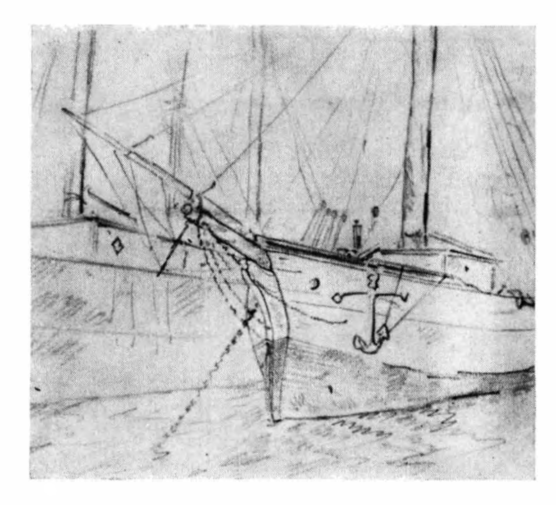
Пока мы так стояли у пассажирского перрона, сколько же народа подходило к нам с расспросами об экспедиции и сколько объявилось желающих принять в ней участие — людей, не имевших никакого отношения ни к морю, ни к науке

Рисунок для журнала «Всемирный следопыт». 1929

Все эти переговоры вел Володя, как повидавший уже Северный Ледовитый океан. На вопросы отвечал он всегда совершенно авторитетно, с полным знанием дела, а зачастую и с добродушным юмором, если того заслуживал собеседник.
Наконец вагон прицепили. Распрощавшись с провожавшими родственниками и друзьями, мы тронулись в далекий путь. И если до Архангельска он был не столь уж далеким, то во всяком случае длительным.
Но нас, троих молодых людей, не пугало ни расстояние, ни время. Наш путь по незнакомым местам, в отдельном вагоне, да еще с печкой, казался нам интересным и увлекательным.
Стояло лето, поезд шел медленно, обе двери товарного вагона были распахнуты прямо в природу, и за ними бесконечной панорамой развертывались пейзажи средней полосы России — поля, перелески, спокойные речки и живописные деревушки. Мы могли почувствовать всю прелесть нашей среднерусской природы.
Но так беззаботно ехали мы с почтовым поездом только до Ярославля. А потом начались всевозможные трудности. На узловых станциях приходилось добиваться, чтобы нас прицепили к товарному транзитному или к сборному поезду. Иногда не было паровозов, и все это вызывало длительные задержки не только на узловых, но случалось и на промежуточных станциях.
Это было лето 1921 года. Исправных паровозов не хватало, составы тащили старенькие паровозы серии «овечка», с огромной трубой в форме самовара — искрогасителем, так как котел топили дровами, да еще еловыми.
Зачастую на подъеме поезд останавливался, у паровоза не хватало силенок, нагоняли пар в котле, и поезд снова медленно трогался. На узловых станциях, где менялась бригада, приходилось упрашивать начальство, чтобы нас прицепили к ближайшему отправляющемуся составу. Видя молодых, здоровых ребят, нам не раз предлагали — «грузите дрова в тендер, тогда прицепим».
Конечно, мы грузили, и хотя дров требовалась уйма, это нас не смущало. Мы швыряли поленья под веселые шутки и покрикивания. На одной из дистанций в паровозной бригаде не хватало кочегара, и из-за этого задерживалась отправка состава. Тогда недостающего вызвался заменить Володя, и, если мне не изменяет память, он подбрасывал в топку дрова на перегоне от Вожеги до Няндомы, где мы застряли уже на три или четыре дня. После перегона вернулся Володя с паровоза усталый, грязный, но довольный. «Вот поработал кочегаром, может быть, и это в жизни пригодится», — смеясь сказал он.
Так, потихоньку, со всем комфортом в своем вагоне «специального назначения» продвигались мы к северу. Готовили наши скудные обеды на железной печурке, по своим документам получали кое-какие продукты на пунктах питания узловых станций и любовались непрерывно меняющимися пейзажами.

Хорошим подспорьем в нашем питании был бочонок солонейшей селедки, полученной нами в дорогу. Меняли мы ее на молоко, землянику, малину. Котировалась эта «соленая валюта» очень высоко, и мена была всегда выгодной. Володя эту селедку вымачивал и варил из нее какой-то деликатесный суп с макаронами или пшеном, очень вкусный. Правда, все, что было съедобно, казалось нам тогда вкусным.
В наш вагон мы погрузили американское сладкое сгущеное молоко, какао, упакованные в простые мешки, и муку. Замечательное густое молоко, напоминавшее помадку, нам страшно нравилось. Пробив в банке две небольшие дырочки, мы посасывали его лежа на наших нарах.
В Вологде нас продержали больше суток и неизвестно было, когда и к какому поезду прицепят. Поэтому отлучаться надолго мы боялись и с городом познакомились очень бегло. Володя даже ничего не зарисовал.
За Вологдой природа стала приобретать северный характер. Пошли хвойные леса, в деревнях появились высокие, большие избы в полтора этажа, а на полях — характерные изгороди из косо поставленных жердей. Дальше, на севере леса казались уже настоящей тайгой, и стояли они тогда вплотную к полотну железной дороги. А ближе к Архангельску в таежный ландшафт стали вклиниваться болотистые низины, поросшие низкорослой тундровой сосной.
Перед станцией Вожега железная дорога пересекает реку Вожегу с возвышенными берегами. В те времена мост через нее был деревянный, очень высокий и очень ветхий, укрепленный множеством подпорок и распорок. Когда по нему медленно полз поезд, он скрипел и кряхтел от непосильной тяжести. Мост был настолько ненадежным, что поезд перед ним делили пополам, сначала переправляли одну часть, потом паровоз возвращался за остальными вагонами. Страшно было ехать по этому мосту.
На полдороге между Вологдой и Архангельском стоит станция Няндома, где менялись паровозы и поездные бригады. Здесь мы застряли на несколько дней, при полной неизвестности, когда двинемся дальше — паровозов не было.
Поселок при станции был тогда типично северным, чистеньким, аккуратным, с добротными деревянными домами и дощатыми тротуарами. По середине поселка блестело синее озерко, а вблизи него стояла маленькая деревянная старинная церквушка. Глухой еловый лес со всех сторон окружал поселок. Заперев свой вагон, мы могли свободно разгуливать по окрестностям. Володя делал в своей тетрадке наброски деревянной церквушки и озера.
Следующей узловой станцией на нашем пути была Емца. Здесь мы тоже застряли и отправились побродить по окрестным лесам, поискать грибов. Но вместо грибов в молодом ельнике наткнулись на скелет убитого. Белел череп среди истлевших остатков одежды, валялись крупные кости, более мелкие, по-видимому, растащили

Шхуна. Архангельск. 1922

звери. Судя по множеству позеленевших патронных гильз, человек перед смертью отчаянно отстреливался.

Установив по некоторым признакам, что перед нами останки красноармейца, мы взяли череп с собой, чтобы закопать его потом на кладбище в Архангельске.

Но вот и последняя станция перед Архангельском — Исакогорка. Расположена она на очень высоком надпойменном берегу Северной Двины, километрах в десяти от Архангельска, вернее, от станции Архангельск, так как сам город находится на другом берегу реки. С возвышенности Исакогорки открывается широчайший горизонт, видна полноводная Двина, здания и соборы Архангельска и Соломбалы, лес мачт у пристаней, пароходы и парусные корабли, стоящие на рейде широкой реки.

Все трое мы впервые увидели Архангельск, столь могучую реку, как Двина, и долго любовались открывшейся перед нами чудесной панорамой.

Поезд быстро скатился вниз к пристани грузового порта Бакарица, состав расформировали, а наши вагоны подали на причал к самой воде.

Так закончилось двухнедельное путешествие от Москвы до преддверья Северного Ледовитого океана. Теперь, быть может, покажется смешным, что я этот путь называю путешествием. Сейчас это так просто — взял билет, сел в поезд со всеми удобствами и через 28 часов уже в Архангельске. До этого северного города, кажется, совсем «рукой подать».

Но то был 1921 год! Столько трудностей пришлось испытать, столько энергии и настойчивости пришлось нам приложить для того, чтобы протолкнуть наши вагоны до Северной Двины, что все это вполне можно назвать путешествием.

В этих трудностях была и своеобразная прелесть; столько интересного удалось повидать и пережить нам с Володей, что события эти запомнились мне на всю жизнь.

Через два-три дня к причалу подвели небольшую баржу, и в нее было перегружено из вагонов все экспедиционное имущество. Так сменили мы сухопутную жизнь на «морскую».

Из тюков, ящиков и мешков сделали мы на барже нечто вроде домика, покрыли все это брезентом и вдвоем с Володей устроились там на житье до тех пор, пока нас не подвели к борту ледокольного парохода «Соловей Будимирович», на котором наша экспедиция должна была отправиться в далекие полярные моря. Для нас с Володей это дальнее плавание начиналось с баржи, стоящей у причала, которую уже покачивало разгулявшейся двинской волной.

Довольно удобные спальные места в нашем домике под брезентом мы устроили из мягких тюков, но, перебравшись с суши на море, лишились нашей печки. Никаких столовых или буфетов на пристани Бакарица, тогда не было и в помине. До станции Архан-

гельск, где можно было получить хотя бы кипяток, приходилось идти около трех километров. С питанием стало совсем плохо. У нас оставалось немного черного хлеба, все те же селедки, мука, какао и сгущенное молоко. А сварить не на чем. Потом кончился и хлеб. Поехать куда-нибудь и его раздобыть мы боялись, не зная, куда и когда нас потащит буксир. Вдруг он придет без нас и уведет нашу баржу в неизвестном направлении в незнакомом городе! Так мы и должны были сидеть привязанными к ней.

Но наше безрадостное положение скрашивал жизнерадостный и неунывающий характер Володи. Из муки, сгущенки и какао он приготовлял болтушку на холодной воде и, наевшись селедкой, мы с ним запивали или заедали ее этим своеобразным кремом.

Чудесны были белые ночи на Двине, необычайно нежные, перламутровые тона неба и воды. На ночь замирало движение на реке, и над ее просторами наступала прозрачная тишина.

Володя распаковал свои художественные принадлежности, начал делать зарисовки, работать акварелью и первое время все досадовал, что ему не удается передать на бумаге эти нежнейшие северные оттенки.

Наконец, на третий или четвертый день нашего голодного существования у пристани Бакарица к нам подошел долгожданный буксир и перетянул нашу баржу в город к Соборной пристани.

Там совсем рядом находился рынок, и мы в первую очередь набросились на еду и молоко. Сейчас уже я не помню, долго ли и по какой причине мы снова простояли с нашей баржей у этой пристани в центре Архангельска.

Вспоминается мне один интересный инцидент, происшедший здесь с нами. К нашей невысокой барже, стоявшей у каменной стенки Соборной пристани, подошел небольшой сверкающий полировкой и медью щегольской катер под норвежским флагом. Пассажирами на нем были прекрасно одетые «господа» в котелках и три дамы буржуазного облика.

Катерок был много ниже борта баржи, мы с Володей спустили на него трап и подали дамам руки, чтобы помочь перейти. Потом этот трап перенесли с баржи на пристань и тоже помогли дамам подняться. Господин, поднимавшийся последним, достал из кармана иностранную монету и протянул ее Володе. Тот поблагодарил его по-французски и сказал, что не возьмет. Господин немного растерялся и протянул монету мне. Я поблагодарил его по-немецки и тоже сказал, что не возьму.

Господин, а это оказался норвежский консул, совсем растерялся, как-то нелепо повертел монетой в воздухе, посмотрел на нас, сунул ее в карман, приподнял котелок и извинился.

Всему бывает конец, за нами снова пришел буксир и повел в Соломбалу, где у стенки стоял «Соловей Будимирович».

И вот мы впервые увидели корабль, на котором нам предстояло совершить далекое полярное плавание. Он показался нам огром-

Поездка на реку Лаю. 1922

ным, тяжелым, загруженным множеством всяческих механизмов, лебедками, блоками, стрелами и прочим. Володя хотя и жил на Мурмане, но плавал там на небольших парусно-моторных шхунах, вроде красавца «Александр Ковалевский» или «Шарлотта». А я вообще впервые вступил на палубу океанского парохода.

С помощью лебедок и стрел баржа наша была быстро разгружена, но большую часть имущества пришлось сложить на палубе, так как на корабле производились еще столярные и малярные работы, связанные с некоторым переоборудованием «Соловья Будимировича» для целей научной экспедиции.

Расстались мы с нашей баржей с сожалением: живя на ней, мы впервые познакомились с красавицей Двиной, с Архангельским портом, с нежными красками белых ночей. А для меня на этой маленькой барже начался новый этап моей жизни, тесно связанный с морем и кораблями.

Переселились мы с Володей на корабль и включились в работы по подготовке его к экспедиции. Ночами мы несли вахту на палубе и всегда старались устроиться так, чтобы оказаться вместе. Это были чудесные ночи, погода стояла теплая, летняя, тихая. Ничто не мешало нам вести задушевные беседы.

Володя был зачислен в экспедицию в качестве художника и должен был зарисовывать животных и микроскопические срезы для гидробиологов. По вполне понятным причинам это ему не очень нравилось, он предпочитал рисовать корабли, северные земли, море и полярные льды. Этому он посвящал все свое свободное время.

Но одно комическое происшествие дало еще новое направление его творческой фантазии.

Корабль стоял на рейде. К этому времени его былинное имя «Соловей Будимирович» было изменено на имя «Малыгин», и он из ранга вспомогательных крейсеров был переведен в ледокольные пароходы. Последнее оборудование для экспедиции продолжало еще поступать с берега и его перевозили на шлюпке. С подводою каких-то ящиков и тюков, с сетками, железными драгами и тралом «сигсби» на пристань подъехал Володя и доцент Московского университета В. А. Яшнов. Все имущество погрузили в шлюпку, причем сначала тюки и ящики, которые заполнили ее горой. Остались тяжелые драги и трал.

— Давайте сюда драгу и трал, — крикнул Володе стоявший в шлюпке Яшнов.

— Да ведь они тяжелые, Владимир Андреевич, а вы хотите положить их поверх легкого груза,— возразил Володя,— опрокинемся.

— Ничего, давайте, судно рядом, я один догребу, не стоит ездить лишний раз,— настаивал Яшнов.

Неудобно было Володе возражать старшему, и он подал драгу и трал, а Владимир Андреевич положил их поверх всего имущества. Но как только шлюпка отвалила от пристани, так и опрокинулась на виду у всех стоявших на палубе «Малыгина». Все кончилось

благополучно, плавающие ящики и тюки подобрали, а драгу и трал вытащили кошкой. Искупался только Яшнов, но это было жарким летним днем и доставило всем только развлечение и повод для шуток.

А вечером в кают-компании Володя прокомментировал это событие в виде карикатуры. Так, проявился в Володином творчестве талант карикатуриста.

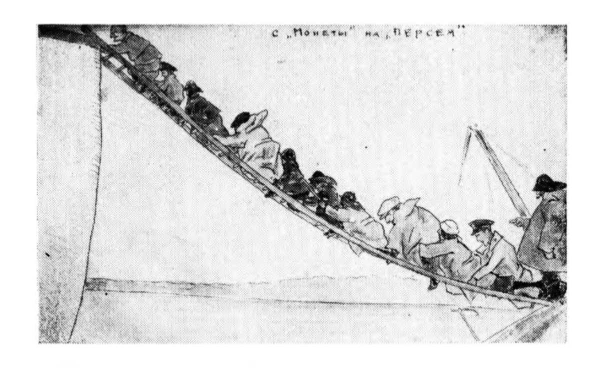
С этого рисунка в специальном журнале Володя начал вести дневник всех интересных событий, случившихся в экспедиции. Володина наблюдательность и врожденный юмор давали ему обильную пищу для такого веселого творчества, карикатуры вызывали в кают-компании всеобщий смех, даже у мрачных пессимистов, не понимавших шуток.

Карикатуры Володи никогда не бывали обидными, они скорее походили на дружеские шаржи, отображавшие веселые и комические события в жизни и работе экспедиции.

Потом во время плавания Володя оформил, в том же карикатурном стиле, красочную обложку для своего журнала.

За длительное плавание этот журнал разросся до объема большого альбома с массой талантливых рисунков.

Много лет он хранился в библиотеке Морского научного института и давал возможность участникам его первой экспедиции вспомнить веселые минуты минувших дней и вновь посмеяться над ними. А потом этот замечательный альбом, кажется в 1927 году, куда-то бесследно исчез. Жаль, ведь теперь это был бы уже ценный исторический документ.

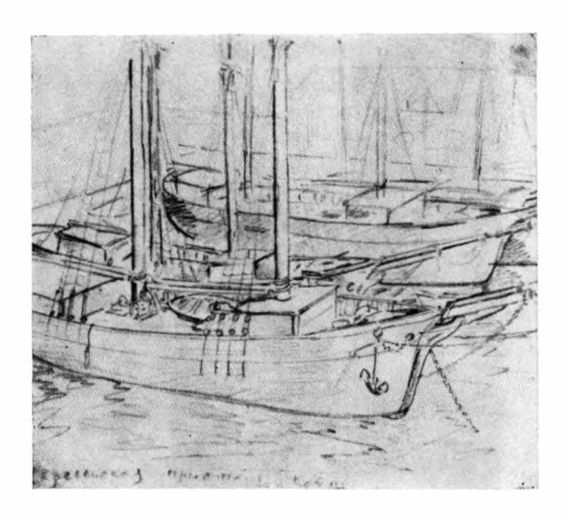
С «Монеты» на «Персей». 1922
(крайний справа В. М. Голицын)

От выполнения своих экспедиционных задач в Баренцевом море наш корабль был оторван вызовом в Карское море для оказания помощи застрявшим во льдах пароходам Карской товарной экспедиции.

Здесь пришлось нам быть свидетелями трагических событий. Во льдах у острова Белого, ночью, при таинственном свете северного сияния пропорол себе корпус о льдину и в несколько минут затонул пароход «Енисей». «Малыгин» принял с него экипаж, в том числе капитана Н. М. Сахарова, в прошлом командовавшего «Святым Фокой» — судном полярной экспедиции лейтенанта Г. Я. Седова. «Енисей» затонул на мелководье, и наутро были видны торчащие из воды конец трубы и мачты погибшего корабля.

Через два или три дня получил повреждения во льдах и начал тонуть большой пароход «Обь». «Малыгин» подошел к его борту и стал снимать команду. Волны во льдах не было, но завывал свирепый ветер, и наш корабль должен был пришвартоваться к «Оби» с ее подветренного борта. «Обь» была вдвое больше и выше «Малыгина», а поступившая через пробоины вода и сильный ветер кренили ее в нашу сторону. Мы закрепились за нее толстыми пеньковыми швартовами. Опасаясь, что гибнущее судно может навалиться на нас, когда пойдет ко дну, капитан «Малыгина»

С. М. Карамышев приказал нескольким людям из своей команды перебраться на «Обь» и стоять у ее кнехтов с топорами в руках, чтобы в случае опасности мгновенно перерубить швартовы.
У носовых кнехтов с топорами наготове стояли Володя Голицын и Ваня Розанов. Потом, под свежим впечатлением, Володя сделал несколько акварелей, посвященных этим трагическим событиям.
Вообще за время нашего интереснейшего плавания Володя очень много рисовал, используя для этого каждую свободную минуту. К сожалению, после экспедиции у него осталась очень незначительная часть его произведений. Всем хотелось получить от Володи что-нибудь на память о плавании. И он, не жалея, дарил. Иногда у него выпрашивали готовые акварели, просили их повторить, и Володя не отказывал. Однажды он изобразил «Малыгина» во льдах. Эта удачная акварель всем страшно понравилась, и на Володю обрушилась масса просьб повторить. Ну как отказать? Сделает одному, просит другой, как его обидеть? И вот идя навстречу многочисленным просьбам, Володя наладил производство «Малыгина» во льдах. Он сделал трафаретку из картона, вырезал контуры корабля, сделал прорези для основных элементов рисунка, обводил черной тушью, а потом раскрашивал акварелью, добавлял море, льды, облака и на каждом рисунке варьировал эти элементы пейзажа. Таким образом, трафаретным оставался только сам корабль, все остальное было творческой работой. Дело пошло быстро, и я уже не знаю, сколько десятков таких «Малыгиных» нарисовал Володя.

Шхуны. Архангельск. 1922

Еще Володя задумал сделать медаль в честь нашей первой советской арктической экспедиции. Она была тщательно вырезана им из твердого дерева с рельефным и шаржированным изображением характерных профилей начальника экспедиции И. И. Месяцева и его заместителя Л. А. Зенкевича. Но массовое производство медали у Володи не получилось, сделал он только две-три отливки, так как не оказалось ни олова, ни гипса для формовки.
После экспедиции значительную часть своих лучших акварелей Володя передал институту, и в специальной папке они хранились в его библиотеке. Там же находилась и деревянная медаль.
И рисунки, и медаль постигла та же участь, что и альбом карикатур, все это куда-то бесследно исчезло. По-видимому, прикарманил кто-либо из сотрудников, любителей искусства.
Как я уже говорил, на «Малыгине» Володя числился художником экспедиции, но он никогда ни от каких самых тяжелых работ не отказывался, всегда выполнял их весело, с улыбкой, подбадривая других, всегда готовый помочь товарищу.
Кончилось наше плавание. Поздней осенью 1921 года возвратились мы в Архангельск и с сожалением расстались с «Малыгиным».
Следующий этап моей совместной жизни с Володей Голицыным связан с нашим участием в постройке первого советского научно-исследовательского судна «Персей».

В начале 1922 года плавучему Морскому научному институту был передан недостроенный деревянный корпус большого зверобойного судна. Летом того же года молодые сотрудники института Володя Голицын, Андрюша Старостин, Миша Афанасьев и я были направлены в Архангельск для участия в работах по достройке и оборудованию этого корабля.

Для сотрудников института был отведен небольшой одноэтажный домик-особняк № 10 по Вологодской улице, где мы все вчетвером поселились в одной большой комнате. В этом же доме жил и И. И. Месяцев с женой и инженер П. К. Божич, руководивший работами на нашем корабле, названном «Персей».

Дом был старинный с большими комнатами, широченным коридором, высокими потолками и просторной кухней. Окна нашей комнаты выходили в сад.

Жили мы дружной компанией, сами привозили, пилили и кололи дрова и топили свою высоченную изразцовую печь.

В то время на постройку «Персея» не было никаких ассигнований, строго регламентированных по статьям и параграфам как теперь. Денег было очень мало, поэтому зарплату мы получали от случая к случаю и то не полностью — только на насущные нужды и карманные расходы.

Но это обстоятельство нас совсем не огорчало, еду мы получали, обмундирование тоже и даже курево. Были мы молоды, а впереди нас ждала перспектива увлекательных плаваний.

В этой обстановке совместной жизни и работы мы особенно тесно сдружились с Володей. Да и нельзя было не полюбить этого человека — доброжелательного, спокойного, удивительно простого и жизнерадостного. Он был особенно дружен с Мишей Афанасьевым, обладавшим такими же прекрасными душевными качествами. Их присутствие в нашем коллективе исключало возможность каких-либо ссор, либо недоразумений между всеми нами.

Работа наша была необычайно разнообразной.

В те годы, после первой мировой войны, после того, как с нашего севера только-только были изгнаны антантовские интервенты, не было ни механизмов, ни материалов для оборудования строящегося судна. Но выход из затруднения был найден, институту предоставили возможность снимать все необходимое с военных кораблей, отслуживших свой срок, а таких в Архангельском порту было немало. Там, где не требовалось специальных технических знаний, этот демонтаж выполняли мы сами.

Вот так работали мы с Володей на разоруженном броненосце «Чесма». В прошлом он назывался «Полтава», был потоплен японцами, потом ими поднят, отремонтирован и продан России.

В огромных полутемных межпалубных пространствах было пусто, гулко раздавались наши шаги по стальным плитам, а грохот упавшего молотка раздавался по всему кораблю.

Ощущение пустоты этой громадной заброшенной стальной короб-

ки, сознание, что эта батарейная палуба когда-то была залита кровью русских моряков, что жизнь покинула здесь сотни людей, оставив только изуродованные тела,— все это вызывало ощущение какого-то безотчетного страха, и мы с Володей старались держаться поближе друг к другу. Такое ощущение испытывали, по-видимому, не только мы одни, потому что в последующие дни вся наша группа стала работать вместе, не разбредаясь по кораблю.
Зимой мы с Володей становились иногда возчиками. Для перевозок имущества горкомхоз давал нам двух лошадей, но без кучеров, грузили и возили мы сами. Должен признаться, что мы любили такие поездки, было приятно снежной архангельской зимой прокатиться на санях да куда-нибудь подальше.
Все средства, получаемые институтом, уходили на постройку «Персея», а у нас зачастую не имелось денег даже на трамвайный билет, хотя деловых разъездов по городу было очень много. На архангельском трамвае работали исключительно кондукторши, и перед обаянием статного и общительного Володи не могли устоять женщины и этой профессии. Они прощали ему безбилетный проезд, а вместе с ним и нам, которых знали в лицо и собирательно называли «персеи».
Очень радовался Володя всяческим комическим происшествиям. Однажды шли мы из города в Соломбалу к месту стоянки «Персея» у стенки судоремонтного завода. Сокращая дорогу, мы пошли вдоль причалов по крепкому зимнему льду. Стоял чудесный солнечный день, в воздухе уже чувствовалась весна, мы весело болтали, и настроение у нас было тоже весеннее.
И вдруг я с недоумением увидел, что мой собеседник стал уменьшаться ростом! От неожиданности я даже не сразу понял, что с ним случилось, но тут же сообразил и поскорее протянул ему руку — Володя провалился в какую-то промоину.
— Тащи меня скорее,— закричал он,— у меня синька в кармане!
Действительно, в городе он купил синьку, и пакет лежал в его кармане. Все же он успел окунуться выше кармана. Я помог Володе выбраться на лед, и мы побежали к «Персею», благо до него было недалеко. Размокшая синька потекла по брюкам, серые валенки постепенно синели, а на снегу после Володи оставались синие следы. Бежать нам было трудно — так нас обоих разбирал смех.
А вечером Володя изобразил это событие в карикатуре. Во время работ по постройке «Персея» Володя сдружился с конопатчиком Андрюшей Шестаковым, замечательно колоритной фигурой. Невысокого роста, коренастый, необычайно широкий, с руками, что твоя лопата, всегда просмоленными, с окладистой, рыжей, щетинистой бородой Андрюша являл собою тип настоящего помора-кораблестроителя. Был он исключительно трудолюбивым, добрым и веселым человеком, по-видимому, эти черты его характера и привлекали к нему Володю.

Эскиз флага для Плавморнина. Рисунок В. М. Голицына
1922

На какой-то праздник были мы у него в гостях в деревне под Архангельском в его просторном доме с чисто выстроганными стенами и полом, покрытым домоткаными дорожками. В избе все ходили без обуви в толстых шерстяных чулках.
Угощали нас пельменями, разными пирогами — с рыбой, с брусникой, с морошкой — и вкусной крепкой брагой. Гости захмелели, развеселились, пели поморские песни, плясали. Особенно интересен был в пляске Андрюша с его медвежеподобной фигурой. На танец, вернее пляску, кавалера приглашала девушка.
Общительность Володи помогла ему быстро освоиться в обществе поморов, да и я после двух стаканчиков браги стал чувствовать себя совсем неплохо. И мы, конечно, плясали как могли, пожалуй, не хуже других.
В общем, и гости и хозяева остались довольны, вечер можно было считать удавшимся на славу.
Морозной ночью в розвальнях, на душистом сене, по широкой заснеженной Двине возвращались мы из гостей в Архангельск.
Окруженная радужным кольцом, ярко светила луна. Переливавшиеся в небе нежные цвета северного сияния меркли в ее свете.
В тетрадях Володи часто можно встретить зарисовки характерного облика Андрюши Шестакова.

*

Долги зимние вечера в Архангельске, только рассветает среди дня и снова уже темнеет. Но это не омрачало светлого восприятия жизни. Комната наша была теплой и просторной, большая печь хорошо протопленной, а компания тесной и дружной.
Вечерами читали мы вслух Марка Твена и многих других писателей. Предпочитали юмористов или же увлекались книгами Нансена, Толля, Пири, Скотта и других полярных путешественников. Но незаметно чтение переходило в общую беседу, рассказы, воспоминания, мечтания.
К весне оборудование «Персея» должно было закончиться, и обычной темой наших бесед были будущие плавания.
Да, завершалась огромная работа, институт становился собственником корабля, специально приспособленного для исследований, и мог распоряжаться им так, как это требовала программа научных работ.
Должен признаться, что нас, молодежь, привлекали тогда не научные проблемы, а романтика плаваний в ледовитых морях и пустынные земли северных островов.
В один из таких вечеров, когда мы размечтались об увлекательных приключениях, Володя вдруг прервал нашу беседу.
— Вот, друзья, корабль у нас будет, экспедиции тоже будут, а под каким же флагом будет плавать «Персей»? Морскому научному институту надо иметь свой флаг!
Всех нас увлекла эта мысль, началось изобретательство, флагу было посвящено множество вечеров. А сколько было предложено

Эскиз флага для Плавморнина.
Рисунок А. М. Васнецова.
1922

всевозможных проектов, сколько горячих споров разгоралось вокруг флага! Володя был горазд на всякие выдумки и придумывания, именно он сделал удачный рисунок флага. Вот как выглядел этот флаг: вдоль внутренней шкаторины полотнища шла узкая белая полоса, на ней синие буквы ПМНИ, поле флага светло-синее и на нем — семь главных звезд созвездия Персея.

Персей — отважный мифический герой, бесстрашно отрубивший голову ужасной и злобной Горгоне. Это — символ победы добра и света над злом и тьмой. Так и корабль «Персей», не боясь опасностей, должен был исследовать океан, поднимая темную завесу над его тайнами.

Из бумаги Володя сделал макет флага. Он оказался очень красивым, получил всеобщее одобрение и был принят институтом, как флаг его экспедиции и как эмблема на обложке печатных изданий его трудов.

Под этим звездно-синим флагом «Персей» ходил в свои далекие плавания, на его мачте развевался этот флаг в портах Норвегии, в фиордах Шпицбергена, в Карском море, у берегов Земли Франца Иосифа, Гренландии, Ян-Майена.

Преемником Морского института стал впоследствии Институт морского рыбного хозяйства и океанографии. Его многочисленные исследовательские корабли плавают теперь у Ньюфаундленда и у африканских берегов, в Девисовом проливе и у побережья Южной Америки все под тем же флагом.

Давным-давно, во время одного из плаваний «Персея» в 1924 или 1925 годах, за столом кают-компании родился гимн «Персея», который пели на мотив популярной песни времен революции «Мы кузнецы отчизны новой».

Последняя строфа этого гимна:

Так пусть же гордый флаг «Персея» —
Рой звезд и неба синева —
Над всем полярным миром реет
Сегодня, завтра и всегда —

оказалась пророческой.

«Персея», этого замечательного корабля, первенца советского научно-исследовательского флота, вошедшего в историю океанографии, давно уж нет. Но на мачтах кораблей, продолжателей начатого им дела, до сих пор развевается звездно-синий флаг «Персея».

Забылось трудное и славное прошлое, и мало кто из плавающих теперь под этим флагом знает, что был он придуман в один из вечеров зимы 1922—1923 года в Архангельске, в доме № 10 по Вологодской улице Владимиром Михайловичем Голицыным.

* * *

Очень серьезно и уважительно относился к нам, мальчишкам, Владимир Михайлович Голицын.
Общение с ним как-то освобождало от всех унижений, связанных с твоим малым возрастом, с привычным положением ничего не понимающего во взрослых делах ребенка, и придавало значимость и ощущение нужности.
Когда Владимир Михайлович начал работать в детской книжке — в 1924 году, — он и в своих иллюстрациях остался таким же интересным собеседником, озорным сотоварищем, знающим и готовым рассказать массу удивительного и забавного.
Так случилось, что в эти годы в детскую литературу пришли такие же бывалые и веселые люди, исколесившие полсвета и попадавшие во всякие передряги. Прежде чем стать детскими писателями, они сменили много разных профессий, много всего повидали и узнали. Они рассказывали детям необыкновенные истории, веселые и грустные, иногда «травили», но никогда не фальшивили, не сюсюкали — говорили серьезно, чуть грубовато, с привычными профессиональными словечками, как бы признавая в своих маленьких читателях полноправных собеседников.
Словом, рассказывали «без дураков». (Этим выражением, означавшим добросовестность и правдивость, Владимир Михайлович определял и свое художественное кредо — рисунок должен быть ясным и интересным.)
И Владимир Михайлович иллюстрировал, главным образом, книжки, написанные этими интересными людьми.
Ими были:
А. Новиков-Прибой, бывший балтийский матрос, участник Цусимского сражения. Был в японском плену, потом долго скитался по свету, плавал матросом на английских торговых судах.
Б. Житков — химик, инженер-судостроитель, штурман дальнего плавания, человек, знавший решительно все на свете.
Е. Бывалов, писавший под псевдонимом Е. Зюйд-Вест. В четырнадцать лет ушел с рыбаками в море, плавал на торговых судах (чаще парусных) матросом, коком, рулевым, кочегаром, боцманом в Тихом океане, где-то между островами Самоа, Гавайи, Фиджи и Соломоновыми. Потом стал шкипером парусного судна, ходил из «Фриско» — Сан-Франциско в Новую Зеландию.
С. Ауслендер — до революции утонченный стилизатор старинной западноевропейской прозы, сотрудник эстетических журналов «Весы», «Аполлон», «Золотое руно», друг и последователь «клариста» Кузьмина, поэта «прекрасной ясности». С началом первой мировой войны был арестован в Германии, бежал в Швейцарию, оттуда после многих приключений пробрался в Россию. Немецкий фронт, потом скитания по стране. Работал воспитателем в детских домах. В 20-е годы Ауслендер — известный иллюстратор детских книг.
Артуро Каротти, итальянский коммунист, бежавший в Америку, работал там на заводе, потом нашел в СССР вторую родину.

ДЕТСКАЯ КНИЖКА

В. В. Перцов

В. Ветов — псевдоним Владимира Трубецкого. Бывший боевой офицер, «синий кирасир», талантливый музыкант и композитор, неугомонный путешественник и охотник, между другими делами писавший необыкновенно смешные рассказы, увлекательные путевые очерки и детские книжки.

Н. Шпанов — бывший летчик, авиационный техник, редактор специального авиационного журнала, был вторым пилотом сферического аэростата в первых советских воздухоплавательных соревнованиях в свободном полете на продолжительность, плавал корреспондентом на ледоходе «Красин», когда спасали экипаж дирижабля «Италия».

Несколько книжек Владимир Михайлович написал сам.

*

Большинство книжек, проиллюстрированных Владимиром Михайловичем, — про море.

И про корабли, конечно. Их в рисунках великое множество: сбоку, сверху, возвышаются громадой, маленький силуэт на горизонте, в шторм, в тумане, во льдах, у причала, в доке, в бою, тонущий, обледенелый, горящий, подорвавшийся на мине, торпедированный, даже разломанный пополам.

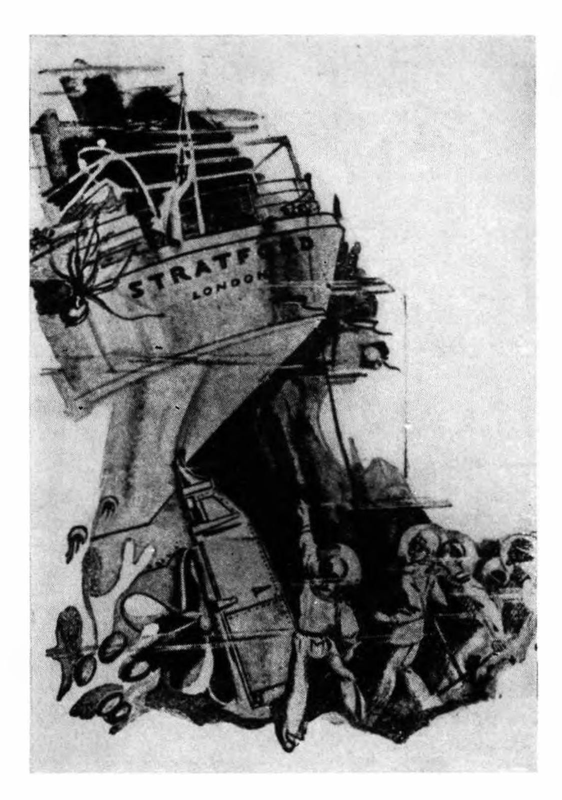

Иллюстрация к роману
А. Конан-Дойля
«Маракотова бездна»
для журнала «Вокруг света»

Замечательно интересно, оказывается, рисовать корабли. Очень это сложная форма, тонко и четко реагирующая на ракурсные изменения. Не условные кораблики — корабли у В. М. Голицына всегда монументальны, передан их масштаб. Вот корабль на море, большие, настоящие океанские валы — в полкорабля, но корабль не теряет в размерах, видно, какой он огромный. И никогда не картонный силуэт — всегда сложный и весомый объем. Ощущаешь его тяжесть и двигательную мощь.

И люди легко и свободно живут в его рисунках. Сценическое пространство, в котором развертывается сюжет, всегда очень убедительно. И интересно. Людей и корабли трудно соразмерить. Но люди почти всегда присутствуют, не отнимая у корабля его монументальности.

И можете быть уверенными, что нарисованы реальные корабли. Вот это английский линкор «Адмирал Нельсон» — у него три орудийных башни впереди, а эти парусники с высокими надстройками на корме — герои Чесменской битвы. Вот судно-ловушка, охотник за германскими подводными лодками в первой мировой войне — на вид торговый корабль, на самом деле боевой. А это бригантина корсаров из Сен-Мало, корсарской крепости в Бретани.

Владимир Михайлович собрал обширный материал по истории кораблестроения и мореходному делу — и толстенные английские фолианты в кожаных переплетах и аккуратно подобранные вырезки из журналов и газет. Да и не только про море — все, что рисовал Владимир Михайлович, было им досконально изучено и нарисовано точно.

Первые «морские» книжки, оформленные Владимиром Михайлови-

чем, это, в основном, приключенческие повести, детективы, так сказать. При обычном неправдоподобии сюжета — к примеру, мальчик поднял восстание на английском торговом судне и привел его в советский порт — вся, как говорят в кинематографе, «фактура» написана с полным знанием дела. Авторы хорошо знали материал. Фон, на котором происходят события, подчас совершенно невероятные, очень конкретен. И в иллюстрациях Владимира Михайловича, динамичных, интригующих острыми ситуациями, весь антураж — часть палубы с надстройками, «машина», рулевая, рубка, словом, весь корабельный интерьер, а также порт, всякие мелкие детали корабельного и портового обихода — изображены очень точно. (Вот револьвер в руке нарисован так, что смотреть страшно — такой определенно стреляет и убить может.)

И такая скрупулезность в деталях, оказывается, интересна не менее, чем самый залихватский, экстравагантный сюжет. Эффект присутствия в мире, необыкновенно притягательном для любого мальчишки — в море, на корабле, — создает в своих рисунках Владимир Михайлович Голицын. Корабль — это не небольшая лодка с трубой и капитанским мостиком, где стоит капитан с трубкой, а сложный и совершенный технический организм, послушный человеку, — с восторгом познает юный читатель.

Владимир Михайлович хорошо понял всегдашнюю детскую страсть к конкретному знанию, неуемное желание проникнуть в таинственный мир взрослого труда, жажду все новых и новых объектов познания.

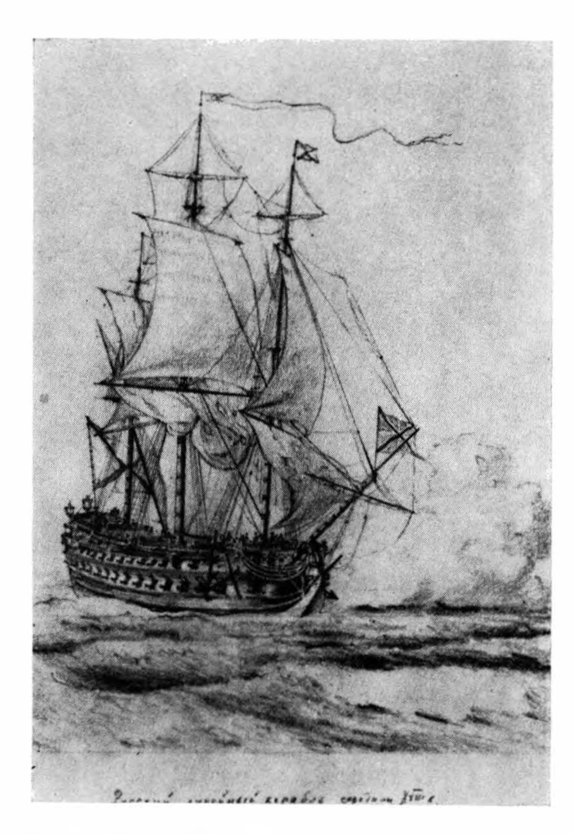
Замечательный детский писатель Борис Житков, с которым дружил и книжки которого часто иллюстрировал Владимир Михайлович, тоже хорошо знал эту ребячью страсть. Среди многих других чудесных книг он написал одну под названием «Пароход».

«Это морской пароход — и как только он залезет в реку, он сейчас же на мель сядет. Но в море глубоко, и морской пароход там дует полным ходом», — так начинается интереснейший рассказ просто о том, как устроен пароход. Житков обращается к читателю серьезно, обсуждает с ним достоинства и недостатки пароходов. Книжка написана увлекательно, со смешинкой, простым поразительно емким, истинно житковским языком. И иллюстрации Владимира Михайловича достойны и соответственны прозе Житкова. Простые перовые рисунки, кажется, чисто информационные, они очень выразительны и остроумны.

Вот разворот, изображающий команду грузового судна. Фигурки маленькие, но очень характерные. Пожилой капитан в помятом кителе, тоненькие щеголеватые штурманы, матросы в робах и высоких сапогах, кочегары — их группа особенно занятна. Среди людей в майках, спецовках, полуголых — представительный господин с тросточкой и трубкой в зубах, какой-то прощелыга в кургузом пиджаке, тип одесского «жука». Как он сюда попал? Маленький рисунок, но имеет содержательный и интригующий подтекст.

«Из истории колеса». Иллюстрация для журнала «Пионер». 1935

Русский линейный корабль середины XVIII в. 1910

Самые значительные книжки последних лет — две большие цветные книжки — обе Б. Житкова «Приключения «Партизана» и «Помощь идет». Мне всегда очень нравился один рисунок из второй книжки. Он изображает подорвавшийся на мине пароход-грузовик. Очевидное впечатление цветности, но в цвете очень лаконичен, решен в 3—4 краски. Черный корпус судна, легко и непринужденно сделаны палубные надстройки, мачты. Огромное синее море, широкая морская волна, весь корабль — на одной волне, стремительный взрыв до мачт, но корабль ощущается большим. Черный дым из трубы и одно яркое пятнышко, очень энергично работающее — флаг — гюйс. Владимир Михайлович очень точен в деталях — синий, прямой, сдвинутый к древку крест на красном поле — это норвежец. Скупыми, чисто графическими средствами создана яркая, впечатляющая картина. Хорошо использованы возможности полиграфии.

Здесь хочется сказать, что уважительно, всегда с интересом относящийся ко всякому труду, художник, начав работать в книге, счел для себя обязательным изучить особенности полиграфического производства. В его иллюстрациях, особенно журнальных, много остроумных технических находок, разнообразных приемов работы с материалом — интересно использованы тангир, обтравка и прочее — ныне, пожалуй, многими позабытые.

Еще одна его работа на «морскую тему». Это очень своеобразная, ныне не употребляемая форма, не знаю даже как назвать, вроде раскладного плаката что ли. Называется «Теплоход» — рисунки, текст и макет Владимира Михайловича Голицына. Красочный и подробный графический рассказ о первом построенном в СССР из отечественных материалов теплоходе, спущенном в 1926 году на ленинградской судоверфи.

Скрупулезнейше нарисован, даже вычерчен, внешний вид теплохода. Уже более вычерчен, чем нарисован, разрез, продольный и поперечный, — с почти абсолютной подробностью и совершенной достоверностью, от гальюна до радиопеленгатора. Все части и детали теплохода пронумерованы, им соответствуют описания, которые я мальчишкой читал с замиранием сердца и упоенно разыскивал на изображении. Какие слова: ахтерштевень, твиндек, брашпиль.

Дальше идут очень изобретательно сделанные диаграммы всяких эксплуатационных параметров — расход топлива, грузоподъемность. Затем изображены различные типы советских пароходов и теплоходов. Тут и ледокол «Красин», и самый большой тогда сухогруз «Трансбалт», и маленький пожарный катер «Всегда готов», и морской буксир «Первая пятилетка», и экспедиционное паровое парусное судно «Персей».

История пароходов от «Клермонта» Фультона до титанов «Левиафана» и «Британика». Характерно для Владимира Михайловича — сверху дана масштабная линейка. Все суда строго соразмерны друг другу.

Как увлекателен, даже, если хотите, романтичен этот лист, казалось бы, сухих чертежей и схем! Какое уважение и понимание интересов юного читателя, какое активное нежелание подсовывать ему суррогат, дистиллированные знания, стерильное чтиво! Нет боязни быть непонятным — обычный аргумент редакторов детской литературы, — есть боязнь быть неправдивым, поддельным, неуважительным к читателю-собеседнику.

Да и очень красив этот лист, красив своей ясностью и изяществом, своей четкой и чистой пластикой.

*

Конечно, далеко не всегда Владимир Михайлович иллюстрировал книжки про любимое им море. Просматривая сделанное им, видишь, что иногда ему приходилось браться за темы ему не близкие и даже просто чуждые. Но во всякую работу он вносил присущий ему озорной юмор, изобретательность, понимание детского образа мышления.

Очаровательны иллюстрации к поэме Джека Альтаузена «Якутенок Олеська» — одна из первых книжек Владимира Михайловича, очень лаконичная и выразительная по цвету.

Рисунки очень красиво и разнообразно сделаны в два цвета — ему, по-видимому, нравилось такое издательское ограничение, еще несколько книжек он сделает так, всегда очень изобретательно оперируя двумя красками.

Изящны тоже двухцветные иллюстрации к чудесной книжке В. Ветова «Тюлень Яшка».

Ощутимо затрудняется художник при иллюстрировании ремесленных, неприятно дидактичных, лубочных стишков про милых проказников О. Гурьяна «Прогулка» и про дружных пионеров А. Коваленского «На моторной лодке». Дети неловки, но весь сценический фон очень интересен, много всего напридумано, много тонко замеченных деталей. И это внимание и к частностям и самому малому не мешает ясности и структурной четкости целого.

Во второй книжке прекрасный разворот — ловля рыбы неводом. Сцена непринужденно и красиво скомпонована на листе, как всегда с полным знанием дела — рыбной ловли в данном случае.

Хорошо получилось: виды и рыбы под водой и все, что на поверхности воды, — и не нарушается плоскость страницы. Красивы рыбы и легко узнаются. Рисунок четок и конструктивен.

Целый ряд книжек — про всякую технику. Формы иллюстрирования самые разнообразные. Вместе с рисунками — фотографии, перерисовки с фотографий, схемы, чертежи. Все подчинено одной задаче: с максимальной ясностью и занимательностью графическими средствами рассказать о необыкновенности, реальном волшебстве мира машин и механизмов.

Замечательна книжка Люси Спрег Митчель «Песенка нового паровоза». Рисунки подчеркнуто техницизированы, вроде бы кощунственно применены линейка, циркуль, рейсфедер. Иллюстрации кон-

Иллюстрация к рассказу В. Джекобса «Привидения» для журнала «Борьба миров». 1930

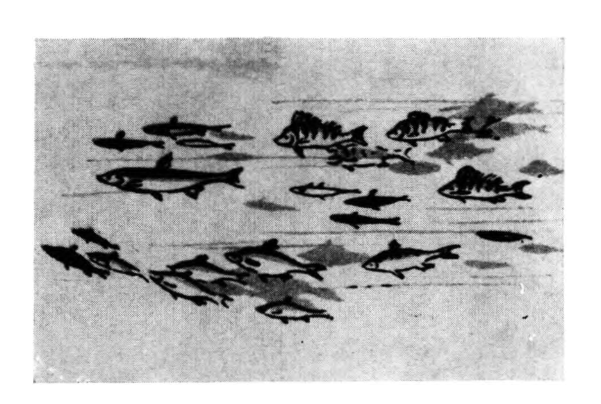
струируются из черных и красных пятен, линий, окружностей, четкая вычерченная форма перемежается свободным пятном. Очень продуманно решены развороты. Динамика линий, вращательное движение окружностей, звучные аккорды черных и красных пятен, паузы белого создают четкий и ясный ритм, стремительный синкопированный музыкальный строй. Тонко прочувствована пластика геометрических форм, сухая логика чертежа опоэтизирована видением и чувством настоящего художника.

Композиционное мастерство В. М. Голицына особенно ярко проявлялось тогда, когда он делал обложки. Рисование обложек сродни, пожалуй, архитектурному проектированию — исходя из ряда обязательных данных, надо закомпоновать объемы, плоскости, линии в ясную и оригинальную пластическую форму.

Обложки В. М. Голицына, как правило, превосходны. Остроумное решение, напряженная и четкая конструкция, изображение утверждает поверхность листа как плоскость. Активно, цветно работает рисованный шрифт. Владимир Михайлович шрифт именно рисовал, а не писал, шрифт на его обложках — один из элементов изображения.

Обложки книжек Владимира Михайловича интригуют, они всегда — дверь в комнату чудес.

*

Иллюстрации к книге В. Ветова «Тюлень Яшка». 1929

Художником сделано около пятидесяти книжек и много журнальных иллюстраций.

В годы, когда Владимир Михайлович начинал работать в детской книжной иллюстрации, было наложено вето на сказку. Педологи сочли неприемлемыми для детей и сказки Перро и братьев Гримм, Андерсена и Гауфа, и русские народные сказки. Нелепая эта акция вызвала, однако, бурный расцвет литературы, рассказывающей о прекрасном и необыкновенном мире, окружающем нас повседневно, об интересной и многообразной жизни людей в этом мире, о чудесных вещах, созданных человеком и служащих человеку.

Страстно влюбленный в жизнь, любопытный ко всем ее проявлениям, общительный, веселый, энергичный человек, Владимир Михайлович умел заразить окружающих своей жизнерадостностью, искренним интересом ко всему, что нас окружает. И талант художника всегда был одним из его способов передать людям свое видение мира — глубокого, чистого и непосредственного.

Свои письма, устные рассказы он часто сопровождал остроумными и выразительными, молниеносно сделанными рисунками. И рисунки Владимира Михайловича для книжек и журналов — тоже увлекательный и веселый рассказ о вещах необыкновенно интересных для юного читателя.

Его графический язык лишен предвзятости, суесловия. Он чист и ясен.

Самые разные книжки делал В. Голицын, техника исполнения рисунков самая разнообразная, но он всегда стремился к максималь-

ной изобразительной интерпретации текста, предлагая читателю содержательный, романтически приподнятый художественный образ.

Его рисунки лишены претензий на самоценность, на восприятие их как станковых листов. Они часть книжного или журнального организма, активный и функционально необходимый его элемент. И в этом смысле работа В. Голицына в детской книжной и журнальной графике интересна и значительна.

Творчество художника Владимира Михайловича Голицына — яркая страница детской книжной графики 20-х — 30-х годов.

Андрюша Шестаков
1922

ЕЩЕ ВОСПОМИНАНИЯ О МОЕМ БРАТЕ

С. М. Голицын

В двадцатых годах Владимир был художником-графиком, иллюстрировал многие детские и юношеские журналы. Хочется подробнее рассказать о том журнале, в котором его творчество развернулось наиболее плодотворно. Я говорю о «Всемирном следопыте».

Кому сегодня известно это название? А ведь это целая глава истории советской приключенческой литературы. В «Следопыте» печатались такие известные научно-приключенческие произведения, как «Голова профессора Доуэля» Александра Беляева и «Маракотова бездна» Конан-Дойля. Желанным гостем на страницах «Следопыта» был Александр Грин. Именно в «Следопыте» познакомились читатели с неутомимым гольдом Дерсу Узала и его замечательным другом Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым. Журнал печатал интереснейшие очерки С. Обручева, П. Козлова и других выдающихся путешественников.

Исторические рассказы В. Яна, исторические романы М. Зуева-Ордынца сменялись рассказами о животных Виталия Бианки, а морские приключения, описанные Е. Зюйд-Вестом и Петровым-Грумантом, печатались рядом с остроумными юмористическими новеллами В. Ветова, собранными в цикл «Необычайные приключения Боченкина и Хвоща».

Создателем журнала, его душой и мозгом был заведующий редакцией Владимир Алексеевич Попов. Все звали его сокращенно — ВАП. Брат никогда не говорил: «Иду во «Всемирный следопыт», а только — «Иду к ВАПу».

До революции Попов много лет редактировал журнал «Вокруг света». Он очень хорошо знал мальчишек, их романтические порывы и горячо им сочувствовал. Романтику странствий, открытий, подвигов он упорно и страстно насаждал в «Вокруг света» и продолжал еще более вдохновенно и увлекательно в советском журнале.

«Всемирный следопыт» был богато иллюстрирован. Научная фантастика — владения художника С. Лодыгина, приключенческие рассказы — Елисеева и Шпира, рассказы о животных — В. Ватагина. Владимир, как бывший моряк, иллюстрировал все произведения, имевшие отношение к морю. Значительная часть ярких цветных обложек также была создана им.

Вот одна из них, которая стала вроде «символа» всего журнала:

На льду моря стоит охотник, широко расставив короткие канадские лыжи, сзади — сине-зеленое со льдинами открытое море и легендарный «Персей» у кромки льда. Над охотником надпись — цепляющиеся одна за другую широкие приземистые буквы — «Всемирный следопыт»...

В жизни Владимир был большим юмористом. Любил слушать юмористические рассказы других, сам знал их огромное количество, любил рассказывать и потешать слушателей. Эта его юмористическая жилка нашла выход в иллюстрациях ко многим комическим новеллам, напечатанным во «Всемирном следопыте».

Сказать по правде, незадачливые охотники Боченкин и Хвощ своим

существованием отчасти обязаны и его карандашу. И первую рукопись писателя В. Ветова — автора «Необычайных приключений Боченкина и Хвоща» — именно Владимир принес во «Всемирный следопыт».

Между Ветовым и моим братом Владимиром была не только большая дружба, но завязался и тесный творческий контакт, какой должен всегда существовать между писателем и художником, иллюстрирующим произведения писателя.

Неподражаемо комичные, выразительные рисунки Владимира дополняли текст, помогали писателю В. Ветову раскрывать образы его героев. Брат всегда показывал ему предварительные наброски карандашом и согласовывал с ним подробности. Случалось, для большей характерности рисунка брат просил что-то изменить в тексте или что-то добавить.

На рисунках Владимира автор выглядел высоким, худым, с маленькой головкой под военной фуражечкой, в мохнатой куртке черного цвета; на тонких длинных ногах красовались галифе «дьявольского фасона» и обтрепанные обмотки с бахромой, похожие на два стебля хвоща в период созревания спор. Таков был «Вадим Сергеев», иначе «Хвощ».

Другой охотник — длинноносый, с брюшком, в очках и в кепочке был Семен Семенович по фамилии Боченкин.

Так начали печататься во «Всемирном следопыте» рассказы «Необычайные приключения Боченкина и Хвоща» с иллюстрациями Владимира — через два номера на третий, через номер, даже в каждом номере.

Увы, «Всемирный следопыт» является теперь библиографической редкостью. А когда-то этот журнал был очень популярен. Многие его читатели — взрослые и подростки — особенно ценили именно «Необычайные приключения Боченкина и Хвоща» с рисунками к ним брата.

Мне случалось говорить с людьми, которые в прежние годы с увлечением читали «Следопыт» и через двадцать, тридцать, сорок лет не забывали о Боченкине и Хвоще и их создателях — писателе и художнике.

Помнится, где-то на дорогах Польши ждал я на КПП попутную машину и увидел в стороне у костра группу хохочущих солдат. Я к ним подошел — оказывается они вспоминали рассказ В. Ветова «Как мы ловили бабушку» с веселыми рисунками В. Голицына.

В журналах «Пионер», «Знание — сила», «Дружные ребята» и других в те, двадцатые, годы работало много талантливой молодежи. Веселые, живые энтузиасты создавали эти журналы. Были еще недолго существовавшие журналы: «На суше и на море» и «Компас». Брат Владимир был их деятельным сотрудником, он не только иллюстрировал чьи-то рассказы, но сам писал, участвовал во многих совещаниях, словом, был одним из создателей этих журналов.

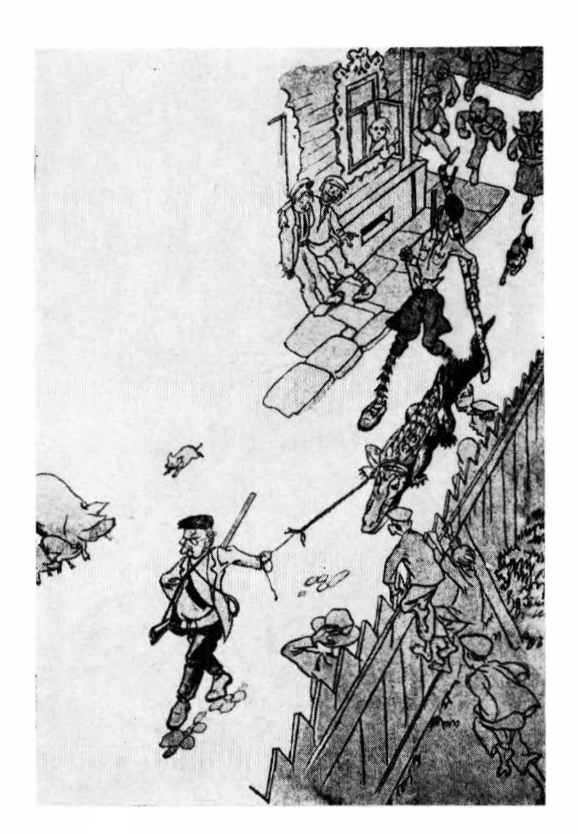

Иллюстрация к рассказу
В. Ветова
«Агитатор с реки Миссисипи»
для журнала
«Всемирный следопыт». 1928

Иные из тех молодых энтузиастов стали впоследствии маститыми писателями и художниками. Таковы Л. Кассиль, И. Халтурин, Н. Богданов, Б. Лупин, А. Некрасов, В. Сутеев.

Когда мне приходилось их спрашивать о брате, они оживлялись, припоминали какие-нибудь эпизоды из своей и его молодости и всегда с большой теплотой отзывались о Владимире, как о талантливом художнике и энергичном, никогда не унывавшем товарище, остроумном рассказчике.

Ценил моего брата как иллюстратора своих книг известный писатель-моряк А. С. Новиков-Прибой. Владимир любил к нему ходить, сиживал у него подолгу, слушая его рассказы о прошлом и размышления о будущем и возвращался от него возбужденным. Знаю, что Алексей Силыч уважал в иллюстрациях брата их абсолютную достоверность и всегда огорчался, когда его книгу отдавали другому художнику.

В тех детских и юношеских журналах самой, пожалуй, популярной фигурой был замечательный писатель Борис Житков, неутомимый выдумщик и рассказчик.

Он был близок с моим братом, старался привлечь его ко многим своим начинаниям и обычно требовал, чтобы его морские рассказы иллюстрировал непременно Владимир. Борис Житков дружил не только с братом, но и с его двумя мальчиками-сыновьями; думаю, что кое-какие мальчишечьи черточки для своих рассказов он находил в них во время приездов.

Впоследствии, когда из-за болезни Владимир вынужден был покинуть московские пределы и надолго поселиться в Гудаутах на Черноморском побережье Кавказа, Житков настаивал, чтобы брату туда посылались для иллюстрирования его рукописи. Житков задумал купить в Гудаутах дом, у него с Владимиром завязалась по этому поводу оживленная переписка.

Владимир любил помогать начинающим, это у него была своего рода «страсть». Часто в его доме толкались восторженные юноши, мечтающие стать художниками.

Они приносили ему свои рисунки, и брат ходил их кому-то показывать, кому-то рекомендовал эту молодежь. Одного из этих юношей я помню — это художник Ф. П. Глебов, имена других забылись.

Брат всегда горячо поддерживал и мое стремление стать писателем. Когда уже после войны начали осуществляться мои юношеские мечты и я с большим увлечением работал над своей веселой приключенческой повестью «Сорок изыскателей», сколько раз я вспоминал брата, вдумчивого советчика:

Как бы я приезжал к нему, читал ему главы, а он — настоящий колдун-выдумщик так же, как когда-то В. Ветову, говорил бы мне: «А что, если твоего героя мальчишку да заставить..» «А что, если твоя героиня девчонка, да в этот момент, да вдруг...» И как часто я думал: — «Если бы за мои книги да взялся мой брат!..»

* * *

Иллюстрация к рассказу В. Ветова «Щадилов пруд» для журнала «Всемирный следопыт»

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ДЕТСКИХ ИГР

И. В. Голицын

Я, мой старший брат Михаил и наши друзья-соседи, братья Ларионовы, были главными помощниками отца в деле изобретения детских игр. То есть изобретал, конечно, отец, но уточнялись, отшлифовывались правила во время игры, а играли мы, мальчишки, азартно, иногда до драк, которые вспыхивали так же быстро, как и кончались. Отец играл вместе с нами, вносил поправки, а потом нес игры в то или другое издательство. Первая игра, которую я помню, называлась «Спасение челюскинцев». Каждый мальчишка был одним из летчиков-героев. Мой брат был Молоков, я — Ляпидевский, сестре Елене полюбился Каманин, соседу Вите Авдошкину — Слепнев. Недавно я нашел журнал «Знание — сила» за 1934 год с этой напечатанной там отцовской игрой. Самолеты, кто быстрее, летели на помощь челюскинцам, совершали вынужденные посадки, возвращались обратно при нелетной погоде, но упорно рвались к цели и самым счастливым удавалось пробиться к потерпевшим бедствие и спасти их. Много игр изобрел мой отец, но самые интересные были морские.

Я не знаю точно, когда отец нашел этот удивительный принцип морской игры, но это было настоящее открытие.

Вот вертушка со стрелкой. Вертушка похожа на компас. Вот синий сектор — свежий ветер, красная полоска — ураган, желтая — штиль. Вот и сама карта, голубая Атлантика. Карта разделена на клетки.

У тебя есть корабль, мощный галеон или стройная бригантина, есть океан, есть даже ветер, если ты крутанешь стрелку вертушки. Паруса надуты — плыви. Ты капитан галеона.

Трюмы туго набиты золотом. От порта Вера-Круц в уголке Мексиканского залива до Кадикса дорога длинная. Ураганы свирепствуют, течения мешают двигаться вперед, но страшнее всего — пираты. Они бороздят океан в поисках добычи. Не попадайся им — жить не будешь. У пиратов же свое на уме, ограбим богачей — испанцев, отберем награбленное золото, возьмем на абордаж неуклюжий галеон... И начинается игра. Жаркие схватки, хитрые маневры, штили и ураганы, преследования и бегство — все в этой удивительной игре.

Я иногда захожу в «Детский мир», в отдел игр и всегда поражаюсь скудности выбора. Особенно не везет морским играм. Кто из нас в детстве не бредил морем, не хотел быть моряком? Кто не видел в снах реи и белоснежные паруса, полные ветра? Сейчас мысли мальчишек перекочевали в космос, и этим сколько-то обижено доброе старое море.

Дети играют в «Пираты». Всех возрастов и с равным интересом. На одном лице написано отчаяние, на другом — восторг, на третьем — теплющаяся надежда. Играют часами.

Я вижу склонившихся над чудесной картой будущих капитанов и штурманов. Это игра, конечно, в первую очередь для них. Вижу будущих художников. Они внимательно рассматривают красавицу

карту. В левом нижнем ее углу изображен громадный галеон, атакованный бригантиной. Пираты рвутся на абордаж. Вот они лезут через борт, ворвались на палубу. Стрельба. Рукопашная схватка. Внизу карты тонко и красиво нарисованы мирно живущие индейцы. Их жилища незатейливы. Красивые птицы сидят на пальмах. Горит очаг. Мир и покой. Но вот далеко в океане показались галеоны испанцев. Индейцы встревожены. Кто этот непрошенный гость? Первые ядра, первые пули. Испанцы высаживают десант. Стрелы против ядер. Раненые. Белые залпы пушек галеонов.

Будущий художник внимательно рассматривает карту. Но у него есть еще дело — надо пополнять ряды кораблей, «строить» новые, «лечить» старые.

Из наших, «довоенных», корабликов осталась одна «Лань». Изготовили новые. Кораблик — это кусочек резинки с разрезом, в который вставлена бумажка-парус. Вот «Нептун». На дельфине, как в кресле, сидит бог моря, увенчанный золотой короной. Хороший получился корабль! Вот «Коррида» — славный галеон, увенчанный двумя орденами за отвагу в бою — черный бык и красный тореадор с красным плащом. Паруса пиратских бригантин более мрачные. Череп и кости, сверкающие дукаты на черном поле.

Есть дело и для будущих литераторов. После жаркой схватки надо рассказать о ней в «вахтенном журнале» в назидание младшим братьям.

Но история игры «Пираты» грустная. Отец сделал ее в 1934 году. В издательстве она прошла «на ура», Максим Горький в нее с увлечением играл и дал хороший отзыв. Но «Пираты» так и не были напечатаны. Мальчишки тридцатых годов лишились удовольствия поиграть в веселую игру. Оригинал «Пиратов» лежит у меня в заветной папке. Мои дети и дети моих друзей увлеченно играют. Я прошу тщательно вымыть руки перед игрой, и они весело и усердно оттирают чернильные пятна. Конечно, можно было бы расширить круг счастливых ребят, обладателей романтической игры.

*

Отец мой изобрел более двадцати игр. Большинство из них не испытало грустной участи «Пиратов». «Юнга», «Морская викторина», «Флотская игра», «Колумбы», «Путешествие вокруг СССР» — вот перечень некоторых игр Владимира Голицына, напечатанных в двадцатые и тридцатые годы в журналах «Знание — сила», «Пионер», «Затейник» или выпущенных издательством «Крестьянская газета» «Мособлосвод» и т. д. Игры отца в основном морские. Правда, есть и «сухопутные» («Народы СССР», «Шутомино», «Квинтет языков»), но море остается главным в его творчестве, даже тогда, когда он жил в тихом Дмитрове.

В 1940 году в журнале «Пионер» на последней обложке была напечатана игра «Подводная лодка». Отец подолгу играл с нами в игру, переносящую нас, вчерашних «пиратов» и «испанцев», из романтического XVI века в суровый XX. Карта нарисована в более строгом

стиле. Это скорее схема условного островного района. Отец нашел остроумный принцип игры подводной лодки.

В распоряжении играющих две карты. Одна большая, а другая — точная копия первой, маленькая. Маленькая карта нужна командиру подлодки. Лодка погружается, фишка снимается с карты и дальнейший путь ее командир отмечает на малой карте. Это позволило максимально приблизить характер игры к реальности. Транспорты с ценным грузом идут ощупью, капитаны их встревожены. В каком квадрате лодка «противника»? Это умная, увлекательная игра. Возможностей масса, но ты можешь выбрать лучший ход, лучшую позицию.

Много ребят играли в веселые игры Владимира Голицына, и они, остроумно изобретенные, нарисованные талантливым художником, помогали воспитывать в наших мальчишках тридцатых годов остроту и смекалку, храбрость и находчивость.

* *

МУЗЕЙ В ЛЕОНТЬЕВСКОМ

И. В. Голицын

Передо мной пожелтевшая вырезка из газеты.
1925 год. Заголовок — «Наши достижения на Парижской выставке». Далее следует: «На международной выставке декоративных искусств в Париже жюри присудило экспонатам отдела СССР следующие награды» — перечислены несколько десятков фамилий, творческих организаций, получивших почетные дипломы, золотые и серебряные медали. Класс «Искусство и индустрия книги» — Кравченко, Фаворский, Митрохин, Н. Купреянов; «Искусство улицы» — Родченко, Маяковский, Кустодиев; «Искусство театра» — театр Мейерхольда, студия Вахтангова, Экстер, Шпинский; класс «Обучения» — Вхутемас — почетный диплом. Класс «Искусство и индустрия дерева» — Ворносков, кооперация Палехских мастеров и Голицын — золотая медаль.
С детства помню большой литографированный лист диплома, украшенный фигурами муз; бережно храню десятки эскизов росписей по дереву. Яркие, веселые картинки жизни. И главное, конечно, море. Порт Архангельск, Онежские верфи. Грузят рыбу, катят бочки, строят корабль. Парусник собрался «в Норвегу», веселые матросы на мачтах, флаги, в воздухе смешные самолеты, мальчишки в лодках, красноармейцы в зеленых шлемах, тетки, старики; подъемный кран, шум-гам, капитан кричит что-то — отдает последние приказы.
Еще эскиз. Надпись вязью — «Пришли в Норвегу». На башнях развеваются норвежские флаги — на красном поле синий крест, на корабле красный флаг. Корабль разгружают, тащат ящики, мешки, смешной тип в кепочке и синей тужурке волочит громадную рыбу. Опять что-то кричит капитан. Норвежец на пристани командует разгрузкой. На мачтах веселые матросы.
В каталоге Парижской выставки я часто рассматривал фотографию с отцовскими расписными коробками. По черной фотографии нельзя было угадать, какие они в цвете. Судя по тому, как в это время работал отец, они были интенсивные, звонкие. Но вот что странно, темы росписей были явно московские, а не поморские — северные. Может быть, яркие эскизы, хранящиеся у меня, так и остались эскизами? Но где же все-таки вещи, сфотографированные в экспозиции Парижской выставки? Где хотя бы они? Исчезли в круговороте дней, пропали?
Несколько лет назад один добрый и понимающий искусство человек сказал мне, что сотрудники Музея народного творчества на улице Станиславского (бывший Леонтьевский переулок) нашли в своих перегруженных запасниках работы Владимира Голицына. Я срочно побежал туда. Взволнованный, объясняю. Меня ведут в полутемный запасник.
Вот они, старые знакомые! Как их много! Коробки и пеналы, большие и очень маленькие, деревянные расписные тарелки, яркие, нарядные вещи.
Они у меня в руках! Что тут только не нарисовано: пожарные, лошадки их, запряженные цугом, бодро везут бочку с водой, разно-

счики кооперации и частники, свадьба катит в красивых колясках, веселые военные в красных галифе пробуют свои силы на силомере, марш войск перед еще деревянным Мавзолеем. Много точных, острых деталей, не размельчено, крупно, с легким налетом добродушного юмора.

С 1923 года отец в Москве. После северных приключений, романтических, но суровых, иногда страшных, мирные уже улицы Москвы его вдохновляют. Он жадно разглядывает толпу на шумных бульварах, всматривается в лица людей, пытается почувствовать характер города. Москва чем-то похожа на родной Богородицк. «Большая деревня», как ее называли. Извозчики, телеги, машин почти нет, тулупы, платки — все знакомо. Это тоже море, людское море. Бесконечное движение города.

Почти пятьдесят лет назад молодой моряк-художник, склонившись над столом, внимательно и тонко расписывая деревянную дощечку, поставил в правом углу буквы В. Г.— Владимир Голицын.

Тверской бульвар
Фрагмент панно. 1923—1924

ПАВЕЛ КОРИН

В. М. Голицын. Из дневника

Лето 1938 года я с семьей прожил в Гудаутах на самом берегу Черного моря. Мы давно звали приехать к нам Павла Дмитриевича Корина. Наконец получил от него письмо. Вот оно:
«Дорогой Владимир Михайлович! Получил Ваше письмо с точными и подробными инструкциями насчет нашей поездки в Гудауты. Большое Вам спасибо. От Сочи я думаю ехать на такси. Из Москвы выедем числа 14—15 июля. Раньше не пускают дела. Работаю много, а толку мало. Когда у нас будут билеты, пошлем Вам телеграмму. До свиданья. Будьте здоровы. Привет от нас Елене Петровне и ребятам».
Так как я считаю Корина большим русским художником, то решил вести дневник за все время его пребывания у нас. В дневнике отмечены главным образом факты, связанные с его работой над двумя панорамами Абхазских гор. Что касается до его высказываний, то я их записывал как запомнил и, к сожалению, многого не записал — «пороху не хватило».
Итак:

17 июля. Сегодня приезжает к нам Павел Дмитриевич Корин. Поселим его во флигельке.

18 июля. Приехали. По моему плану, который я ему послал в письме, они, после некоторых поисков, доехали благополучно. Провел их во флигель. Комната, приготовленная для них, им понравилась. Красота и величие гор поразили Павла Дмитриевича. Он был небрит и ужасно грязен с дороги. Перед бритьем долго смотрел на сильную седину в бороде и, шутя, говорил, что нужно бороду отпустить. После бритья все пошли на пляж купаться. (Море — 35 метров от дома). Полезли в море. Прибой здоровый, балла на четыре. После купания пили чай с акациевым медом. Павел Дмитриевич выпил двенадцать стаканов. Немного отошел с дороги. Горы наши ему необычайно понравились — будет писать.

19 июля. Пошли выбирать место, откуда писать панораму. Павел Дмитриевич сказал, что он теперь не так детально вырисовывает, как на панораме Палеха. Главное — характер взять. Отношения. Наш первый план напоминает ему Северную Италию.

20 июля. Хочет написать Нестерову и Надежде Алексеевне Пешковой и нарисовать им свой «палаццо» с Прасковьей Тихоновной в дверях. Павел Дмитриевич любит в письмах делать рисунки.

21 июля. Вчера к вечеру он начал этюд гор. Ущелье Белой речки. Меня приглашает сесть рядом работать.

22 июля. Вчера вечером сели вместе писать горы. Он пишет прямо на плотной бумаге, итальянской, без грунтовки. Рисунок каранда-

шом делает очень бегло. Иванов писал без грунтовки. Накануне было другое освещение, и он почти заново переписал начатое. Я стал тщательно вырисовывать свое. Павел Дмитриевич сказал, что не нужно так вырисовывать.
Горы дальние он пишет сразу вместе с небом. Пишет короткими точными ударами. Когда совсем стемнело, он разошелся, вдохновленный красотой. Жалко кончать.
С утра сегодня тучи и ветер зюйд-ост пять баллов. Собрались идти в Лыхны, но горы очень хорошо явились, и мы сели писать. Вскоре солнце и бриз победили тучи, и я сбежал от жары. Павел Дмитриевич остался сидеть, скорчившись на маленькой скамеечке, держа в руке зонт Прянишникова, а на коленях этюдник. Вообще на него не похоже, что он работает без соответствующего обеспечения удобствами. Он даже сказал, когда я это ему заметил, что не любит художников, которые обставляются. Море его не привлекает, а горы очень. Вечером много рассказывал про свои квартиры в дореволюционной Москве у разных бедняков. Вот горя и нужды перевидал!

23 июля. С утра горы очень хороши были. Сели писать. Я сделал тент на двоих. Павел Дмитриевич пишет медленно — кусочек с пол этой страницы (дневника) второй день. Сразу заканчивает. Изредка указывает мне: слишком сине, серее, светлее надо брать небо и горы.

24 июля. Встали в шесть часов. Любовались горами. Нужно на рассвете писать. Вчера Павел Дмитриевич писал долину реки Бакланки. Я указал ему на красивое облако справа над Новым Афоном. Он его сразу написал на том же этюде снизу (это его манера). Пригодится. Когда после работы мыл кисти, сказал мне, что у него, если этюд удастся, настроение хорошее, удовлетворенное. Рассказывал, как он свои работы сжигал в молодости. Накопится ящик — сожжет. Куда с ним таскаться! А то в голодное время буржуйку топил этюдами. В Палехе на чердаке много пропало, племянники пожгли. Когда пора идти писать, Павел Дмитриевич всегда говорит: «Зовет к священной жертве Аполлон». Палитра у него такая: белила цинковые, лимонная желтая, поль веронез (особенно любим), кобальт, краплак, зеленый вермильон и кармин. Это для неба и гор. Еще охра для первых планов. С моими ребятами очень забавен. Ларюшку убеждает не реветь, есть чеснок после сладкого и держать зонт, Мишке поручил почесывать ему спину, когда он пишет. Шутил, что когда он разбогатеет, то будет писать с «рабами» — один обмахивает, другой спину чешет.

25 июля. Завтра нарисую его за работой. А то он мне шутя выговаривал, что приезд его сюда недостаточно обставлен для потомства — нет фотографа.

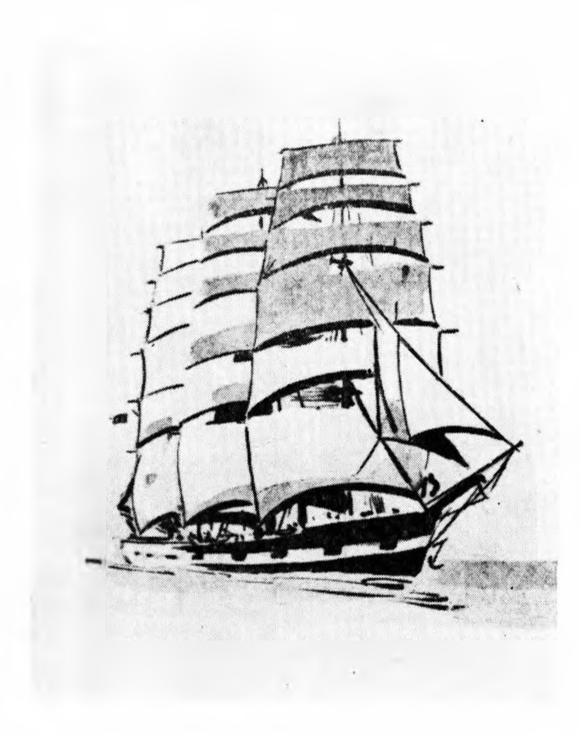

Рисунок для журнала «Борьба миров». 1930

26 июля. Утром Павел Дмитриевич сел писать, а я его рисовать. Он в шутку снял пижамные штаны, чтоб загар подправлять. Мишка чесал ему спину, а Ларюшка веером обмахивал. Недурно у меня получилось. Хочет скалькировать и послать в письме Пешковой. Работаем часов по пяти в день. После обеда сели писать пароход. Он его очень ловко и правильно схватил, хотя всякую технику ненавидит. Заметил на таком расстоянии, что грот-мачта черная. Про пароход все меня спрашивал — так ли нарисовал. Я ни к чему не мог придраться. После обеда Павел Дмитриевич писал панораму гор. Я не писал — у соседей заболтался (глупо!). Вечером сидели на завалинке и говорили о Грюневальде и других немецких художниках. Павел Дмитриевич мне сказал, что мне писать с натуры больше нужно. Частичка правды попадает на рисунки. Сами увидите, насколько лучше работать будете. Природа поддерживает художника.

27 июля. Опять с утра писали горы. Длинный разговор о впечатлении, когда я ему указал, что горы он пишет выше, чем они на самом деле видны. Ругал Альберта Бенуа, который меня поправлял когда-то и показывал, как с помощью стекла можно проверить.

28 июля. Сегодня мои именины и Мишкин день рождения. Павел Дмитриевич подарил мне вина и грозился на большом булыжнике фунтов на пятнадцать написать кипарисы, море и парус. Я все учу его лежать в воде на спине, а он уморительно тонет, растопырив ноги и руки. Вечером сели писать панораму гор. Павел Дмитриевич на длинной фанере кнопками укрепил еще лист, впритык к первому. Я поработал немного и бросил, так как мои горы были закрыты облаками. Стал делать мольберт. Пошел в лабаз попросить у Миды * веревочку. Возвращаюсь, Павел Дмитриевич спрашивает меня с горечью: «Художник ли Вы?» Вижу, правда, красота неописуемая. Небо зеленое, и синие облака на нем прекрасного рисунка, и еще большое оранжевое облако над хребтом Хипста. «Веронез»,— сказал Павел Дмитриевич. А у него,— смотрю,— скандал. Он перенес с этюдника ущелье Дзышры на фанерку длинную, но жидкую, рядом справа впритык прикнопил другой лист бумаги, на котором писал долину реки Бакланки. А теперь для хребта Хипсты, слева от Дзышры, налепил двумя кнопками еще лист. Он весь не помещается да и фанерка узка — небо на воздухе. Порыв ветра сдул этот лист. Павел Дмитриевич позвал Прасковью Тихоновну лист держать. Еще подставил табуретку. Очень шаткое сооружение получилось, дрыгает и валится поминутно. А веронезовское освещение меняется. Павел Дмитриевич разнервничался. Палитру уронил. Ругается. Мишка прибежал, стал держать фанеру справа. Я принялся срочно три палки связывать, «мольберт» делать. Даю

* В 20 метрах от нашего дома стоял лабаз абхазской рыболовецкой артели. Мида — старый рыбак-грек.

Павлу Дмитриевичу. Он сгоряча не так поставил. «Мольберт» упал. Тогда я стал держать фанерку и лист справа, Мишка слева, Прасковья Тихоновна — табуретку. Так вчетвером и дописали этюд. Вот баня была!..

29 июля. Павел Дмитриевич меня похвалил, что отношения лучше брать стал — точнее. За долиной реки Бакланки высится гора Шапка Сафер-бея, красноватая, стройная, со снеговым полем. Павел Дмитриевич прозвал ее «Готическим собором» (мы тогда не знали, как ее зовут), потому что она напоминает ему собор в Орвьето. Он сейчас в хорошем настроении — все с моими ребятами дурачится. Стал ходить в одних трусах. Платок на голове. Загорел. Пузо полосами! На себя не похож.

30 июля. Когда в 1932 году Максим Горький уходил из «чердака» (старая квартира Павла Дмитриевича на Арбате), он сказал: «Вам есть, что сказать, Вам за границу нужно поехать, великих мастеров посмотреть». Павел Дмитриевич: «Возьмите меня в карман». Максим Горький: «В карман Вы не влезете. А поедете вместе со мной». (Горький ехал тогда в Сорренто). Утром лежали на солнце под зонтом. Очень хорошо сравнивал Павел Дмитриевич Александра Иванова с его современниками. Гора Шапка Сафер-бея. Там далеко на ней в полном одиночестве Александр Иванов приносит жертву богу, а другие копошатся со своими житейскими делами внизу в Гудаутах, в долине. Хорошо это он сказал. Я не совсем точно передаю.

Потом я писал горы один, а Павел Дмитриевич занялся досками для панорам, которые принес ему шофер Сеня Осипов. После завтрака писали Бакланку. Был сильный прибой без ветра, калаш, как здесь называют. Павел Дмитриевич очень страдал и мучился, когда писал. В первый раз море с прибоем близко пишет. Пришла Прасковья Тихоновна, стала что-то говорить по хозяйству. Павел Дмитриевич на нее как зашумит. Всерьез рассердился! Очень он яро работает. Вышло хорошо, особенно берег удаляющийся. Море не так.

31 июля. Павел Дмитриевич кончил по утрам работать. Сделал долину реки Бакланки на одном листе — и баста. А то он очень устает. После завтрака вместе писали панораму гор. Я рассердился на одно место у себя на этюде (остатки снега на горе Дзышра), писал, старался, ругался. Ни черта не выходит. За вечерним чаем Павел Дмитриевич смотрел мои работы и как раз это место похвалил. Я рассказал как было. «Это всегда так, — сказал он, — рассердишься, думаешь не вышло, а потом поглядишь, чуточку правды и поймал».

1 августа. Утром не работали. После завтрака с вином я заснул на кровати. Павел Дмитриевич, идя писать панораму, увидел меня,

нашел фанеру и углем крупно начертал: «Позор». Фанеру поставил у стены на кровати. Я скоро проснулся и присоединился к нему. Работали мало — жарко. Любовались облаками над Новым Афоном. «Облака с толком писать надо, а не так, как теперь, словно копытом пишут. Из картины ни одного облака нельзя убрать безнаказанно. Вот как писать нужно!» Вечером писали горы, а потом сидели в саду в шезлонгах. Павел Дмитриевич размечтался: «Осенью приедешь к себе в Палех. Дождь, грязь невозможная. Мать пельменями накормит, чайку попьешь, ляжешь на печь на овчину. Пахнет знакомо. Сухим горячим кирпичом. Кот в ногах лежит. Лежишь и думаешь: вот тут есть, действительно, пуп земли! Нигде я себя так хорошо не чувствую, как в Палехе». Сегодня Павел Дмитриевич закончил долину реки Бакланки. Завтра хочет ее дома пописать. Вообще он после работы, уже в комнате подолгу рассматривает этюд.

2 августа. Утром я писал один. Павел Дмитриевич дома доканчивал долину Бакланки. В два часа дня пошли в гости к гудаутским знакомым. На обратном пути, когда переходили улицу, Павел Дмитриевич остановился как вкопанный, увидев почти черную вечернюю тень на кипарисе. Потом на ходу все любовался розой в своей руке, которую ему подарили. Вечером он писал панораму гор. Я не маячил. Когда совсем стемнело, сели на «завалинку» любоваться луной. Я предложил ринуться в воду. Он неожиданно для всех согласился, и мы выкупались. Павлу Дмитриевичу ужасно понравилось ночное купание. Он прямо в восторге. Неделю назад он пришел бы в ужас от моего предложения. Сухопутный человек!

3 августа. Полежали утром на пляже. «Ультрафиолетились». Ноги свои больные погрели. Поговорили о старых выставках. Павел Дмитриевич начал ходить на выставки с 1911 года. Вначале ничего не понимал. Очень ему понравилась выставка Машкова и его учеников. «Вот это пишут» — думал он тогда.
Павел Дмитриевич срисовал в карикатурном виде мой рисунок для заставки в письме Н. А. Пешковой. Себя нарисовал в штанах. Меня попросил подрисовать море, пароход и немного пройтись акварелью. Меня похвалил за «Дзышру» и сказал, что довольно писать.

4 августа. Делал замечания Павлу Дмитриевичу относительно его панорам (осмелился). Ущелье недостаточно глубоко, Дзышра темна, на стыке двух листов горы не одинакового тона. Он согласился, но сказал, что у меня горы низки. Павел Дмитриевич хребет Хипста сильно укоротил и повысил.

5 августа. С утра ходили с женами в город. Стриглись. Потом решили «кутить». Но в ресторане, к сожалению, форсунка слома-

лась в печи. Выпили по стакану вина и поехали на фаэтоне домой. Вечером Павел Дмитриевич писал панораму гор, а я его нарисовал за работой — плохо вышло.

6 августа. Художник Черемных с женой приехал. Павел Дмитриевич с ним учился в Школе живописи и ваяния. Хотим его разыграть. Как пойдут мимо нас по берегу, Корин сядет к конторе с греком Мида на кровать и будет плести сеть в платке и моей полосатой тельняшке. А я скажу Черемныху, что вот здесь один художник из Москвы живет, служит сторожем на рыбном промысле. Живопись бросил, подавленный врагами. Павел Дмитриевич предвкушал удивление Черемныха.

7 августа. После завтрака я писал долину Бакланки. Пришел Павел Дмитриевич, лег рядом и делал очень ценные указания (холодны на первом плане камни, песок слишком рыж...). Вечером Павел Дмитриевич писал панораму гор. Он очень не любит, когда мешают или смотрят сзади. Черемныхи шли мимо, Корин окликнул Михаила Михайловича. Тот не сразу узнал — 15 лет не виделись. Окна РОСТА вместе делали. Михаил Михайлович рисовал образец, а братья Корины резали трафареты и размножали. Маяковского там видели.

8 августа. Когда спать шли, Павел Дмитриевич, показывая на нашу шелковицу, освещенную «контрнюю» луной, сказал: «Дерево Леонардо да Винчи». Правда, удивительно похоже на знаменитый рисунок дерева. Как я раньше не заметил! «Леонардо да Винчи силуэт брал, выискивая контур»,— добавил Корин.

9 августа. Днем я писал долину Бакланки у самой воды. Ларюшка бросил камень и забрызгал. Я рассвирепел ужасно — трудно заделывать кляксы воды на акварели с гуашью. Вечером Павел Дмитриевич писал панораму гор. Расстроился, что не выходит. В этот момент пришли Черемныхи. Он их не подпустил. Я с ними и разговаривал у калитки, показывал свою панораму. Хвалили. Очень они хорошо о Павле Дмитриевиче отзывались. Михаил Михайлович мне сказал: «Вам большое счастье выпало с таким мастером рядом сидеть». Я говорю, что часто одним глазом поглядываю, как Корин рисует. «Нет, двумя нужно смотреть»,— сказал Черемных.

10 августа. Писали каждый свою панораму гор, а Прасковья Тихоновна нам читала. Он это любит.

11 августа. Утром я писал свою панораму гор. Павел Дмитриевич «Сагу о Форсайтах» читал. Днем я работал у моря. Павел Дмитриевич подошел и сказал, что пора кончать. Я подписал работу. Сегодня он много о себе рассказывал. Первое посещение Третьяковской галереи. 14 лет. Помнит только, что у васнецовских «Бо-

Рисунок для журнала «Всемирный следопыт». 1929

гатырей» небо не понравилось — не чисто написано. У него были большие сапоги. Бежал за живописцами — старшими мастерами живописной мастерской, куда он попал по приезде в Москву, которые шли очень быстро. Все боялся упасть на скользком паркете и на поворотах его заносило.
Потом уже он ходил по праздникам. Целыми днями проводил в галерее. Очень тогда нравилась картина Бронникова «Гимн Пифагорийцев». Позднее, под влиянием Степанова (у которого жил) полюбил старых итальянцев — фра Анжелико, Гоцолли, Боттичелли. Даже своих русских сколько-то перестал ценить. Степанов заставлял Корина копировать множество картин, а потом продавал. Он хотел возродить у нас ученичество эпохи Возрождения. Рассказывая про годы юности, Павел Дмитриевич сказал, что жил только всецело поглощенный одним искусством. «Я не пил, не гулял с ребятами. Только одним жил. Вся страсть туда ушла».

12 августа. Мою вторую панораму Павел Дмитриевич очень похвалил.

13 августа. Понаехала масса знакомых. Ничего не писали. Вечером только Павел Дмитриевич — горы.

14 августа. Говорили о путешествиях. Кант из Кенигсберга никуда не выезжал, Микеланджело был только в Риме, Флоренции, Венеции и Болонье, Рафаэль и того меньше.
Павел Дмитриевич на свою панораму смотрит не как на этюд, а как на законченную картину. Я ему это заметил. «Этюд,— сказал Корин,— это только передача момента освещения. Я на своих панорамах даю общий характер пейзажа, не ставя себе границы».

15 августа. Рыбаки готовили фелюгу к спуску. Павел Дмитриевич, глядя на силуэт фелюги с мачтой и сложенным парусом, заметил: «Очень красивая вещь — турецкая фелюга, найденная форма». Он почти закончил свою панораму гор. На моей указал, где недостатки.

16 августа. Много говорили сегодня об обучении живописи. Сколько кого как ни учи, а если сам не будешь доходить — ничего не поможет. Нет никаких теорий в обучении. Главное — серьезное отношение к работе. Фотографическая точность ужасна, а какая-то правда нужна.

17 августа. Утром я писал панораму гор. Подошел Павел Дмитриевич и сказал: «Первый план светлее. И вот эта куча колючек похожа на гору». Про отдельные былинки сказал, что в таких панорамах их нужно поменьше писать. Изыскать характерную форму.
Долго лежали на берегу. Говорили о делах. Я прямо его спросил:

«Отчего картину не пишите». Павел Дмитриевич стал перечислять причины (финансы, еще один нищий нужен...). Такие громадные вещи всегда писались и пишутся с помощью общественности. Нужно полное спокойствие нервов, а его нет. «Я нашел сюжет в 1925 году. Ношусь с ним с тех пор и должен писать».
Горечь от невозможности работать. Годы уходят, он сейчас в самой поре.
Послезавтра Корины уезжают. Мало я с ними поработал — боялся надоесть и глаза болели — невралгия моя всегдашняя.

18 августа. В час дня Елена приехала на фаэтоне за нами, чтобы ехать в Лыхны. Как отъехали от моря, Павел Дмитриевич оживился: «Нет! Я все-таки сухопутный человек». Восхищался красотой местности. Очень напоминает Италию. Только нет произведений человека. Там на каждом холме или горке замок, церковь или городок вырастает из земли. Через полчаса подъема в гору мы выехали на площадь села Лыхны. Павел Дмитриевич восторгался церковью XII века («Вот она вросла в пейзаж») и кипарисами около нее. Особенно одним, тонким, как шпага. «Какое благородство линии. Каменная кладка, увитая плющом! Кипарисы! Очень жаль, что раньше сюда не приехали на целый день. Какой этюд прелестный можно было бы написать!». Павел Дмитриевич долго стоял во дворе церкви и все любовался. Примерял, откуда написать. Место указал. Написать, вырисовать благородные контуры кипарисов. А не так, как сейчас кипарисы мажут с одного маху сверху вниз. Ожил Павел Дмитриевич в Лыхнах. Все повторял: «Сухопутный я человек». Море надоело.
Вечером он показывал нам свои законченные панорамы. Очень хорошо! Часов в двенадцать пришли с моря наши рыбаки после трехдневных приключений. Был шторм, и им пришлось убегать до Новых Гагр. Павел Дмитриевич им помогал вытаскивать фелюгу. Ворот вертел.
Пришла Елена и сказала, что 19-го машины не будет, а будет 21-го.
Уф! Наконец смогли отправить Кориных в Москву. 20-го и 21-го не могли достать машину и решили отправить их морем, 22-го Елена с утра пошла за фаэтоном. Вытащили вещи к калитке. Беспокоились, что долго не едет. Наконец приехала. Погрузили и в 10.30 покатили в порт. Пошли в духан. Покушали, выпили по два стакана вина. Павел Дмитриевич развеселился. «Теперь я стал совсем пиратом». Показался «Норд». Взяли вещи. Погрузили. Так трогательно поцеловались. «Норд» отчалил. Павел Дмитриевич долго махал нам платком.
*

П. Д. Корин — реставратор.
Дружеский шарж. 1938—1939

ВЕЧЕР ПАМЯТИ В. ГОЛИЦЫНА

(Из стенограммы обсуждения выставки В. М. Голицына)

Весной 1966 года в Москве в помещении Комбината графических искусств на улице Немировича-Данченко была развернута выставка работ Владимира Голицына (в 1969 году она экспонировалась в Дмитровском краеведческом музее).

На вечер памяти художника собралось много его друзей и товарищей по работе. Люди разных профессий делились памятью о близком им художнике, затрагивая разные стороны его творчества. Ниже мы помещаем отрывки из стенограммы этого вечера.

Художник А. А. Васин

«Я помню «Всемирный следопыт», который делали 3—4 художника и в их числе Владимир Голицын. В 20-х годах журналы «Всемирный следопыт», «Вокруг света», «30 дней» были для нас первыми источниками культуры. Все мы были влюблены в какого-нибудь художника, и все мы знали, что Голицын лучше всех рисует корабли.

...Это была многогранная и щедрая натура. За каждым рисунком чувствовались большие знания...

Все, что делал В. М. Голицын в области популяризации народного искусства, замечательно. Это не цитатное искусство, а искусство преображенное...»

Художник И. Воробьева

«Когда я читала Грина, то у меня с ним ассоциировался образ Владимира Михайловича — человека своей мечты. Он прожил трудную жизнь, но сохранил веру в жизнь. Если герои Александра Грина ищут другие города, другие страны, то Владимир Голицын нашел себя в своей стране. Его работы показывают его русский характер...»

Ученый-этнограф Б. А. Васильев

«Я познакомился с Владимиром Михайловичем в 1927 году после возвращения из экспедиции на Дальний Восток в тайгу, в район Советской Гавани. Незадолго перед тем, как побывал Арсеньев, который тогда прокладывал трассу железной дороги через Ханга. Мною была привезена большая этнографическая коллекция по быту маленькой народности орчи. Коллекция была выставлена в музее. Владимир Михайлович ею заинтересовался и пожелал отобразить быт орчи в журнале «Всемирный следопыт». Вскоре на обложке журнала появились многоцветные рисунки, которые открыли целую серию этнографических рисунков Владимира Голицына в «Следопыте»...

Я был на острове Сахалине и познакомился там с бытом другой маленькой народности ульги, насколько помню, этот материал также был отражен в «Следопыте»... Владимир Михайлович знакомился с материалом по этнографии различных народов СССР. Помнится, он тогда дал интерьер обстановочной сцены бурят-монгольской юрты, киргизской кибитки и др.»

Геолог А. И. Ефимов

«Среди произведений Владимира Михайловича Голицына есть вещи, которые хранятся в музее, есть вещи, которые лежат в папках у семьи, а есть вещи, которые сейчас живут, — я имею в виду игры, которые сделал Владимир Михайлович. Одна из них называется «Пираты». Внуки Владимира Михайловича и внуки Фаворского вот уже в течение трех-четырех лет играют в эти игры. Большая любовь детей к играм, которые придумал Владимир Михайлович, объясняется тем, что там есть много познавательного, там география и история, и романтика. Каждая партия игры состоит из комбинаций, в которых все время что-то новое — новый ветер, новый румб...»

С. В. Кристи

«Он всех заражал своим оптимизмом. С ним очень было интересно общаться. Все его рассказы были пропитаны творческим видением в самых разнообразных выражениях. Это был неугомонный фантазер, выдумщик».

Художник Б. С. Берендгоф

«Да, Владимир был человеком поразительно жизнерадостным. Я знал его в период для него очень трудный,.. когда он был болен, но я никогда его не видел без светлой улыбки. Помню, как он принес альбом, который назывался «Девять дмитровских чудаков». Там были записки и рисунки об интересных людях города Дмитрова.

В своем искусстве он дал очень много... Такие люди редко бывают, и мы их теряем, иногда даже не успев по-настоящему их оценить!»

Писатель Ю. А. Арбат

«Мне хочется сказать о том, что обеспечило Владимиру Михайловичу прочное место в истории культуры,— о его труде, связанном с народным искусством. Работая над одной статьей по мезенскому искусству, я увидел работы Владимира Голицына. Он не пытался «облагородить» народное творчество, но показал, какое это замечательное искусство».

Художник М. П. Кончаловский

«О Владимире я сохранил замечательные воспоминанья. Он всегда бывал в нашем доме, его очень любил мой отец. Из поездок он привозил рисунки, которые нравились отцу... Я не вижу здесь, на выставке альбомов, которые он делал в своих путешествиях. Там были очень интересные иллюстрации его северных путешествий. Отец с удовольствием смотрел эти рисунки».

* *

II

Рисунки и акварели

Работа в книге

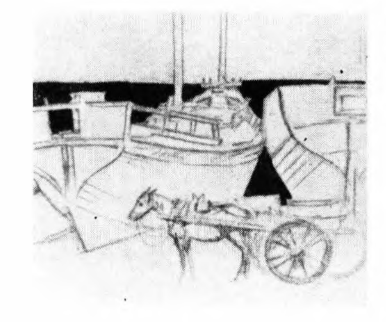
Работа в журналах

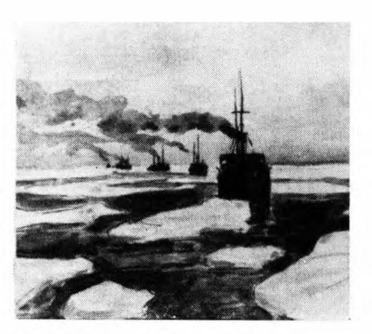
Театр

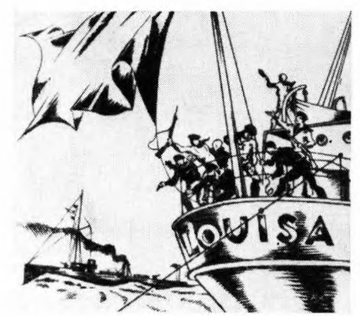
Роспись по дереву

Настольные игры

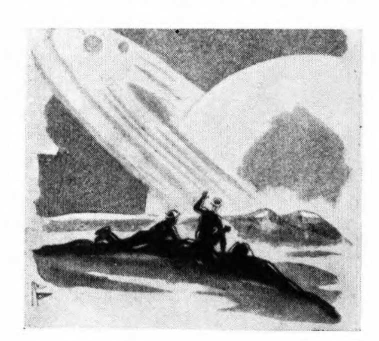
Список основных работ В. М. Голицына

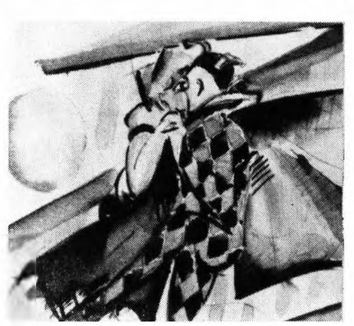

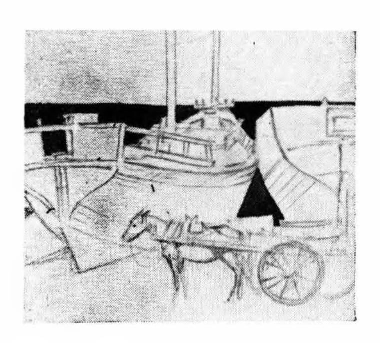

LOUISA

НАСТОЛЬНАЯ
МОРСКАЯ
ИГРА

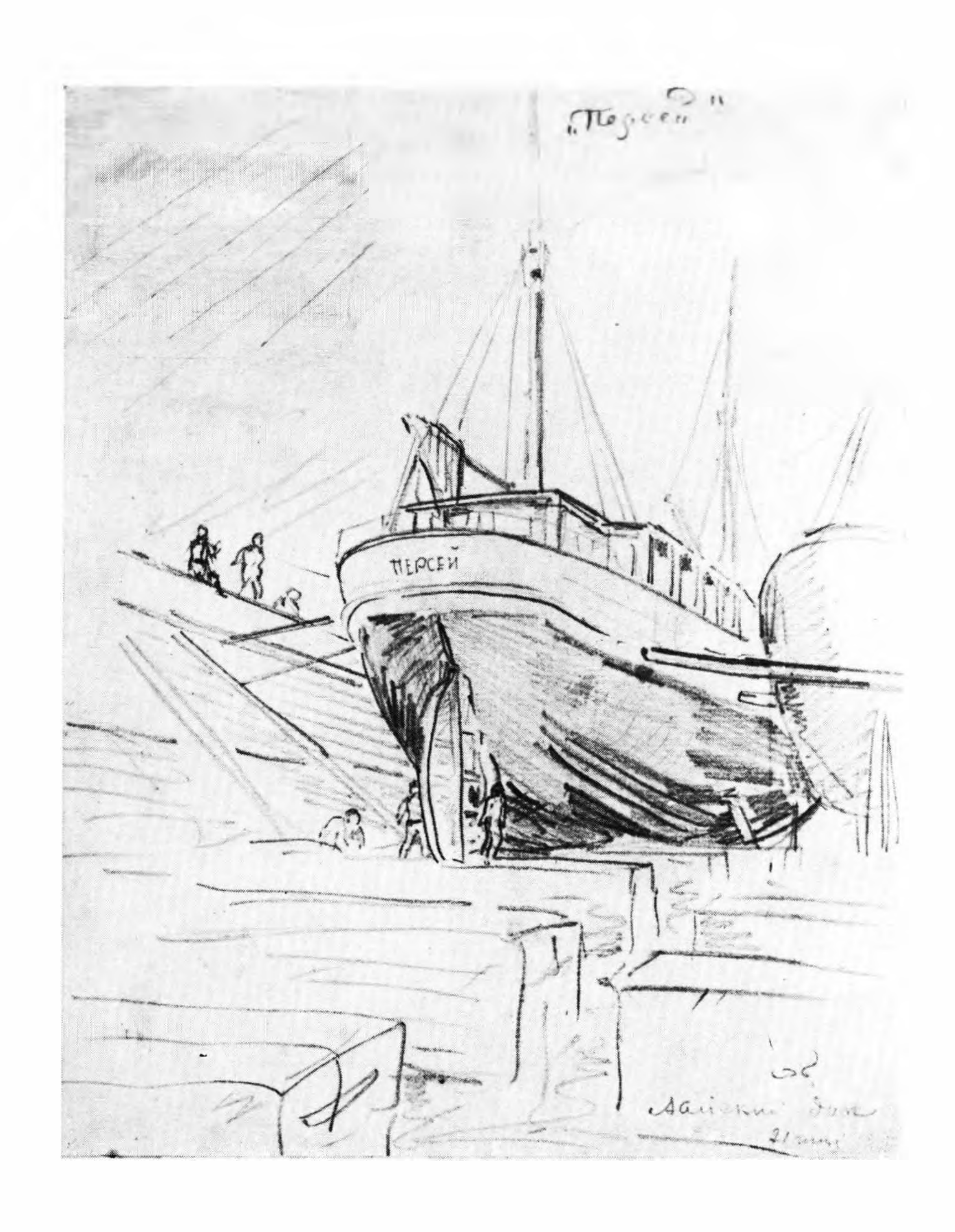

РИСУНКИ И АКВАРЕЛИ

Пилит дрова.
1922

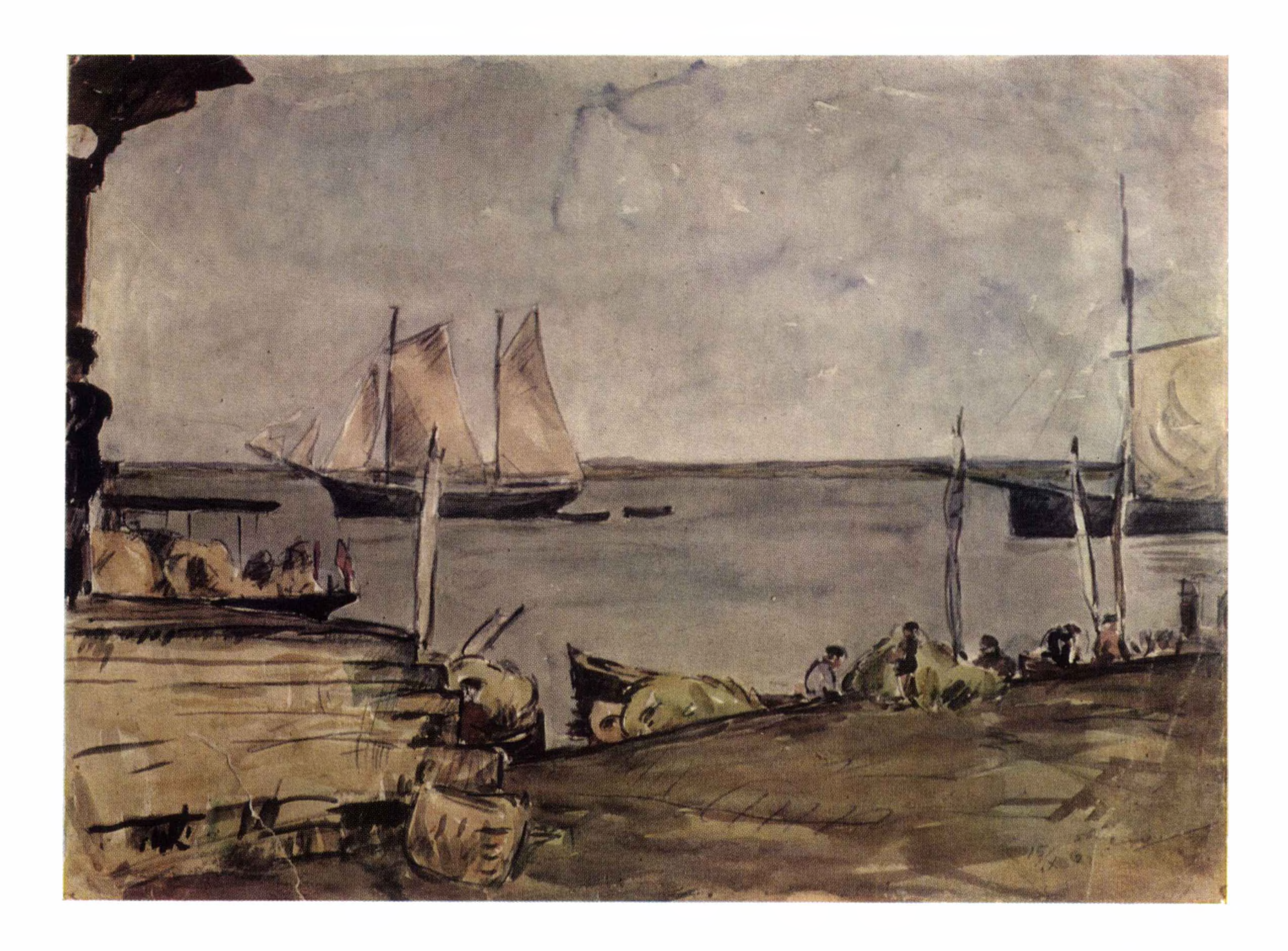
Извозчики. 1922

«Персей» в Лайском доке.
1922

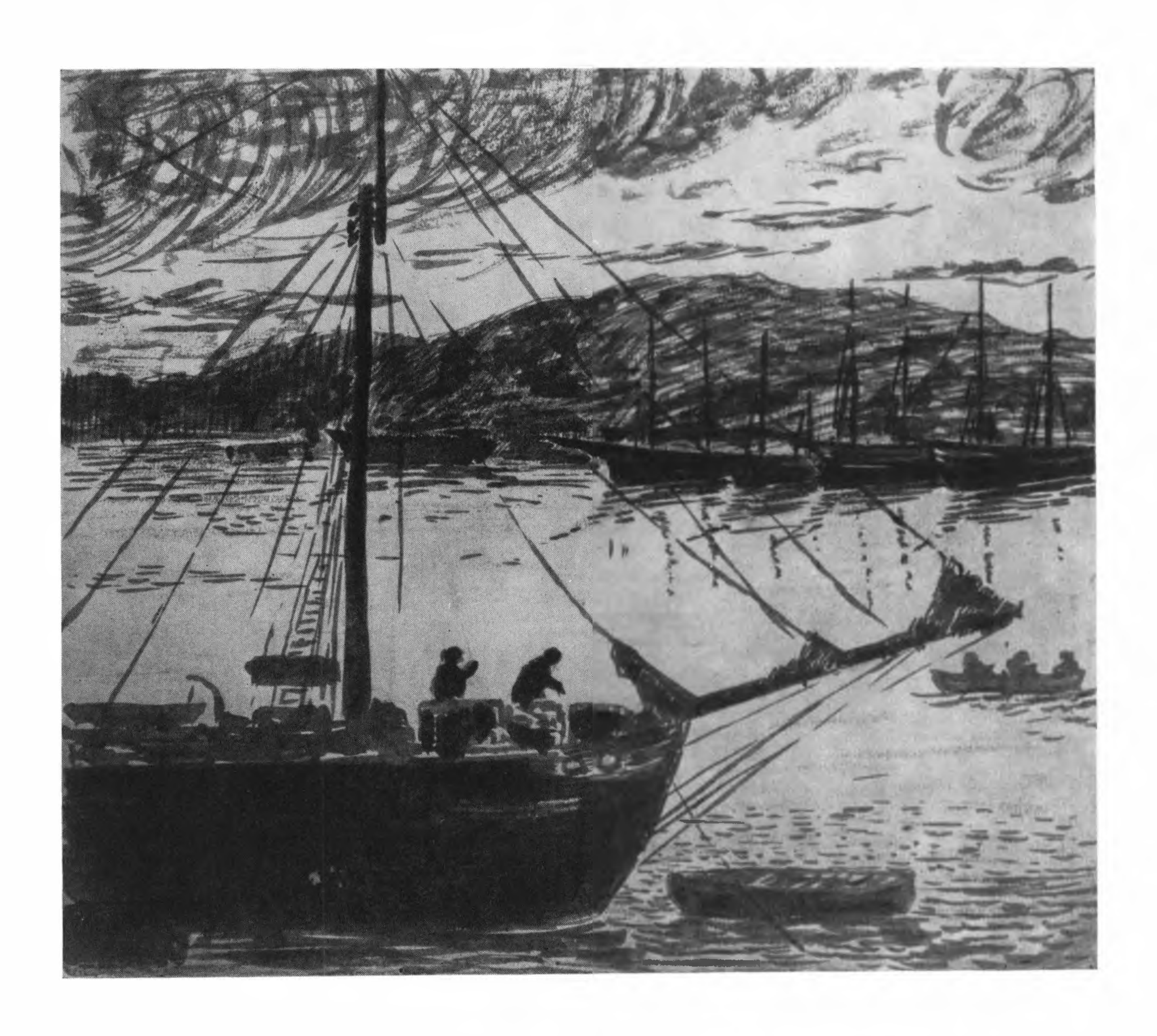
Архангельск. 1922

Архангельск. 1922

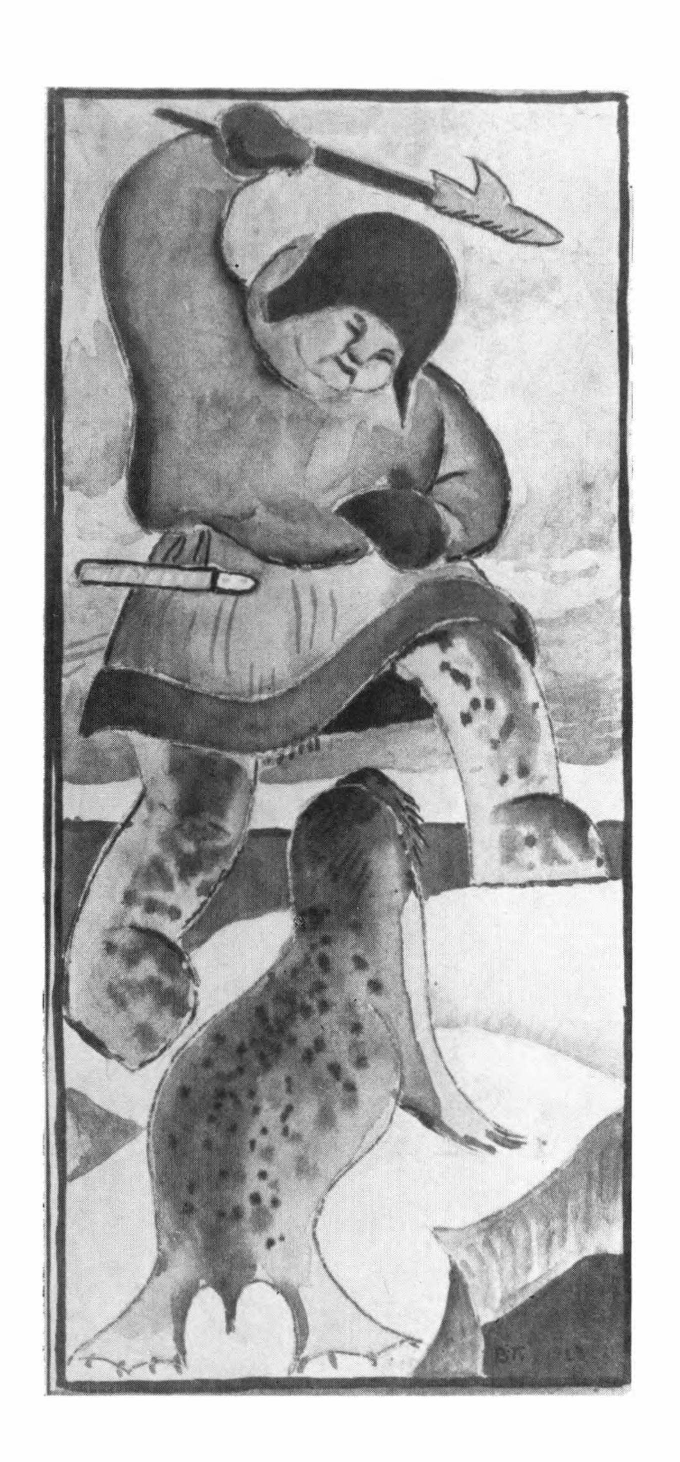
Северное сияние (Новая Земля).
1921

Мурман. Белая ночь.
1920

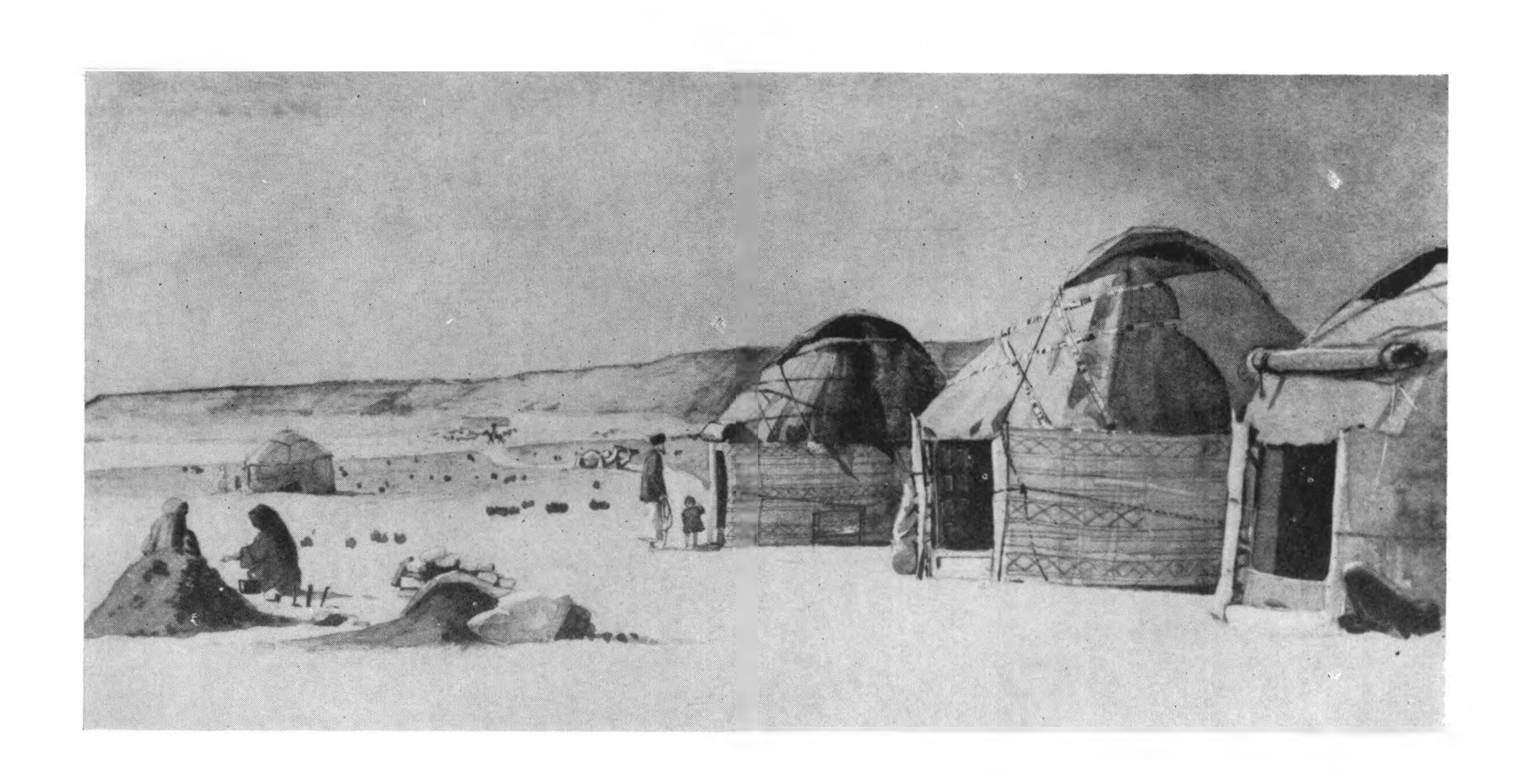
Андрюша Шестаков,
конопатчик «Персея». 1922

Охотник и тюлень (Новая Земля). 1921

Большая рыба (Новая Земля). 1921

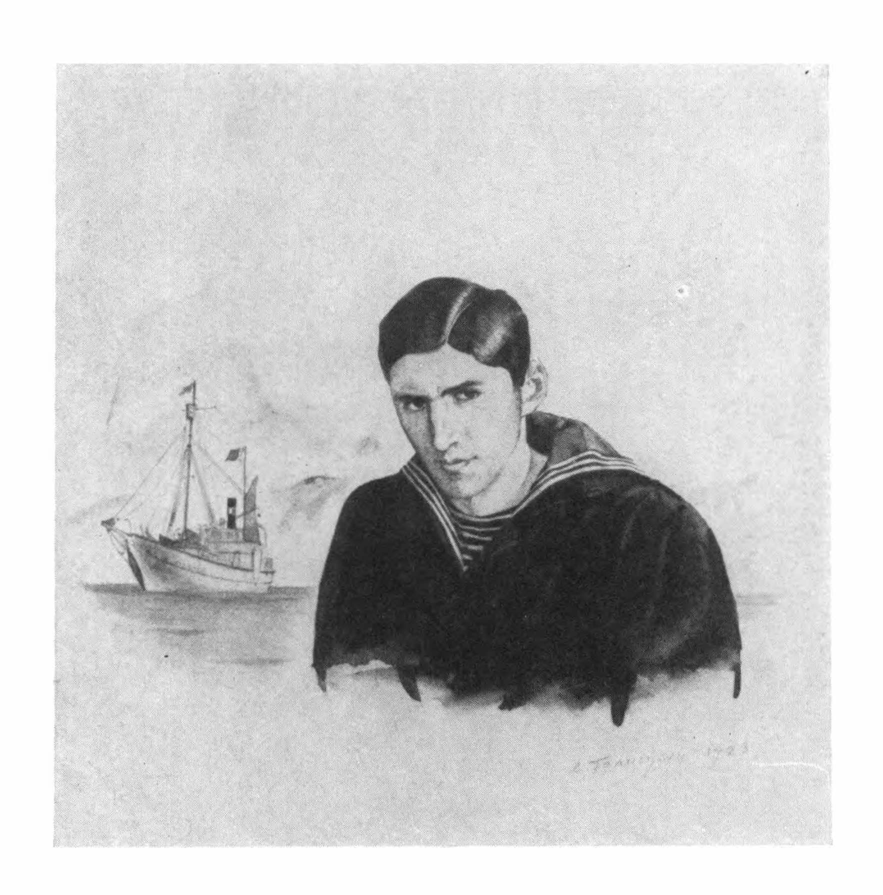

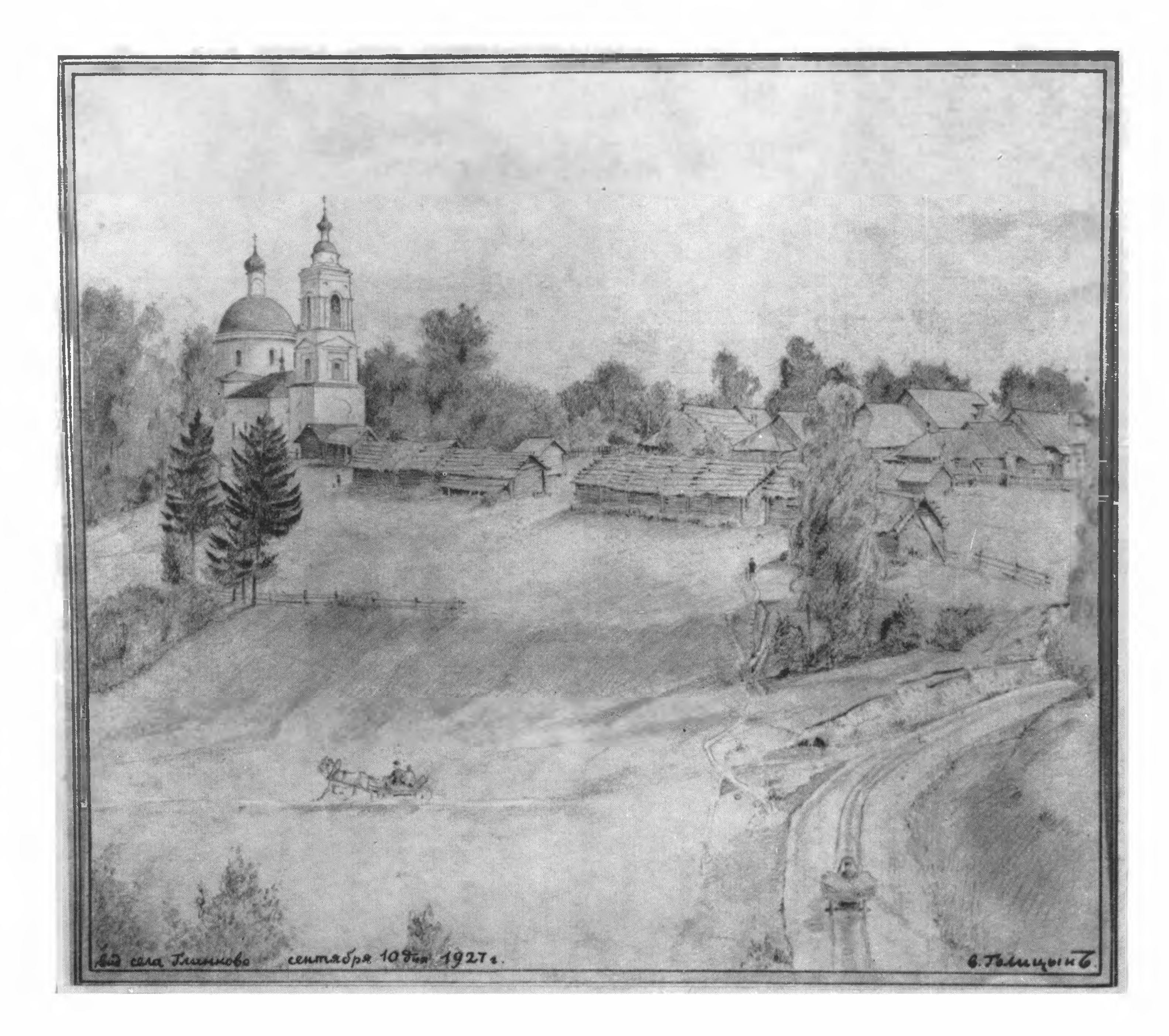
Мангышлак. Туркменские кибитки. 1928

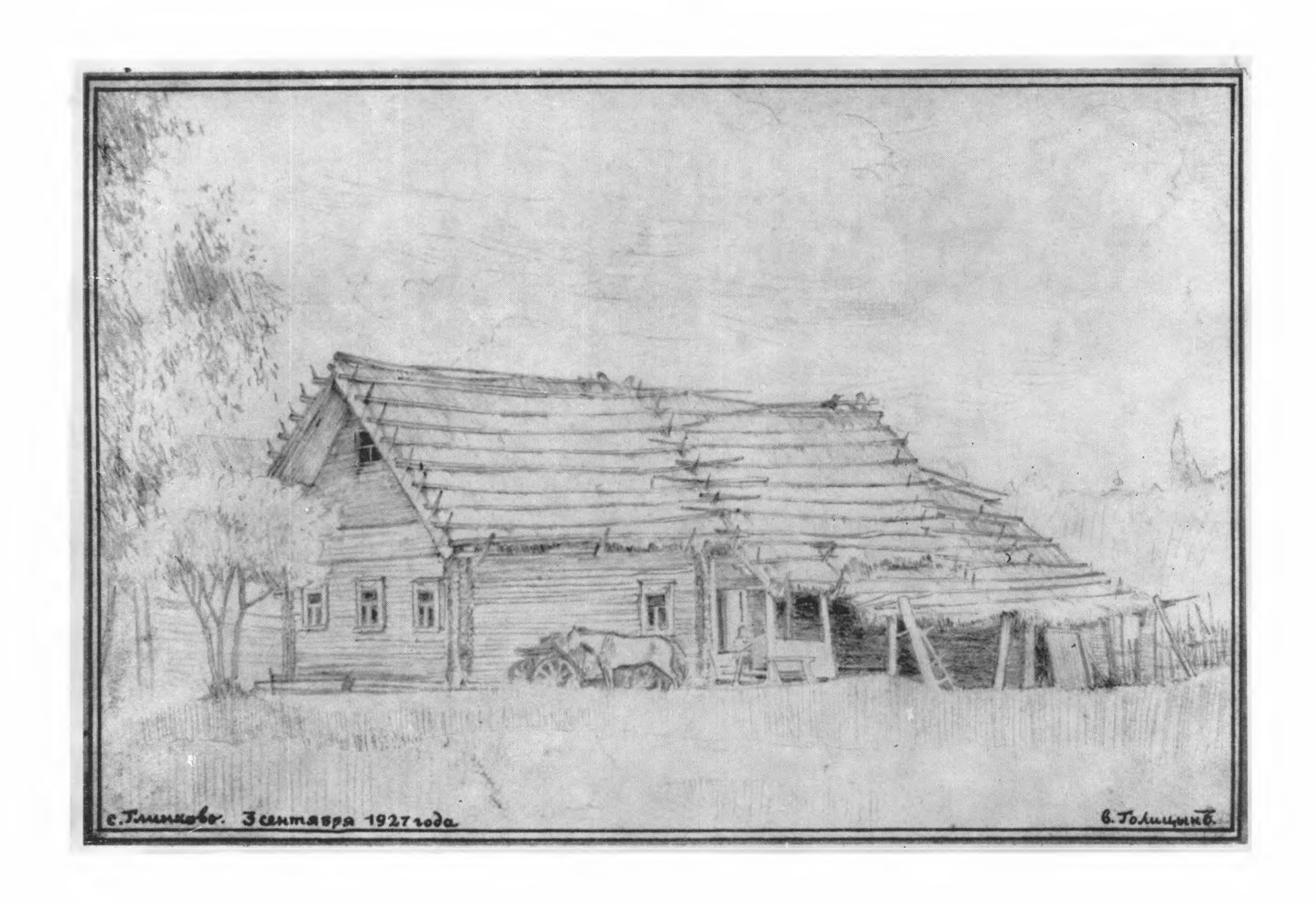
Охотник лопарь Михайло Лопатин
с оз. Домашнего.
1921

Автопортрет с «Персеем».
1923

Вид села Глинково сентября 10 дня 1927 г.
В. Голицынъ

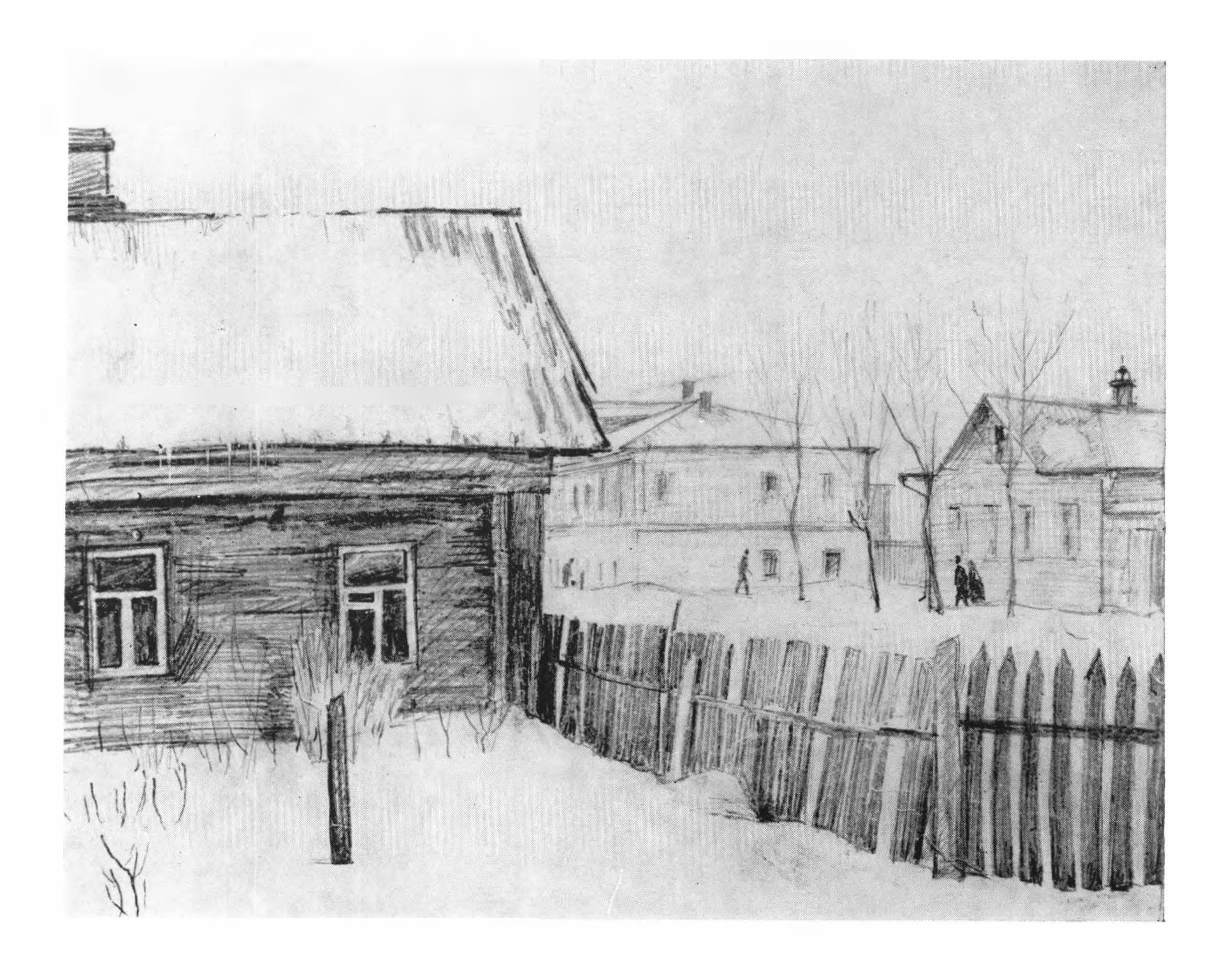
Вид села Глинкова.
1927

Село Глинково.
1927

г. Дмитров.
Борисоглебский монастырь.
1936

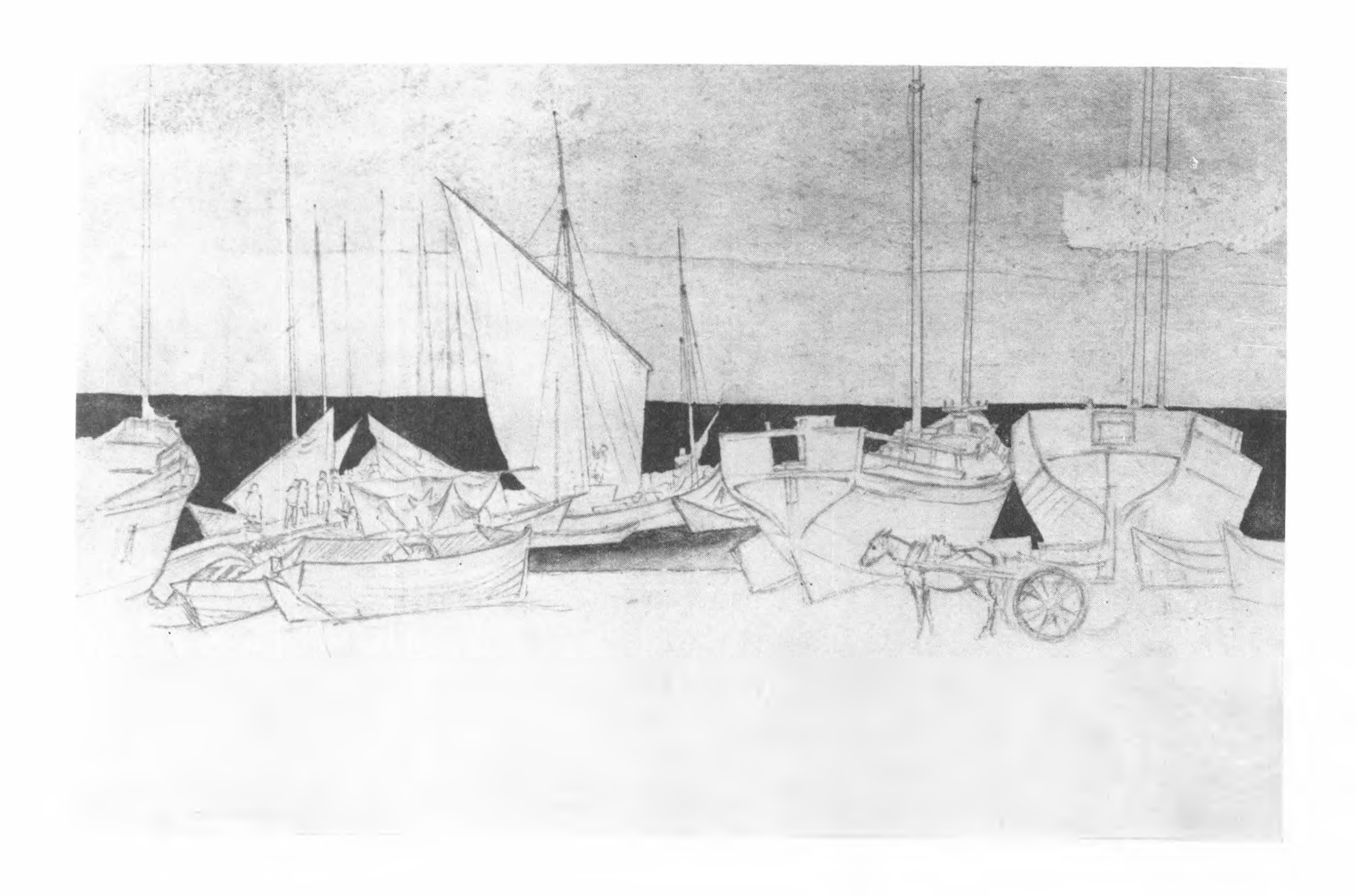
г. Дмитров. Успенский собор.
1936

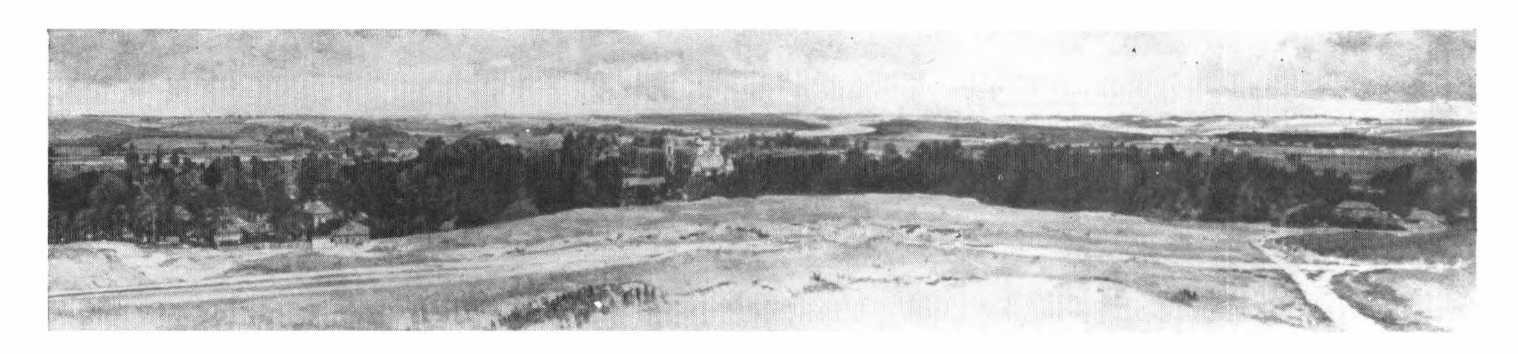
г. Дмитров. Наш дом.
1938

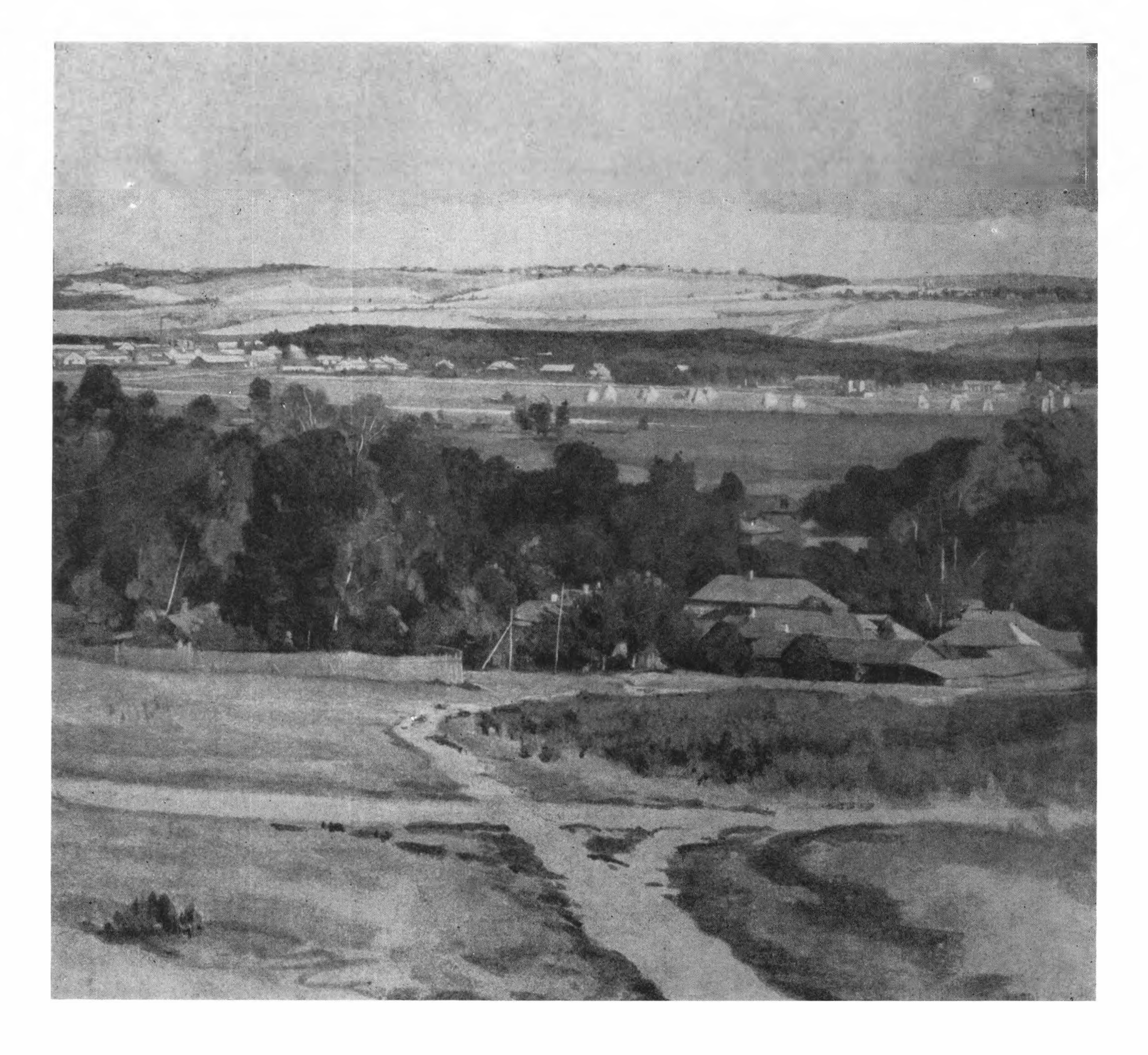
Гарпуньер с «Шарлотты».
1921

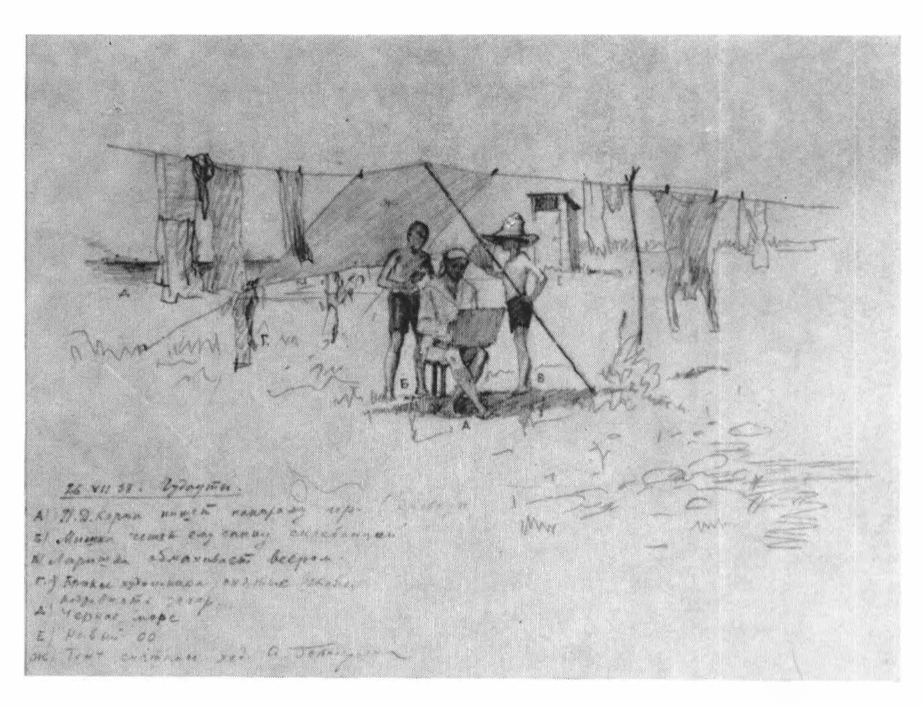

Мангышлак.
Рыбачьи лодки.
1928

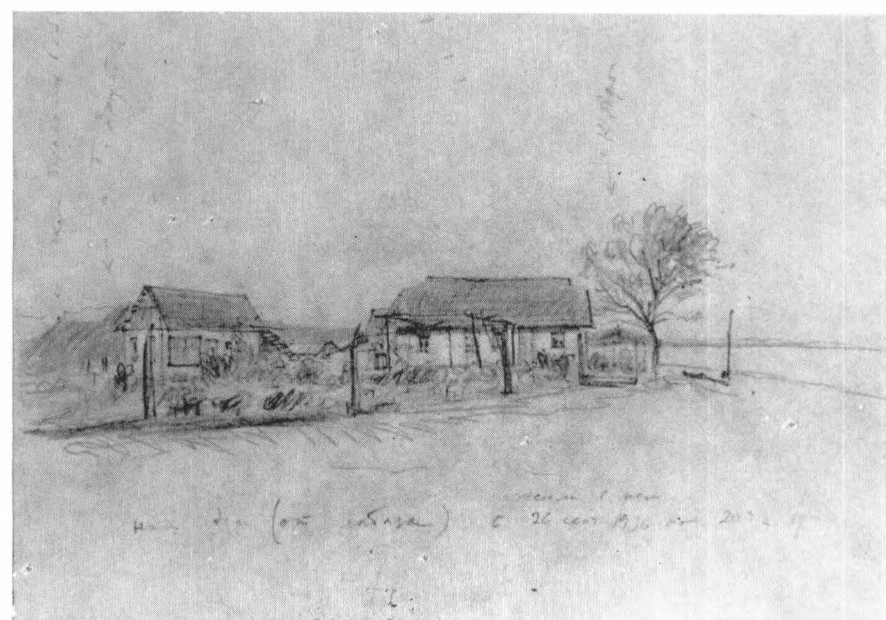

Панорама г. Дмитрова.
1939

П. Д. Корин пишет панораму гор. Гудауты. 1938

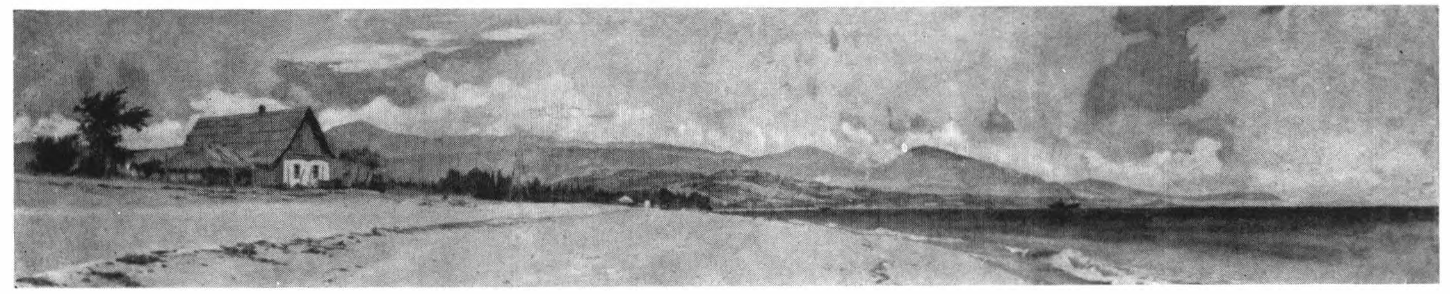

Гудауты.
Дом, где жил В. М. Голицын. 1937

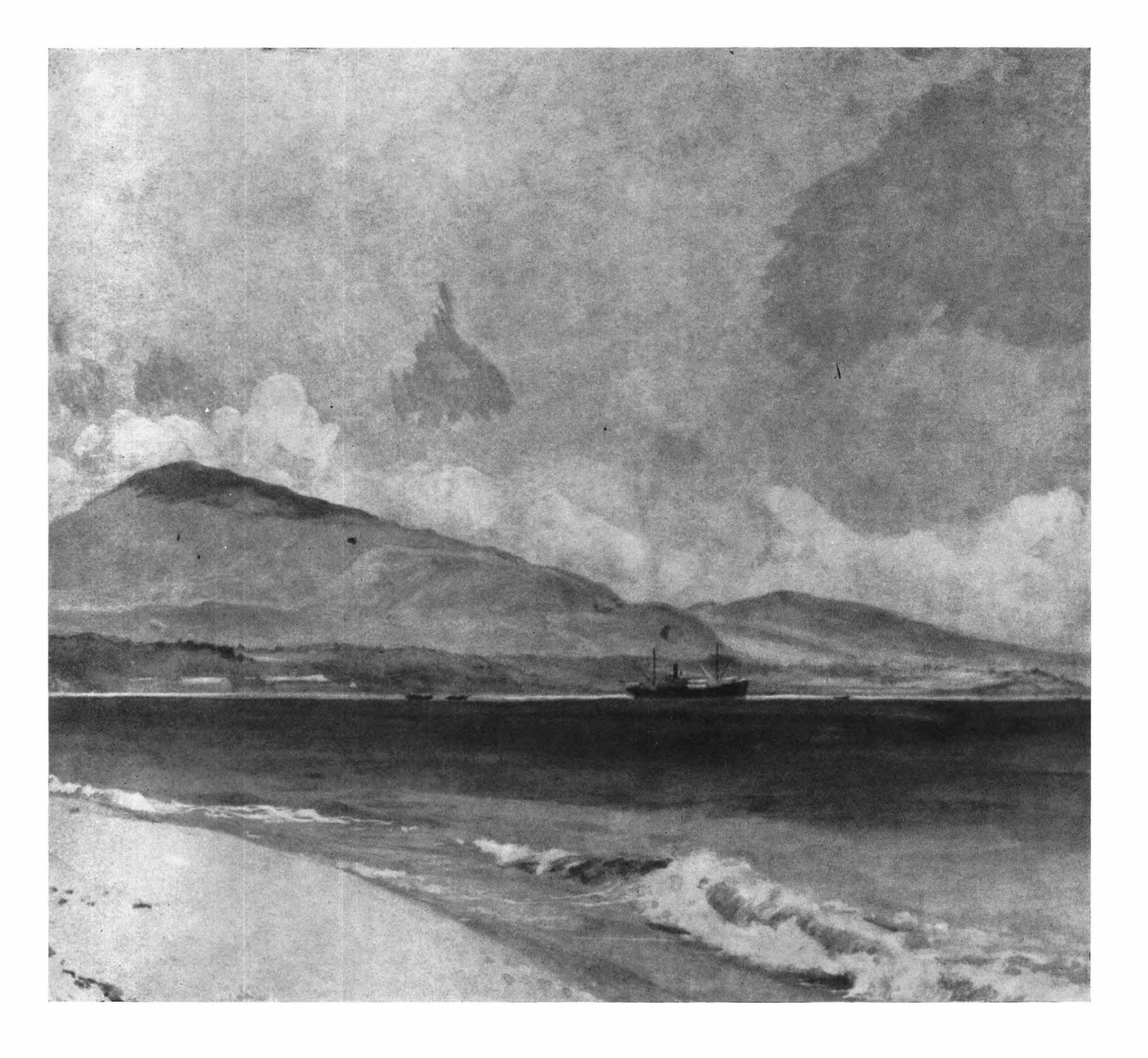

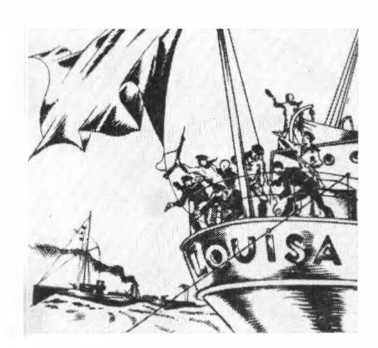
П. Д. Корин на корабле «Современное искусство». Дружеский шарж. 1938

Панорама гор. Гудауты.
1938

РАБОТА В КНИГЕ

ЛЕВ ГУМИЛЕВСКИЙ

КЛАДБИЩЕ МАМОНТОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Обложка к книге Л. Гумилевского «Кладбище мамонтов». 1925

Иллюстрации к книге
С. Ауслендера «Случай на море».
1925

Обложка и иллюстрация к книге Л. Митчель «Песенка нового паровоза». 1925

Обложка и иллюстрация
к книге Д. Алтаузена
«Якутенок Олеська». 1926

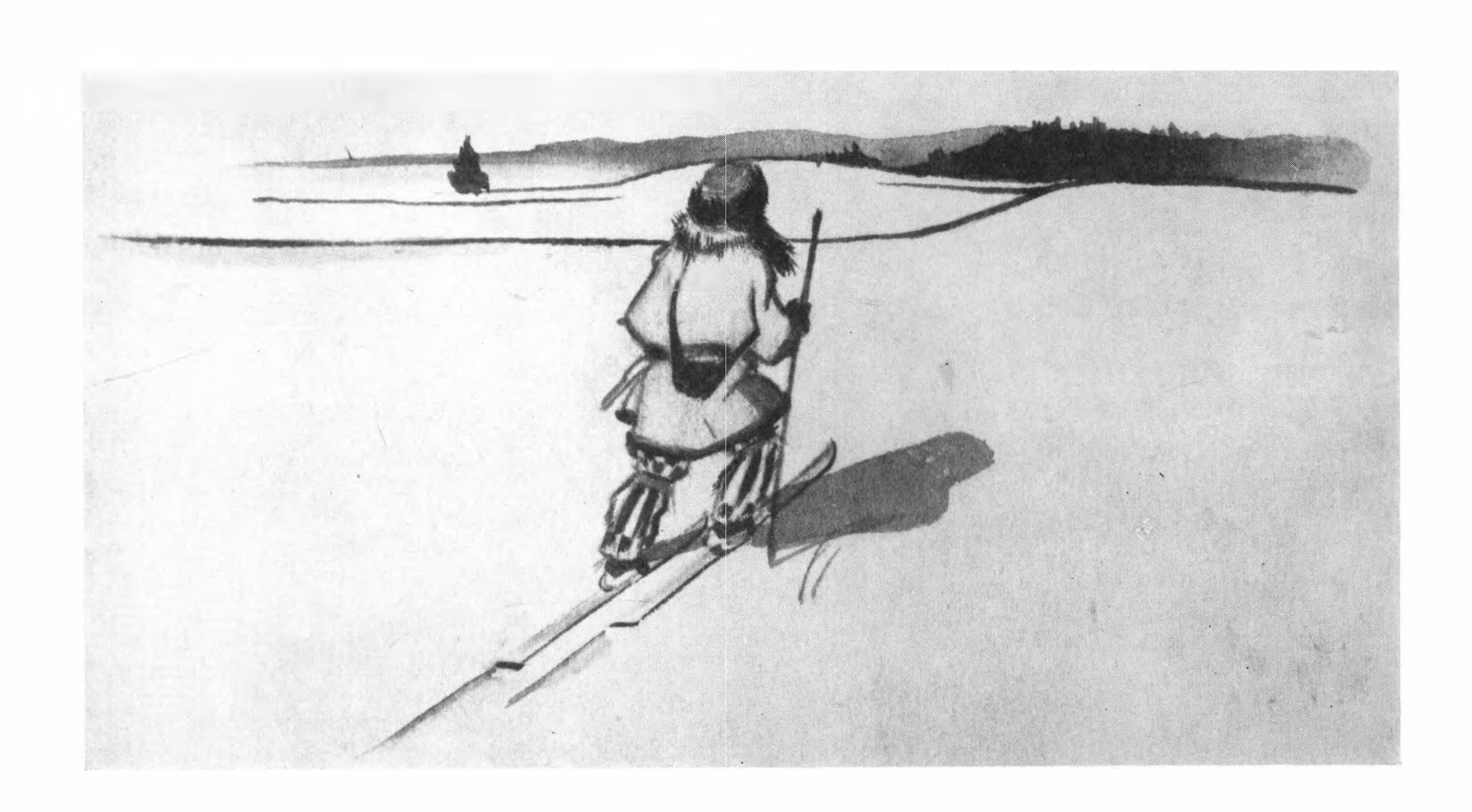
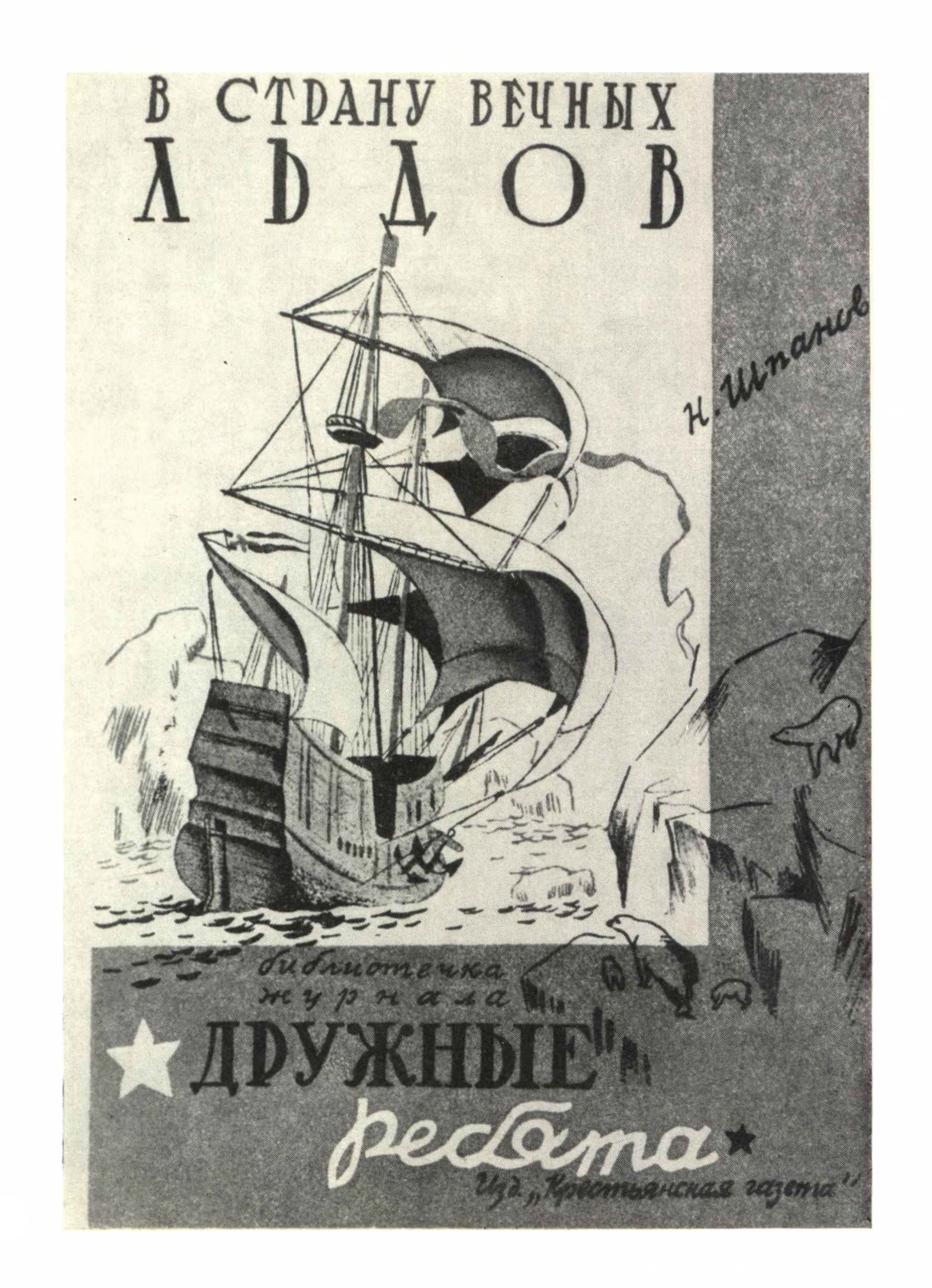

Иллюстрация к книге Д. Алтаузена «Якутенок Олеська»

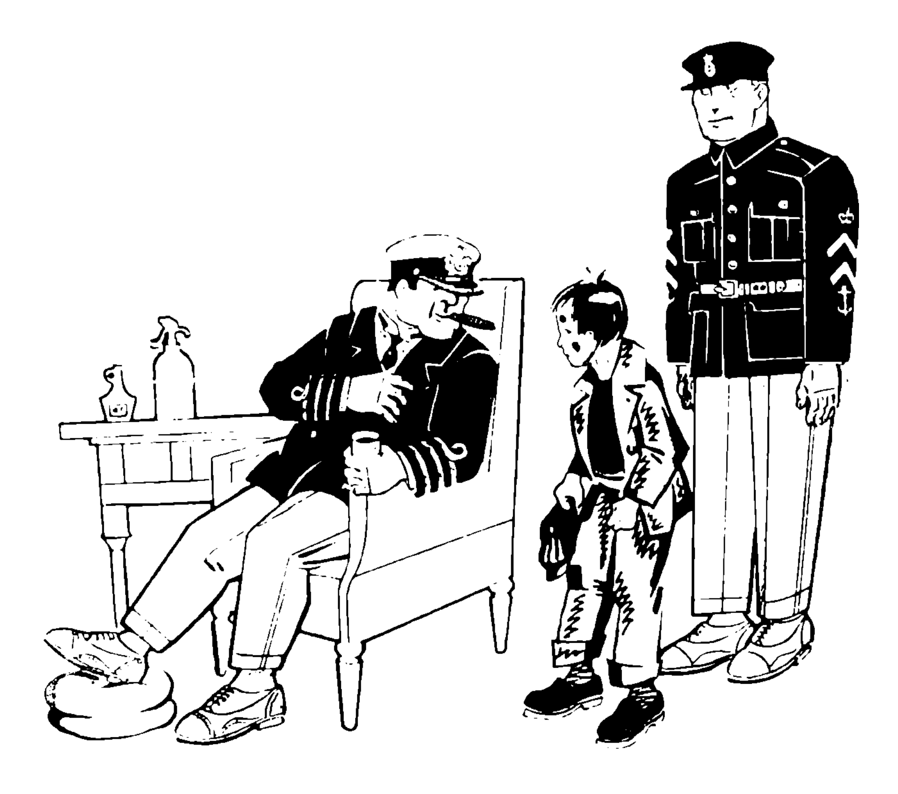

Обложка к книге Н. Шпанова «В страну вечных льдов». 1929

Обложка и иллюстрации
к книге Е. Бывалова
(Зюйд-Вест).
«Дети палубы». 1926

Обложка к книге
А. Новикова-Прибоя
«Между жизнью и смертью».
1928

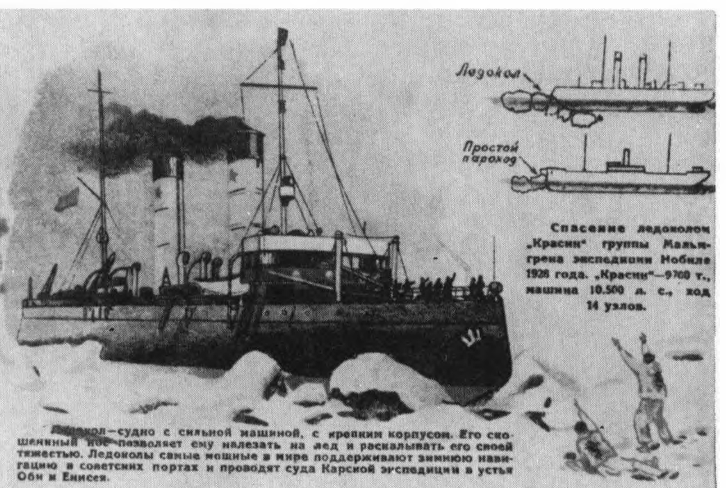

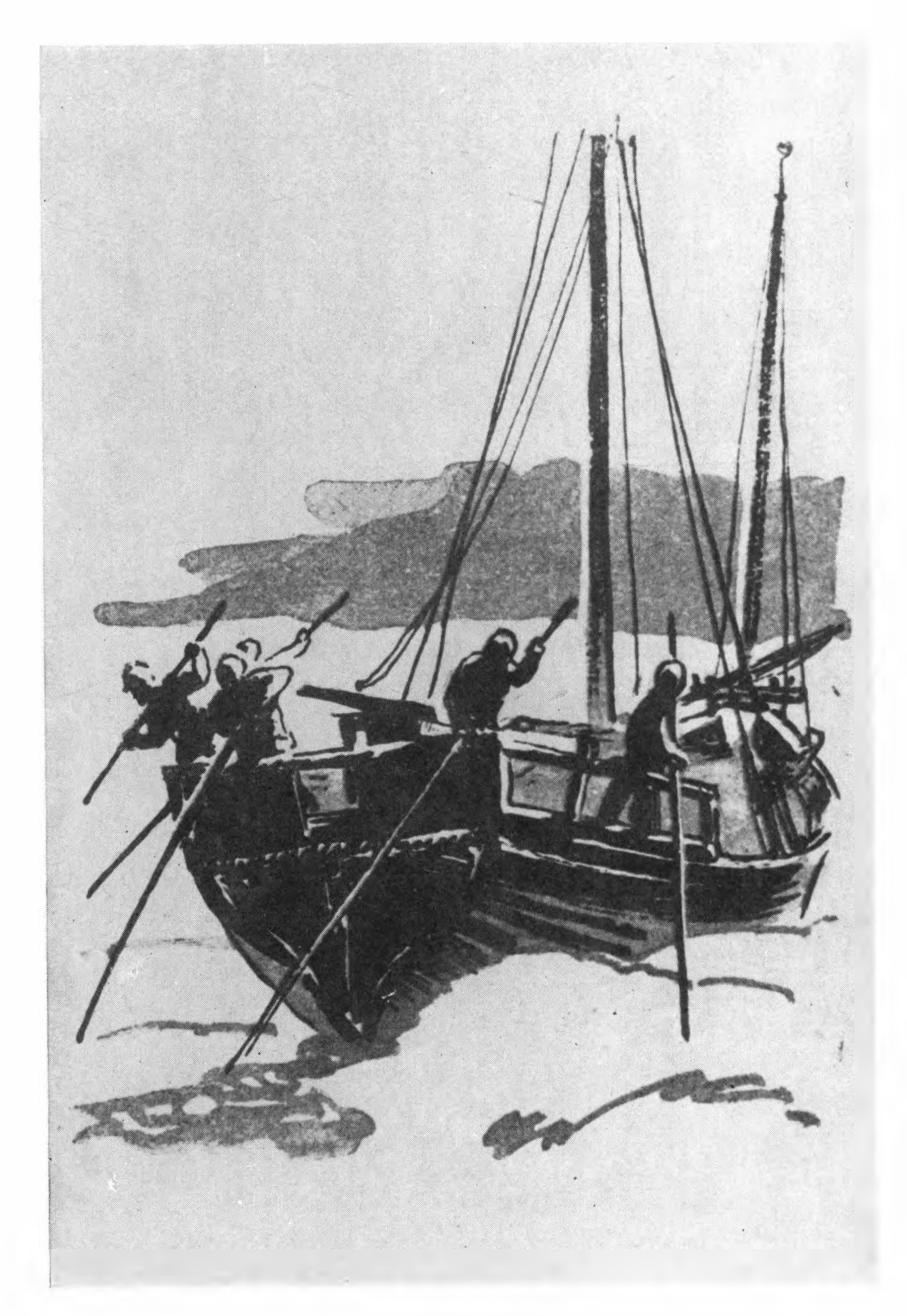
Наступила пора великих открытий. Из Америки, открытой Колумбом, вывозили много золота. Появились пиратские (разбойничьи) суда. Они грабили корабли, груженные золотом и товарами.

Иллюстрации (развороты)
к альбомам
«Военный флот СССР»
и «Торговый флот СССР». 1934

Иллюстрации к книге В. Ветова «Тюлень Яшка». 1929

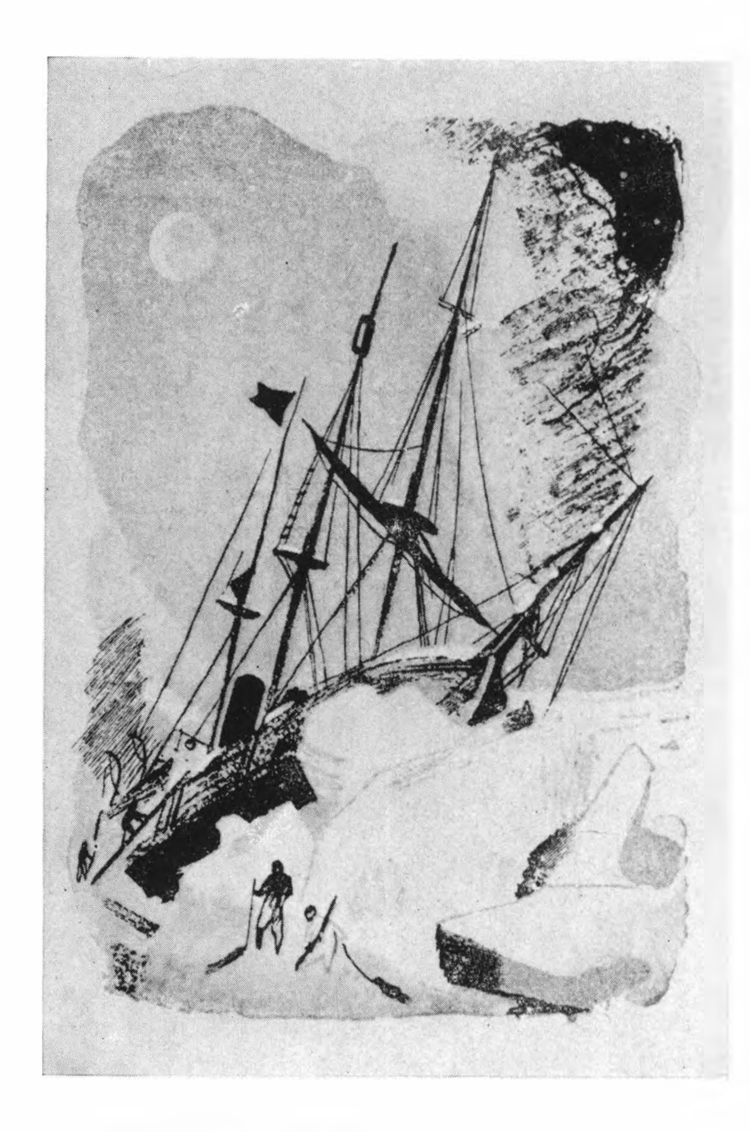
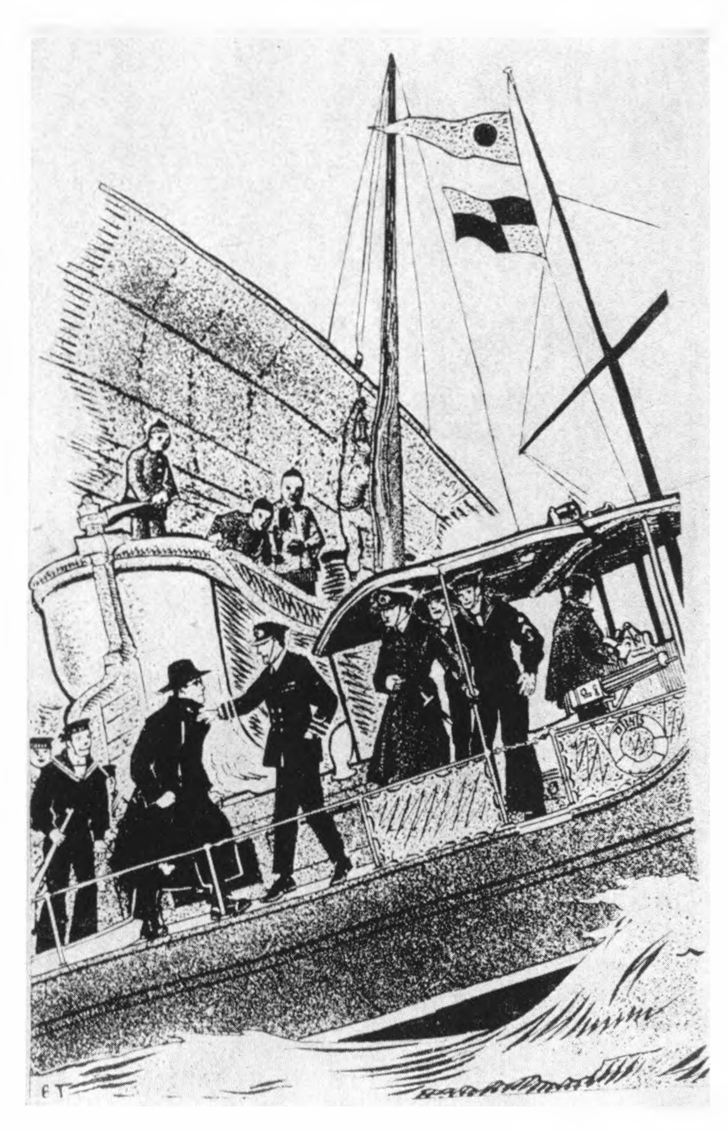

Иллюстрация к книге Н. Шпанова
«В страну вечных льдов».
1929

Иллюстрация к книге
А. Новикова-Прибоя
«Между жизнью и смертью».
1928

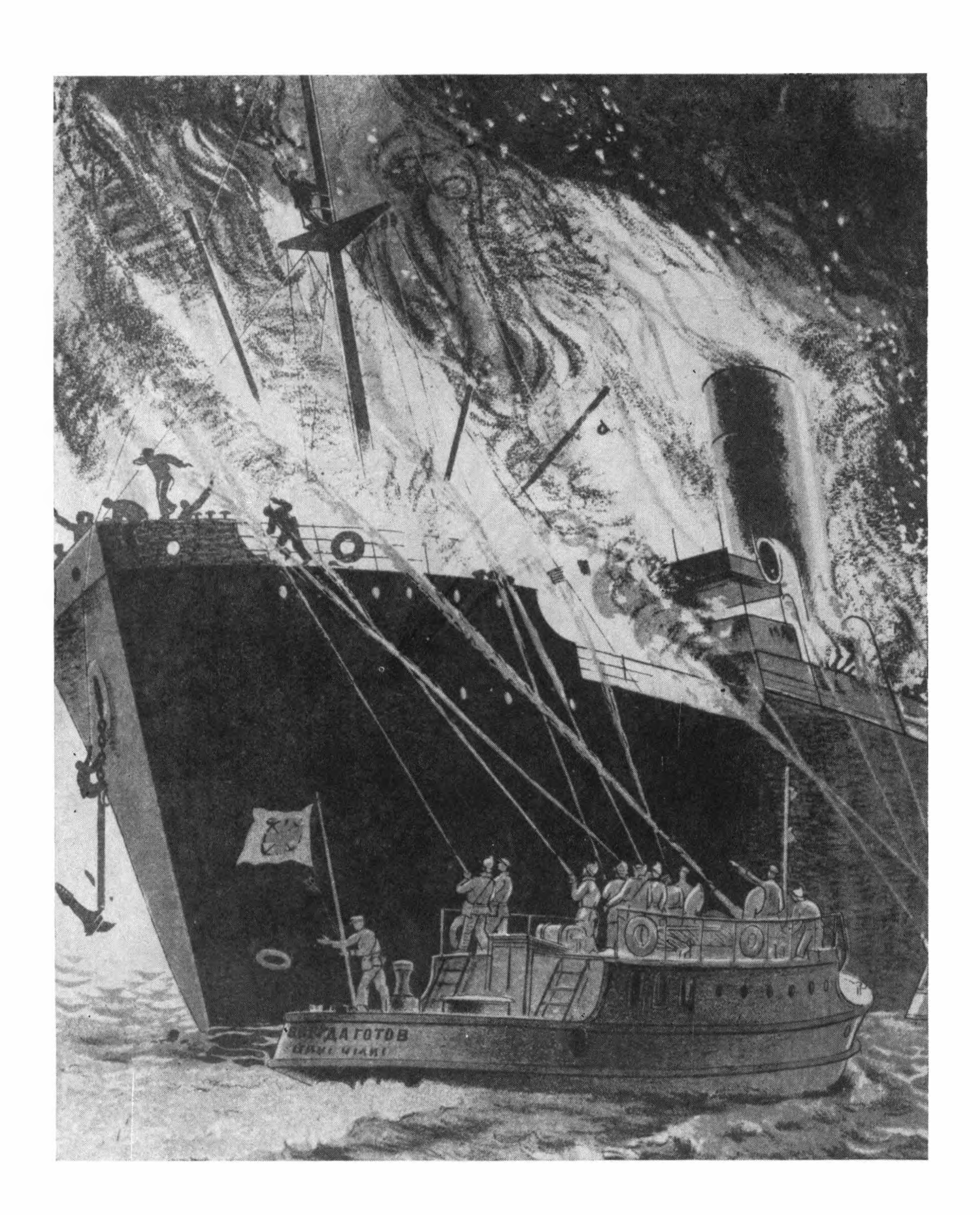
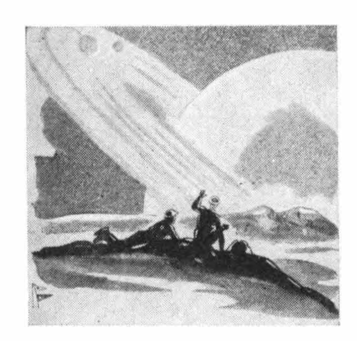

Иллюстрация к книге
Б. Житкова
«Помошь идет». 1939

РАБОТА В ЖУРНАЛАХ

Обложка журнала «Всемирный следопыт». 1934

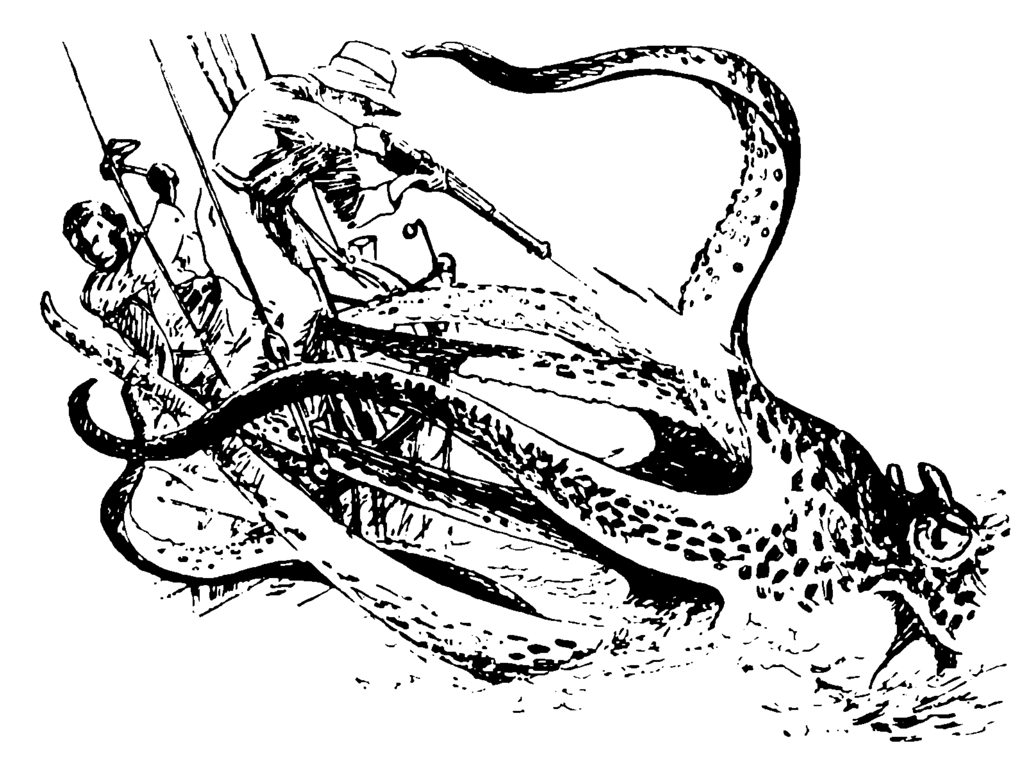
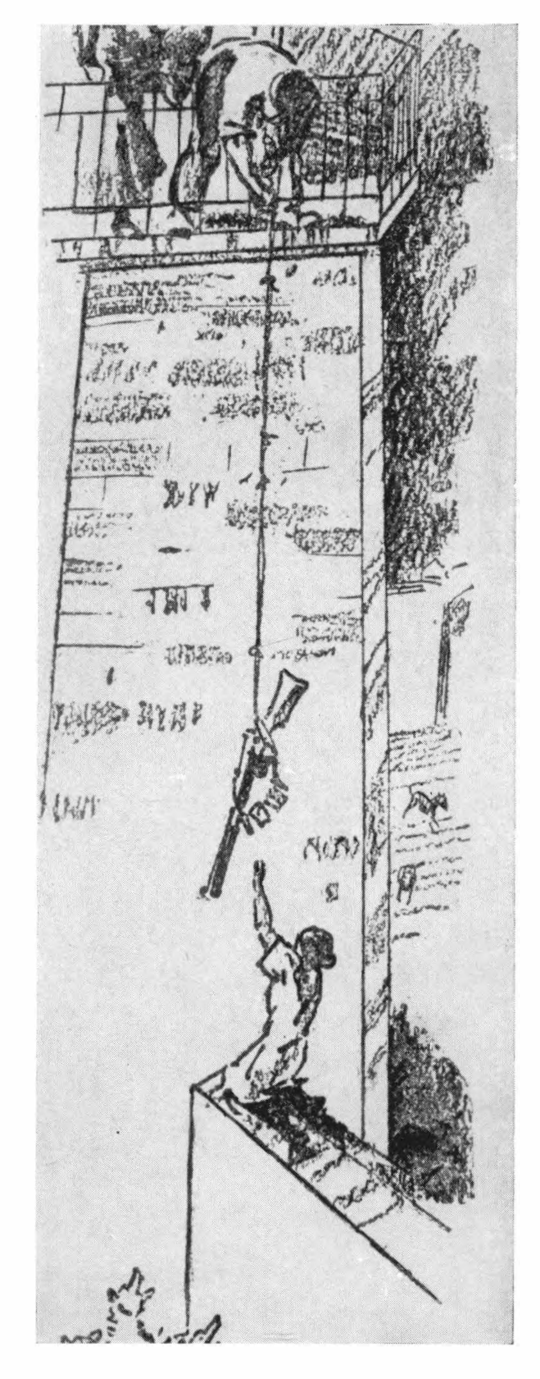

Иллюстрация к рассказу П. Аннкетера «Подводный клад» для журнала «Всемирный следопыт». 1928

Обложка журнала
«Всемирный следопыт». 1927

Иллюстрации к рассказу В. Ветова «Осада маяка» для журнала «Всемирный следопыт». 1929

Иллюстрации к рассказу
В. Ветова «Драгоценная галка»
для журнала «Всемирный
следопыт». 1927

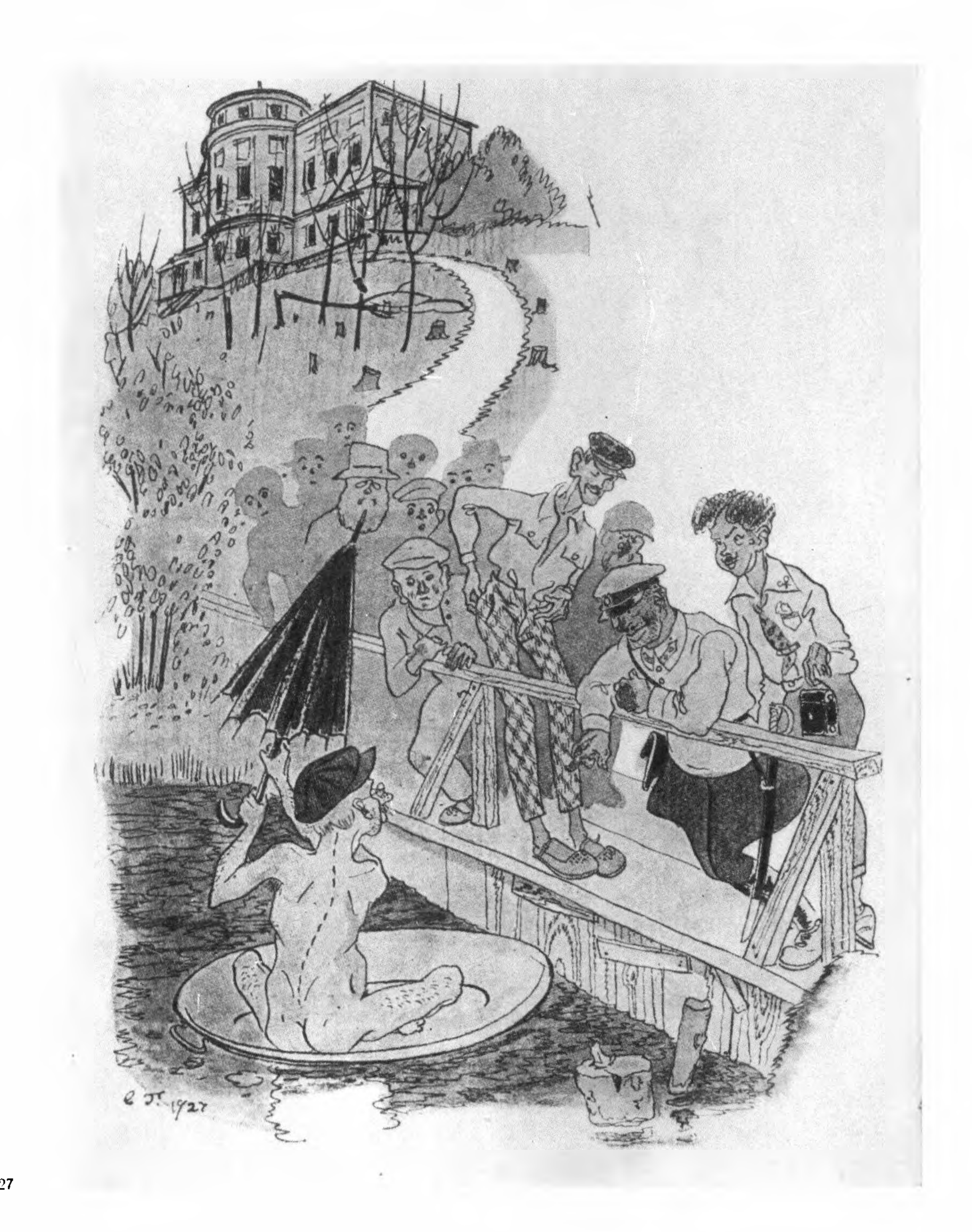

Иллюстрация к рассказу
В. Ветова
«Гибель дирижабля»
для журнала
«Всемирный следопыт». 1927

Иллюстрации
к рассказу В. Ветова «На волков»
для журнала «Всемирный
следопыт». 1927

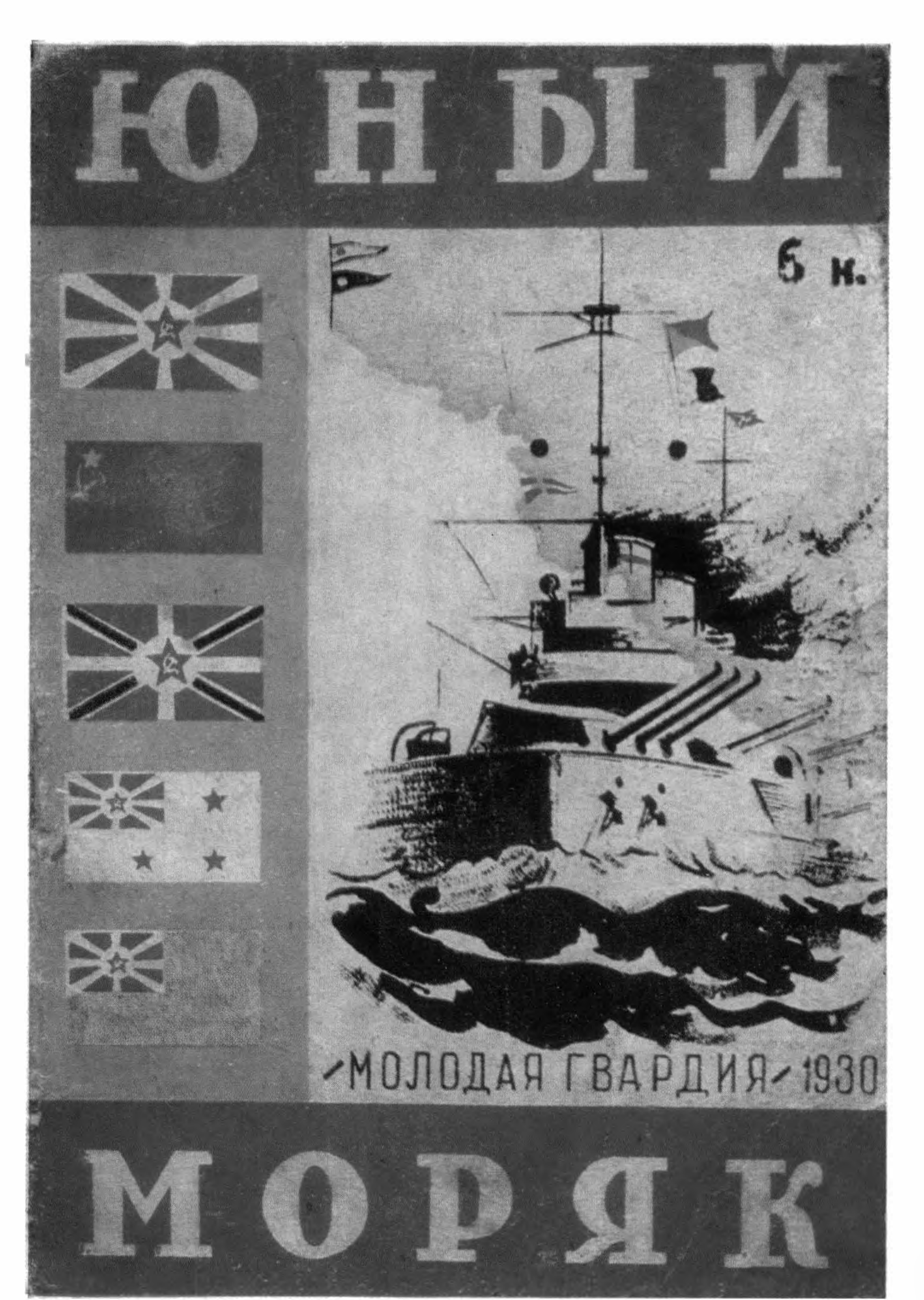
ПРОПАВШИЙ ОБОЗ

Заголовки к рассказам
для журнала
«Всемирный следопыт».
1927

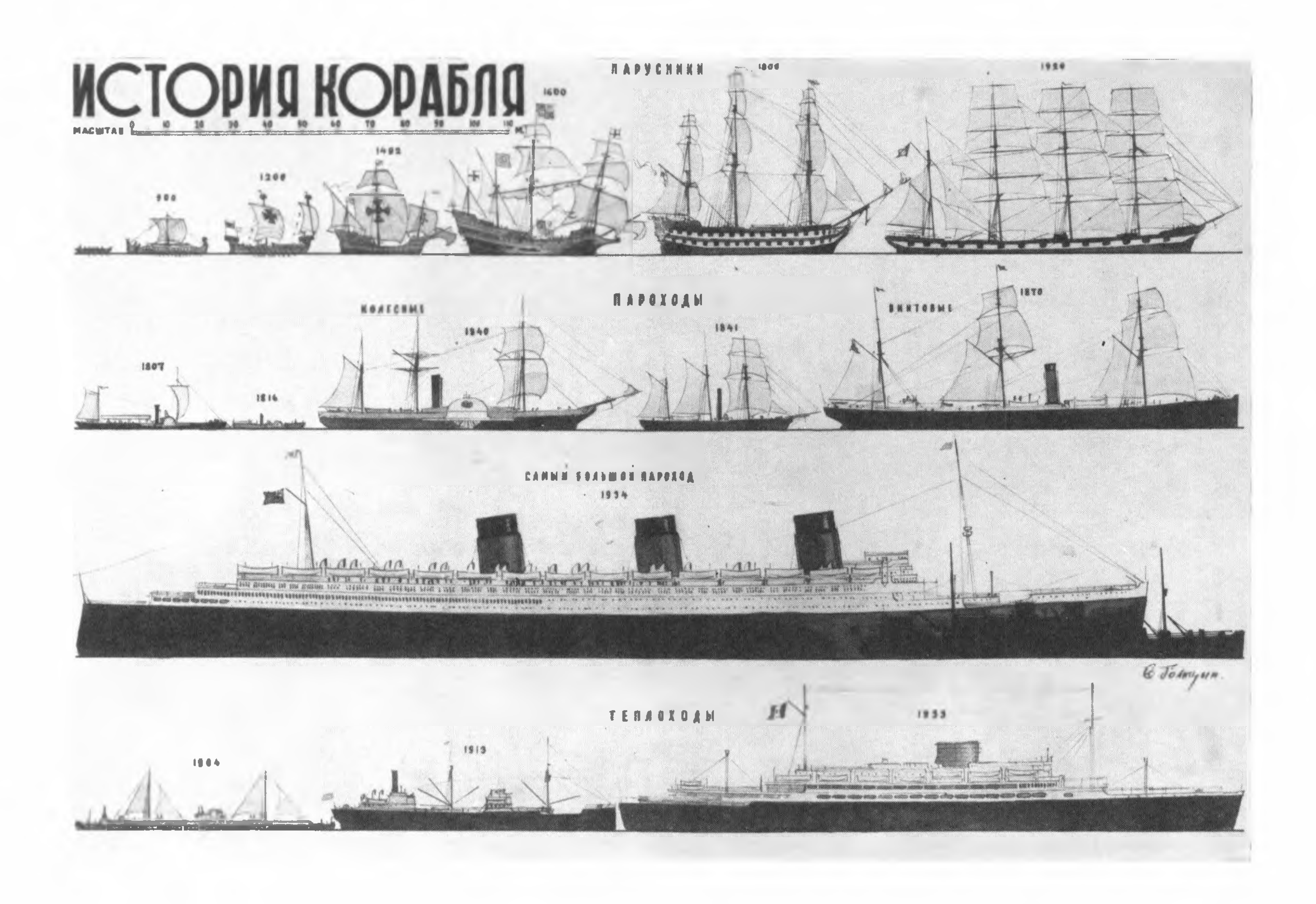

Обложка журнала
«Всемирный следопыт». 1929

Обложка журнала
«Пионер». 1926

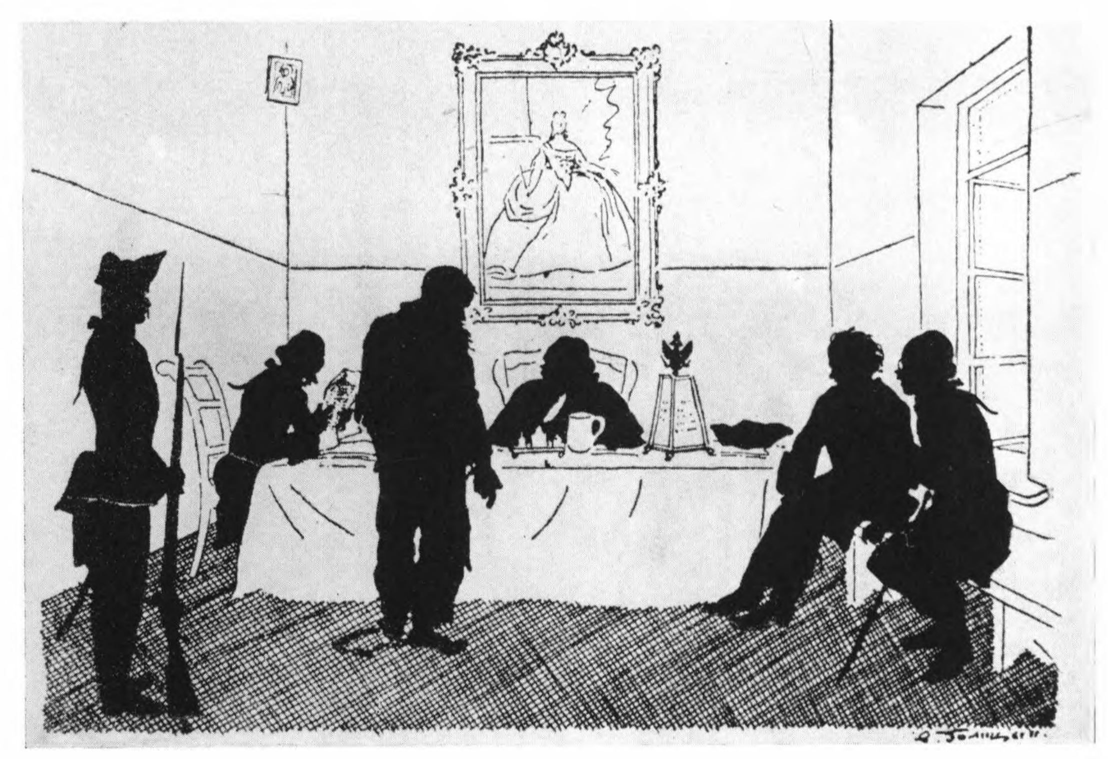
Обложка книги «Юный моряк», 1930

История корабля.
Рисунок для журнала
«Знание — сила». 1935

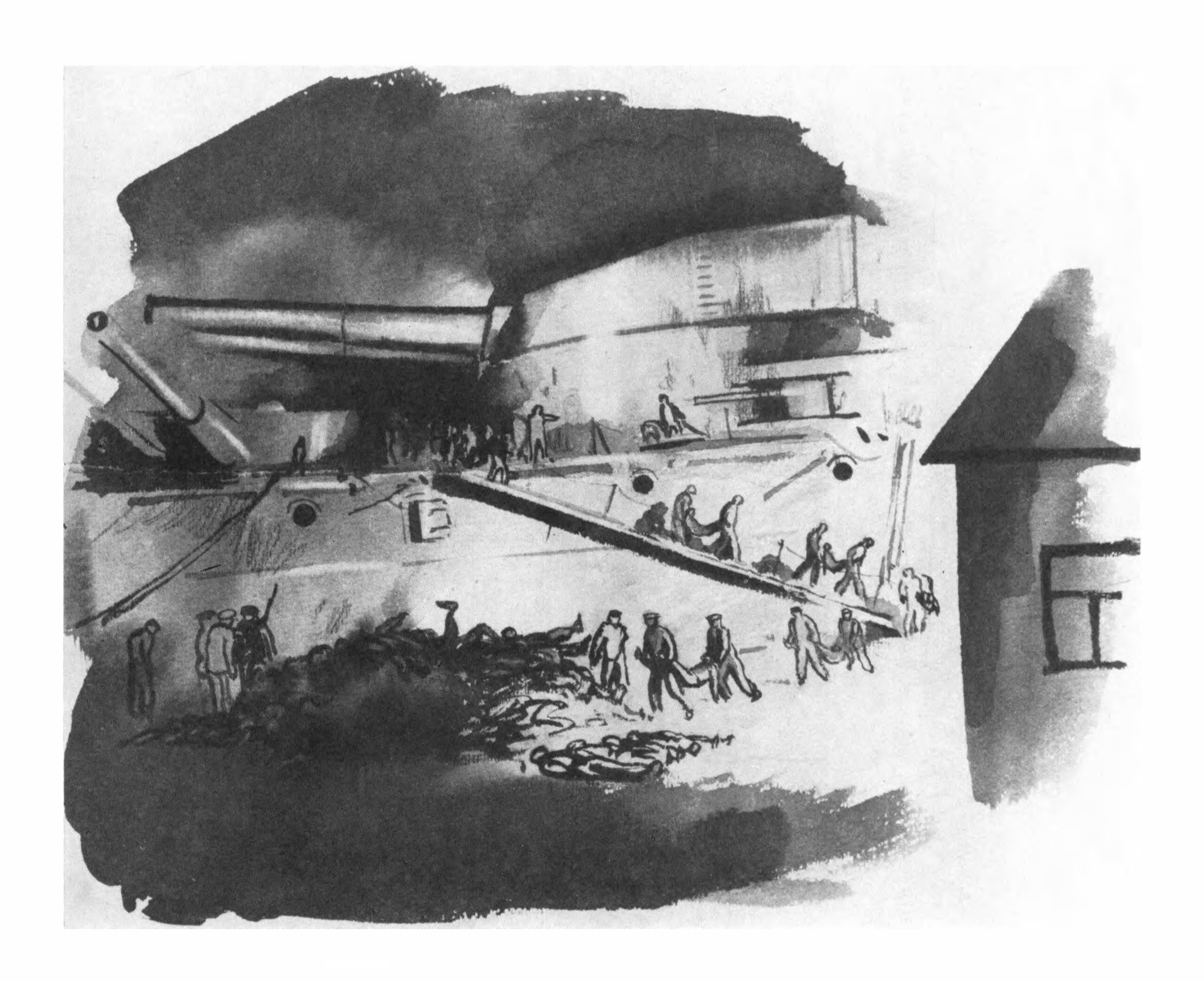

Иллюстрации к рассказу
А. Бармина
«Механикус Ползунов»
для журнала «Уральский следопыт». 1935

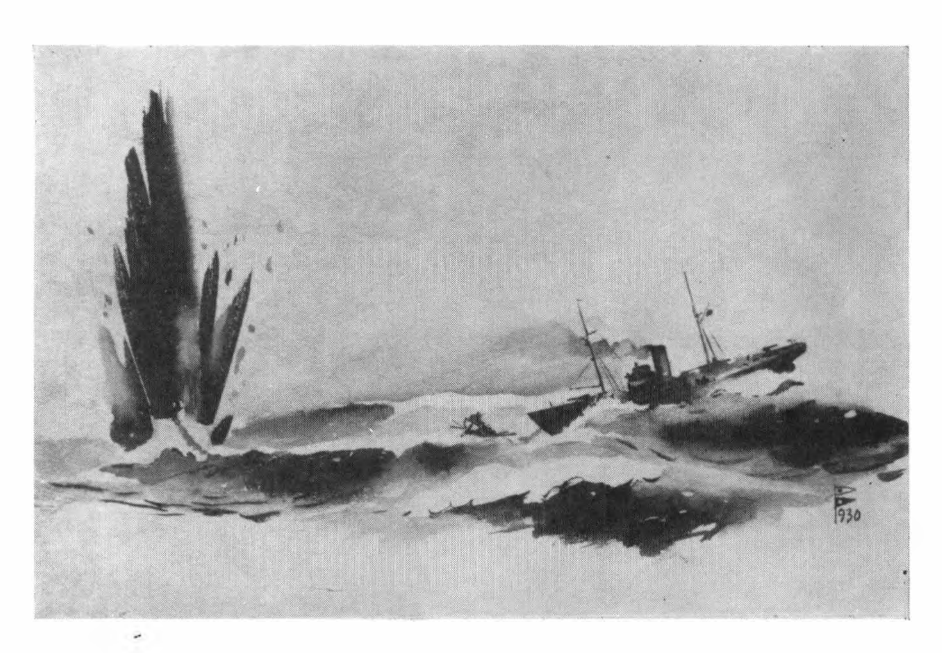

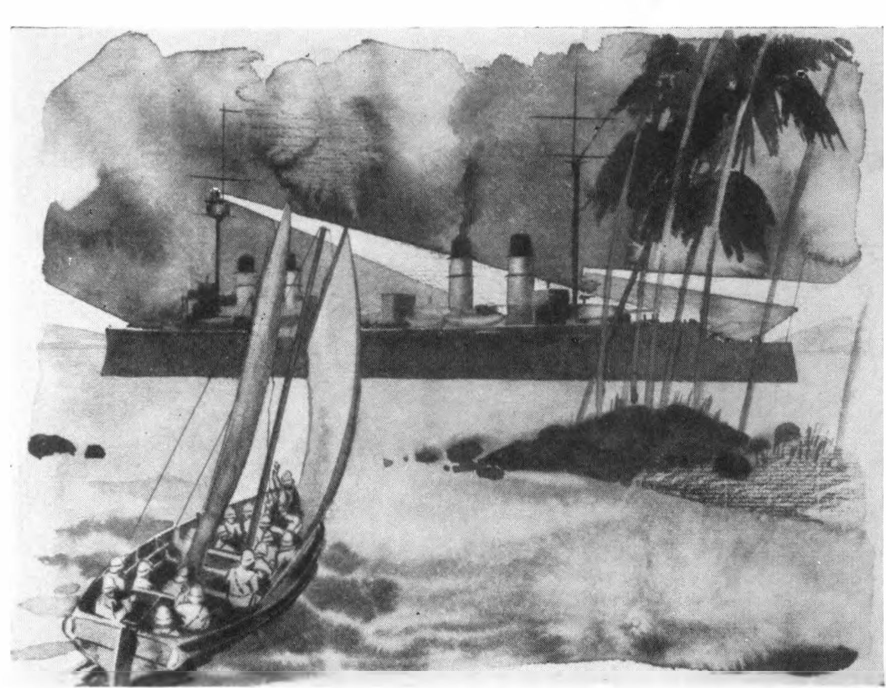

Обложка журнала «Борьба миров». 1930

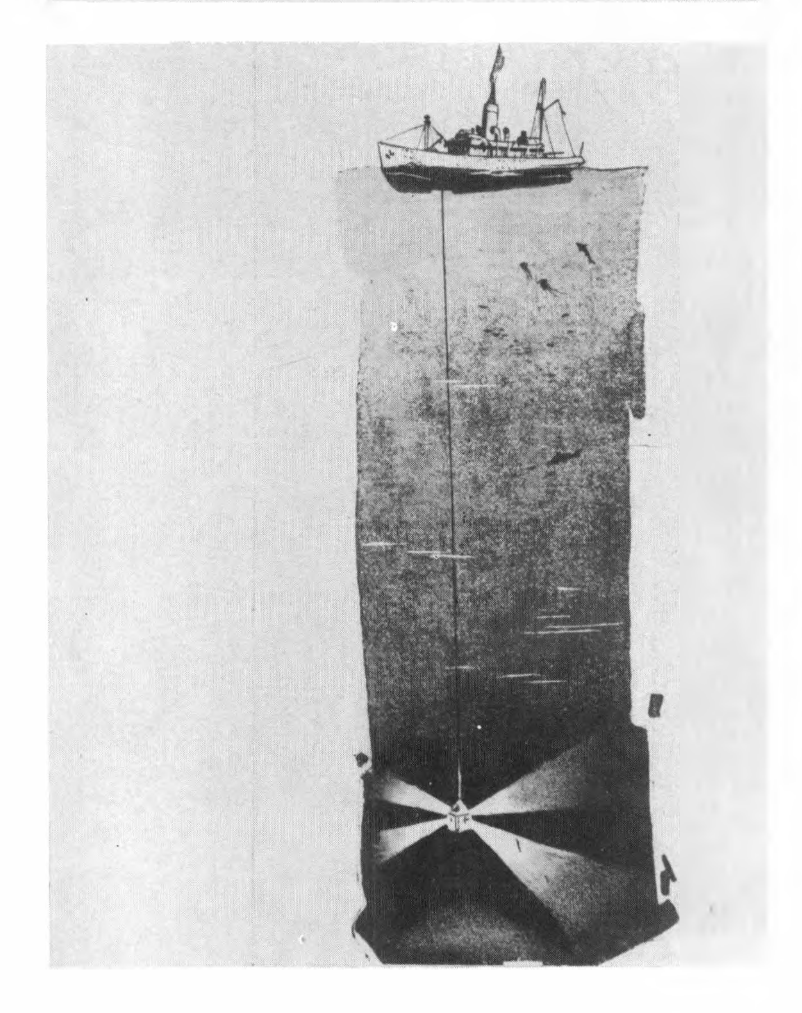

Иллюстрации к рассказу
Т. Пливиера
«Мокрый треугольник»
для журнала «Борьба миров».
1930

1930

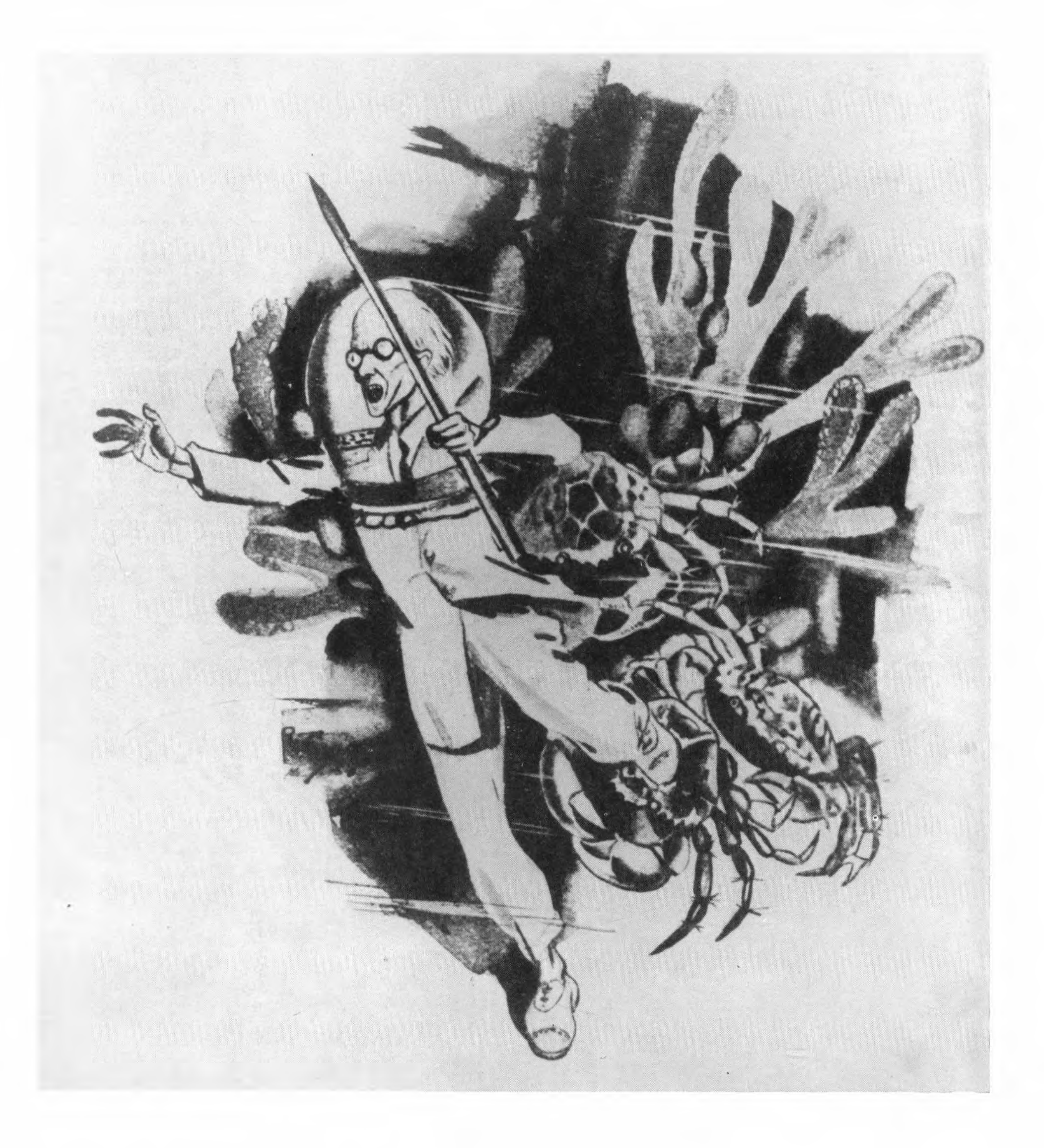

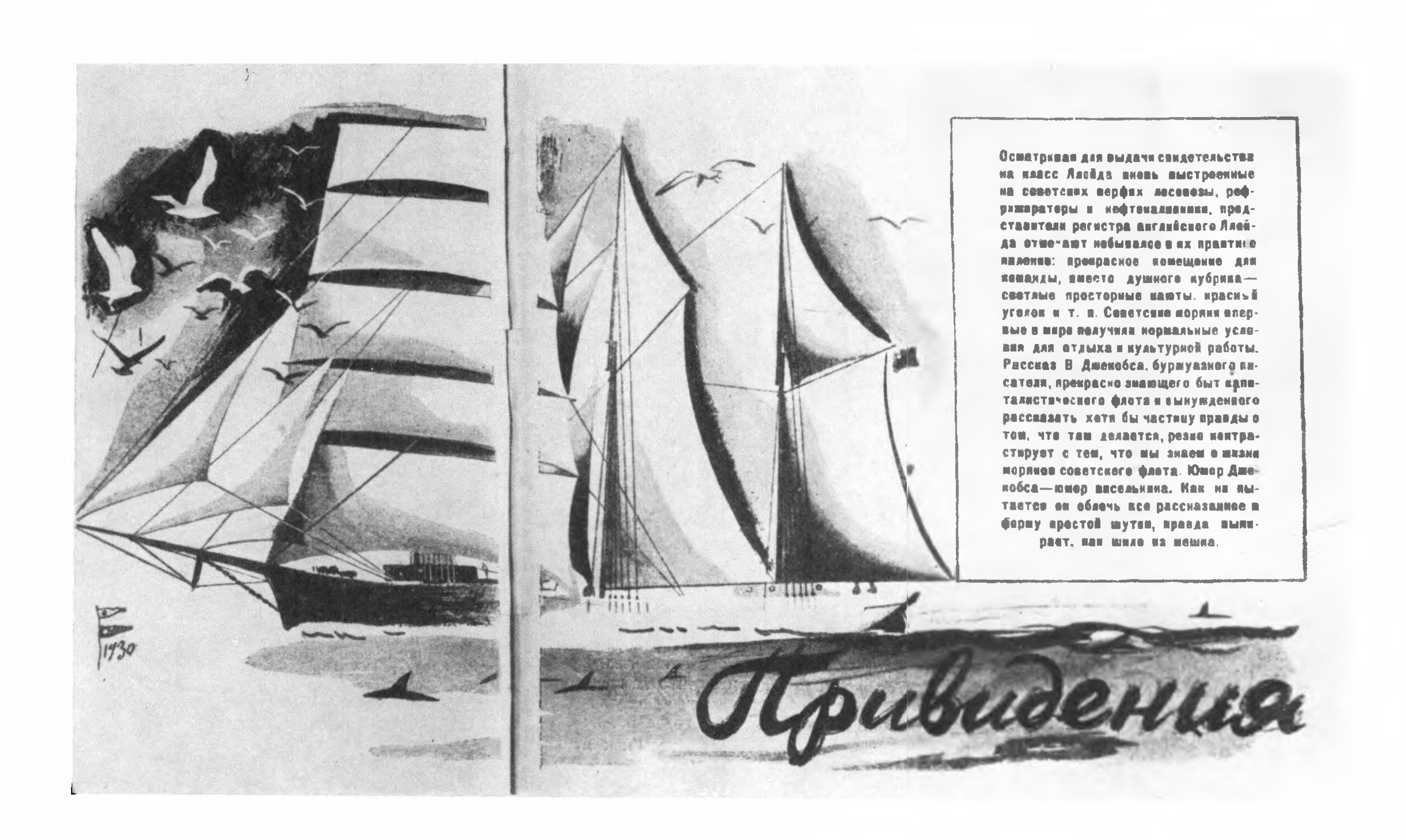
маракотова бездна

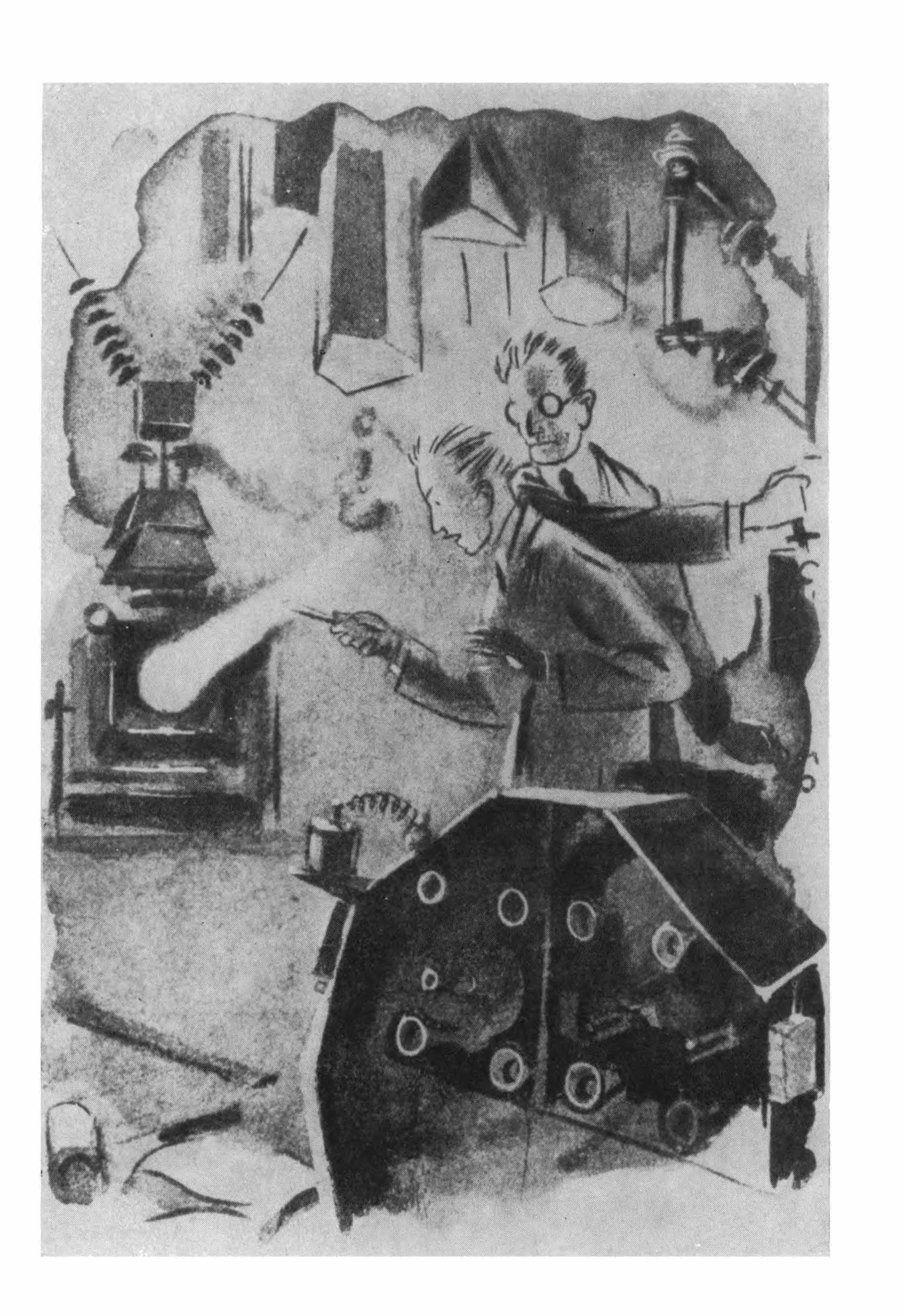

Иллюстрации к роману
А. Конан-Дойля
«Маракотова бездна» для журнала
«Вокруг света»

Иллюстрации к рассказу
В. Джекобса «Привидения»
для журнала «Борьба миров». 1930

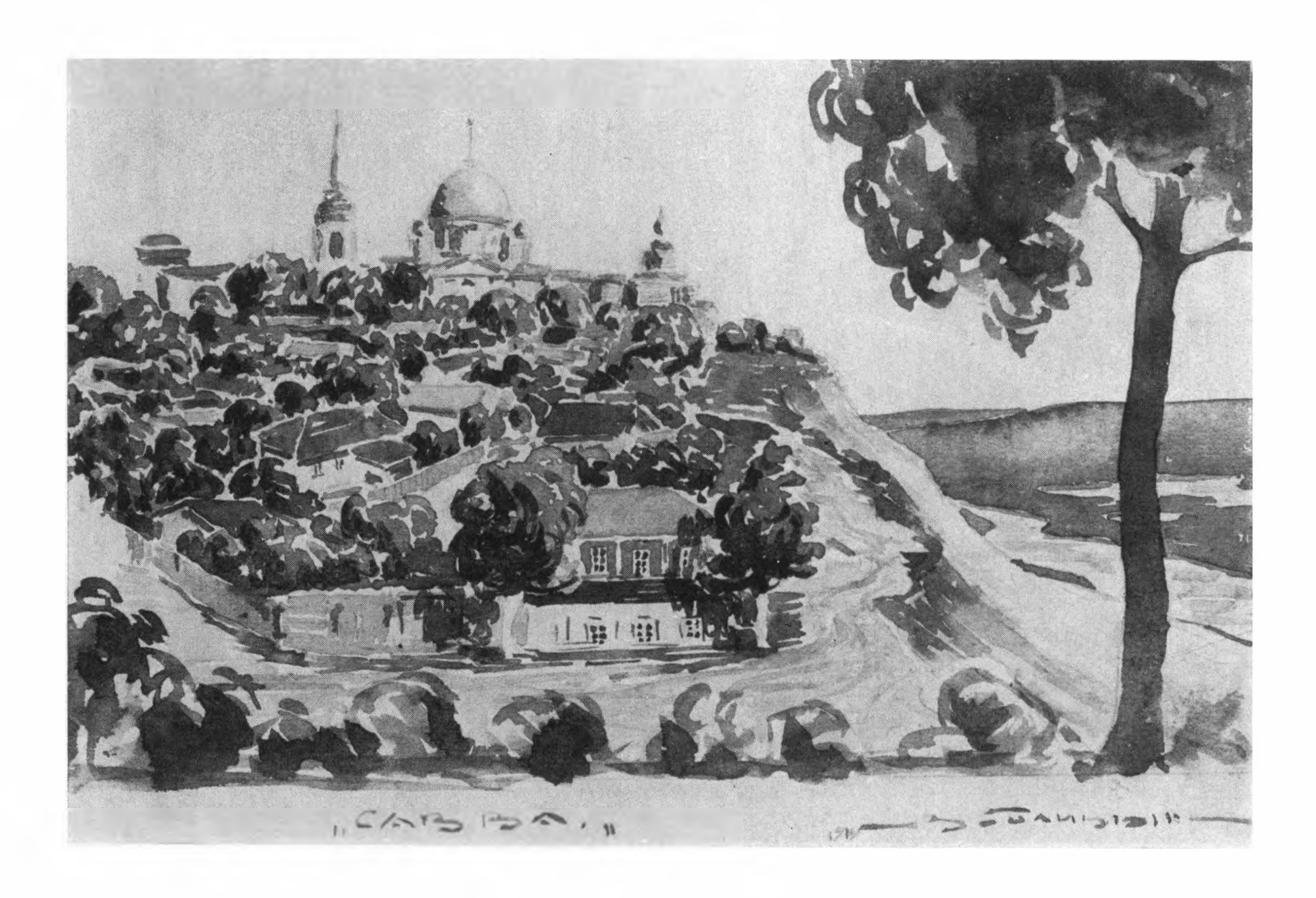

ТЕАТР

Эскиз декораций
для Богородицкого театра.
1919

Эскиз декорации
к пьесе «Савва». 1919

Арлекин.
Эскиз к театральной постановке.
1922

1922.

РОСПИСИ ПО ДЕРЕВУ

Праздничное гуляние.
Панно. 1923—1924. Фрагменты

ДЛЯ
ОКУРКО
И
БУМАГИ

Тверской бульвар.
Панно. 1923—1924

Праздничное гуляние.
Панно. 1923–1924

ОНЕЖСКИЕ ВЕРФИ

Онежские верфи.
Эскиз росписи деревянной коробки.
1923—1924

Архангельск. Эскиз росписи деревянной коробки.
1923—1924. Фрагмент

Архангельск.
Эскиз росписи деревянной коробки
1923—1924

«Песнь мою жалобную...»
Эскиз росписи деревянной коробки
1923—1924

ПЕСНЬ МОЮ ЖАЛОБНУЮ
ПОЮ ТОКМО ДЛЯ ИЗНЕСЕНИЯ
ПЕЧАЛИ МОЕЯ
1923.
В. ГОЛИЦЫНЪ

Встреча.
Эскиз росписи деревянной коробки.
1923—1924

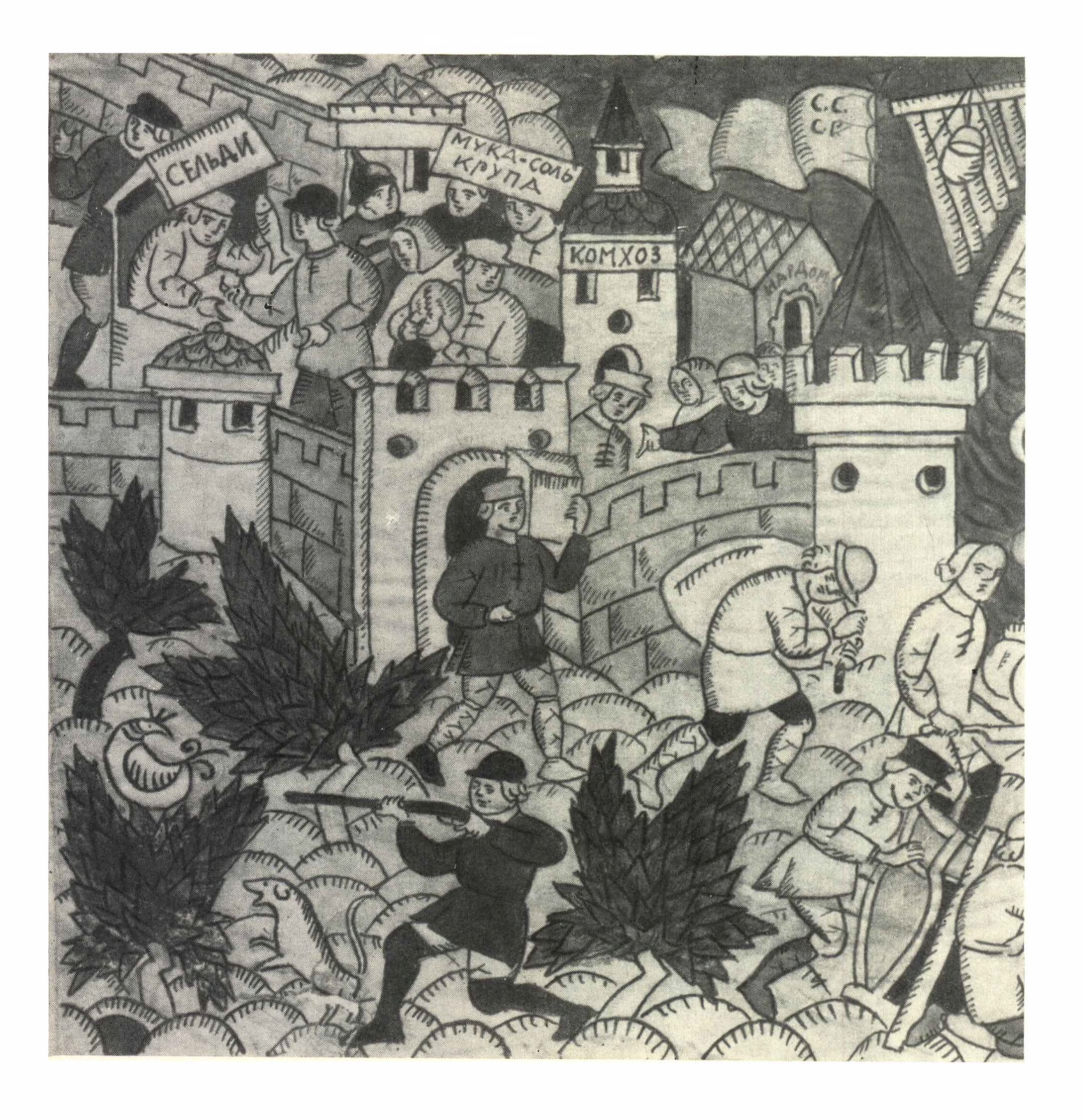

«Брось тоску...»
Эскиз росписи деревянной коробки.
1923—1924

Красноармейцы.
Эскиз росписи деревянной
коробки. 1923—1924

СЕЛЬДИ
МУКА-СОЛЬ
КРУПА
КОМХОЗ
НАРДОМ

Архангельск.
Эскиз росписи деревянной коробки.
1923—1924. Фрагмент

Город Берген.
Эскиз росписи деревянной коробки. 1923—1924

Архангельск.
Эскиз росписи деревянного ларца.
1923—1924

Буря.
Эскиз росписи деревянной коробки.
1923—1924

Лотошники и милиция.
Роспись деревянной коробки.
1924

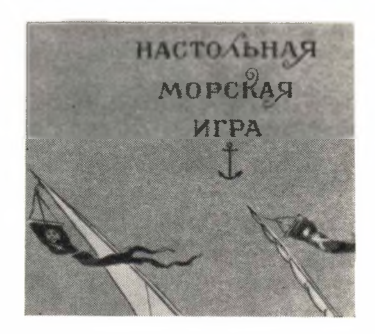
Охота на моржей.
Эскиз декоративного блюда.
1923—1924

«Матрос люби меня...»
Эскиз росписи деревянной коробки.
1923—1924

1 Мая.
Эскиз росписи деревянной коробки
1923-1924

НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ

Карта игры «Захват колоний». 1935

ЗАХВАТ КОЛОНИЙ
КИТАЙ
ТИХИЙ ОКЕАН
ИНДИЙСКИЙ ОКЕАН
БОРНЕО
СУМАТРА
НОВАЯ ГВИНЕЯ
ЗЕМЛЯ АЛЕКСАНДРА
КВИНСЛЕНД
ЗАПАДНАЯ АВСТРАЛИЯ
АВСТРАЛИЯ
ВЕЛИКИЙ
Сиам
Целебес
Море Целебес
Море Банда
Море Алфурское
Море Яванское

Рисунок для коробки настольной игры «В Индию». 1934

ПИРАТЫ
НАСТОЛЬНАЯ
МОРСКАЯ
ИГРА

«ПИРАТЫ»

Морская настольная игра из эпохи перевозок золота из Мексики и Перу в Европу в XVI веке

Автор — художник В. Голицын

Завоевав и разграбив в начале XVI века Мексику и Перу, испанцы стали вывозить оттуда в Европу массу золота. Великолепные, богато изукрашенные галеоны пересекали Атлантический океан и выгружали в испанских портах несметные богатства.

Этот поток золота, идущий через океан, породил множество морских разбойников-пиратов, которые на своих легких быстроходных под черными флагами бригантинах нападали на испанцев и обыкновенно, после короткой перестрелки, брали на «абордаж». Толпа разъяренных разбойников, вооруженных пистолетами, мушкетами, пиками, интерпелами * и кинжалами, с дикими криками лезла по вантам на борт галеона. Происходила кровопролитная резня на палубах, в которой пираты часто брали верх. Оставшихся в живых испанцев забирали в плен, а награбленное ими сокровище увозилось в какой-нибудь глухой разбойничий городок, где происходил дележ добычи.

Но нередко случалось, что испанцу залпами своей более мощной и дальнобойной артиллерии удавалось уничтожить врага, не допустив его до абордажа.

В XVI и XVII веках особенно славились пираты с острова Черепаха и из города Сен-Мало — «столицы» французских пиратов.

Игра «Пираты» воспроизводит этот любопытный период из истории мореплавания. Игра происходит на морской (меркаторской) карте, нарисованной в стиле старинных морских карт середины XVI века. На карте вся площадь вод разбита на квадраты, по которым ходят корабли. Как у каждого квадратика, так и у всей карты в целом север — N (норд) будет наверху, юг — S (зюйд) внизу, восток — O (ост) справа и запад — W (вест) слева. Это так называемые главные румбы или направления компаса. Между главными румбами расположены четвертные румбы, а именно северо-восток NO (норд-ост), юго-восток SO (зюйд-ост), юго-запад SW (зюйд-вест) и северо-запад NW (норд-вест). Все эти румбы можно определять по компасам, нарисованным на карте.

---

* Интерпел — род топора с обухом в виде загнутого толстого гвоздя.

СОДЕРЖАНИЕ ИГРЫ

1. Общие правила

В «Пиратах» играет 9 человек — 3 «испанца» и 6 «пиратов». Каждый играющий берет по одному кораблику — испанцы галеоны, а пираты бригантины. Каждому кораблю дается имя. Как пираты, так и испанцы выбирают из своей среды по адмиралу(по-испански «альмиранте») из числа лучше усвоивших игру для общего руководства действиями.

(Можно играть в «пираты» и меньшему количеству играющих, но при этом необходимо, чтобы пиратов было вдвое больше, чем испанцев. Можно также каждому играющему брать по два корабля. В этом случае ими ходят одновременно.)

У каждого играющего для своего корабля имеется база, откуда он начинает плавание. У испанца — Вера-Круц (база адмирала) и Порто-Белло, а у пиратов — остров Черепаха (база адмирала), Сен-Мало и другие (см. карту).

(При недостатке баз, на каждую может базироваться и несколько кораблей.)

Задача испанцев — перевезти из Америки награбленное там сокровище к себе в Испанию, в порт Кадикс. Задачи пиратов — отбить у них по дороге это сокровище и отвезти его в одну из своих баз. В начале игры «сокровище» тайно от пиратов «грузится» на один из испанских галеонов, т. е. попросту испанский адмирал, сговорившись со своими, на клочке бумажки пишет слово «сокровище», а под ним имя того галеона, которому поручено его везти. Бумажка прячется под карту. В случае потопления галеона, «сокровище» (т. е. бумажка) передается пирату-победителю, и он везет его в свою базу. По дороге «сокровище» может быть снова отбито у него испанцами. Порожние галеоны служат для конвоя и охраны галеона, везущего «сокровище». Своими действиями они должны вводить в заблуждение пиратов, чтобы те не сразу могли догадаться, на каком корабле находится «сокровище». Для большего запутывания пиратов можно во время плавания перегружать (или делать вид, что перегружают) «сокровище» с галеона на

галеон. Для этого они оба должны зайти в какой-нибудь промежуточный порт, отмеченный перекрещенным квадратиком, и там, пропустив одну очередь, произвести «перегрузку».
Корабли ходят по всей площади вод, где есть квадратики. На одном квадратике, кроме как в портах и базах, одновременно находиться два корабля не могут. Перепрыгивать через занятый корабликом квадратик нельзя, нужно его обходить. Ходить по чужим портам и базам воспрещается. Игру начинает испанский адмирал, а за ним по очереди остальные.

2. Вертушка и плавание под парусами

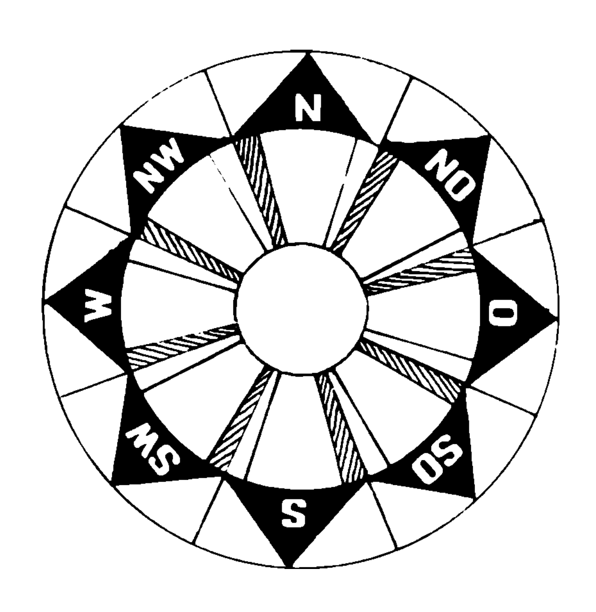
Играющий каждый раз перед тем, как ходить своим корабликом, крутит стрелку вертушки (см. рис. на стр. 152). Когда она остановится, стрелка на ней укажет на какой-нибудь румб компаса и одновременно на один из цветных секторов погоды, показывая этим силу и направление ветра, с которым кораблик играющего должен идти в этот ход.
Значение цветных секторов погоды даны на самой вертушке. Желтые секторы означают штиль, голубые — свежий ветер, красные — ураган.
При штиле корабли стоят на месте, а при урагане, если они в плавании, их дрейфует ветром на две клетки. При этом они могут быть выброшены на берег за линию квадратиков или в чужую базу, а также могут столкнуться с другим кораблем. Во всех этих случаях корабли «гибнут», т. е. возвращаются в свои базы и, пропустив там одну очередь, снова выходят в плавание. При урагане корабли не выходят из порта. Кораблики идут по своему пути, если вертушка покажет «ветер». В нашей игре кораблики за один ход идут только по прямой линии, двигаться «ходом коня» — нельзя.
В «Пиратах» кораблики ходят по восьми румбам компаса, а именно на N, NO, O. SO, S, WS, W, и NW. Путь, по которому идет корабль к намеченной цели, называется курсом корабля.
Скорость, с которой идут парусники, т. е. число квадратиков, проходимых ими за один ход, зависит от силы и направления ветра, дующего относительно курса корабля.
Ветер, дующий прямо в нос корабля, называется «противным». При этом ветре корабль должен стоять на месте или сворачивать с курса. Если ветер дует прямо в корму его называют «фордевинд», или просто попутным. На фордевинд, как говорят моряки, при «ветре», корабль идет на 3 квадратика.
Если ветер дует перпендикулярно к борту корабля его называют «галфвинд». В «галфвинд» при «ветре» корабль идет на два квадратика.
Когда ветер дует в направлении между кормой и бортом корабля, т. е. почти попутный, его называют «бакштаг». В «бакштаг» корабль идет при «ветре» на 3 квадратика.
И наконец ветер, дующий в направлении между носом и бортом корабля, т. е. почти противный, называется «бейдевинд». В «бейдевинд» корабль идет при «ветре» на один квадратик.
Ходить полное число квадратиков не обязательно и по желанию можно стоять на месте.
На карте справа наверху даны образцы ходов по всем румбам при нордовом и норд-остовом свежем ветре.

3. Морские течения

На карте показаны основные течения Атлантического океана. Кораблик, попав на стрелку течения, передвигается по ней на соседний квадратик, если он свободен, то идет дальше, не меняя курса. Против стрелки течения в нашей игре кораблики идти не могут.

4. Морской бой

Между пиратами и испанцами происходят боевые столкновения из-за обладания «сокровищем».

Стрельба производится пусканием этой же вертушки, причем, если на ней выпадает один из главных румбов, а именно N, O, S или W, то это означает попадание. Четвертные румбы — NO, SO, SW и NW означают промах.

За один ход корабль может произвести только один залп по одному кораблю.

Корабли стреляют перед тем, как ходить, или после хода.

Стрелять из базы порта или в базу нельзя.

Пиратские бригантины могут стрелять во все стороны на соседний квадратик.

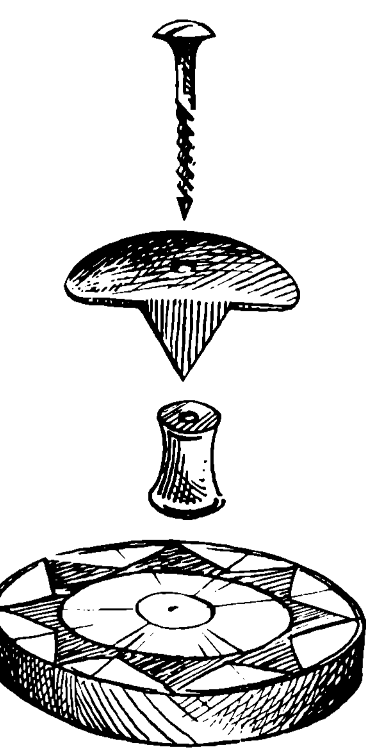
Испанские галеоны, обладающие более мощной артиллерией, бьют во все стороны на два квадратика.

На карте в центре наверху показана площадь квадратиков, обстреливаемых пиратом и испанцем.

Испанский галеон топится с трех попаданий, а пиратская бригантина с двух.

Потопленный корабль начинает игру сначала, пропустив одну очередь, и, если на нем было «сокровище», оно передается на корабль-победитель.

Подбитые испанские галеоны, имеющие одно или два попадания, могут зайти в какой-нибудь порт, отмеченный перекрещенным квадратиком, для ремонта. Там они пропускают одну очередь.

Вертушка для игры «Пираты».

Сделанный художником В. Голицыным
макет игры для детей „Пираты" мне
кажется заслуживающим серьезнаго вни-
мания и издания.
Игра эта, помимо ее прямаго, игро-
вого смысла, имеет ту ценность,
что способна ознакомить детей с исто-
рией пиратства и — тем самым —
с историей средневековой торговли,
с географией стран Европы, Америки,
с морскими и воздушными течениями.
Затем: такого рода игры, развивая
„смекалку" детей, устраняют страсть
к обладанию индивидуальной игрушкой,
к накоплению игрушек.

М. Горький

25.IX.34

Факсимиле отзыва М. Горького
о настольной игре «Пираты».
1934

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ В. М. ГОЛИЦЫНА, СОСТАВЛЕННЫЙ ИМ В 1940 ГОДУ

1918 — Виды Москвы (6—8 работ). Б., акв. (Экспонировались на выставке в галерее Лемерсье весной 1918 года).

1923—1925 — Расписные ларцы и коробки (более 20 предметов).
Дерево, темпера, лак. Музей ВСНХ

1925 — **Книги и журналы, настольные игры.**
Ауслендер С. Случай на море. ГИЗ
Гумилевский Л. Кладбище мамонтов. ГИЗ
Кароти А. Наследство капитана Немо. ГИЗ
Митчель Л. Песенка нового паровоза. ГИЗ
Митчель Л. Туда и сюда. ГИЗ
Новиков-Прибой А. Пленники бездны. ГИЗ
Подъячев С. Разлад. Изд-во «Известия ЦИК СССР»
Ж. «Всемирный следопыт» (до 1931)
Ж. «Знание — сила» (до 1940)
Ж. «Пионер» (до 1933)
Путешествие вокруг СССР (Настольная игра). Изд. «Крестьянской газеты»
Народы СССР. (Квартет — настольная игра). Изд. «Крестьянской газеты»

1926 — Алтаузен Д. Якутенок Олеська. ГИЗ
Бывалов Е. Дети палубы. ГИЗ
Гурьян О. Прогулка. ГИЗ

1927 — Ж. «Дружные ребята» (до 1929)
Военизированное катание с гор. (Настольная игра). Изд-во «Пионер»
«Флотская игра». Изд. «Затейник»

1928 — Кароти А. На солнечном острове. ГИЗ
Коваленский А. На моторной лодке. ГИЗ
Ли Б. Школьник Свен. ГИЗ
Микельсен. Во льдах Гренландии. ГИЗ
Новиков-Прибой А. Между жизнью и смертью. ГИЗ
Ж. «Затейник» (до 1935).
«Народы СССР и народы мира», 48 таблиц для журналов «Всемирный следопыт»

1929 — Ветов В. Тюлень Яшка. Изд. «Крестьянской газеты».
Левин Б. Папуасы. Изд. «Крестьянской газеты»
Ульрих. Военный флот. Изд. «Крестьянской газеты»
Шпанов Н. Полярный поход «Красина». Изд. «Крестьянской газеты»

1930 — Шпанов Н. В страну вечных льдов. Изд. «Крестьянской газеты»
Бывалов Е. На тральщике. ГИЗ
Голицын В. Юный моряк. Изд-во «Молодая гвардия»
Лопатин П. Пятилетка в действии. Изд-во «Молодая гвардия»
Лопатин П. Водяной мост. Изд-во «Молодая гвардия»
Обручев С. На «Персее» по полярным льдам.

Изд. Товарищества писателей
Шпанов Н. Подвиг во льдах. Изд-во «Молодая гвардия»
Ж. «Зорька» (до 1931)
Ж. «Борьба миров» (до 1931)
Булатов Н. Машины. Изд-во «Молодая гвардия»
Мастерс. По следам морских катастроф. Изд-во «Молодая гвардия»
Казанский Б. Разгаданная тайна. ГИЗ
Колбасьев С. Креп. ГИЗ
Позиков Н. Военный флот СССР. ГИЗ
Речной флот СССР. Изд-во Товарищества «Знание»
Морской торговый флот. Изд-во Товарищества «Знание»
«Спасение челюскинцев». (Настольная игра)
Ж. «Знание — сила»
«В Индию». (Настольная игра — оформление). Изд-во КОИ
Пираты. (Настольная игра)
Календарь для детей. Изд. ф-ки «Детское творчество»

1935—1937 Дрожжин. Разумные машины. Изд-во «Детская литература»
Житков Б. Пароход. Изд-во «Детская литература»
Ж. «Мурзилка» (до 1940)
Ж. «Уральский следопыт» (до 1936)
«Юнга». (Настольная игра). Изд-во ЛООСВОД
«Захват колоний». (Настольная игра)
«Колумбы». (Настольная игра). Изд-во ж. «Знание — сила»
«Морская викторина». Изд-во ЛООСВОД
Диапозитивный фильм «Как поднимали пароход»
Производство треста Союзтехфильма

1938 Житков Б. Приключения «Партизана». Изд-во «Детская литература»
Житков Б. Помощь идет. Изд-во «Детская литература.
Ж. «На суше и на море» (до 1940)
«Морской сборник» (до 1941)
«Беглые». (Настольная игра)
Плакаты, листовки, грамоты для ЦС ОСВОДА СССР

1939 Ж. «Краснофлотец» (до 1941)
«Шутослов». (Настольная игра)
«Шутомино». (Настольная игра)
«Квинтет языков». (Настольная игра)
Михалков С. и Соболев Л. Военный флот. Изд-во «Детская литература»
Подводная лодка. Ж. «Пионер». (Настольная игра)
Учебные плакаты Военно-Морского управления ЦС Осоавиахима. 10 плакатов.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

76С2
Г — 60

Коллектив авторов
ВЛАДИМИР ГОЛИЦЫН

Страницы жизни художника, изобретателя, моряка

«Советский художник». 1973.
Москва, 125319, ул. Черняховского, 4а

Редактор В. Докучаева
Художественный редактор К. Остольский
Художник Ю. Маркаров
Технический редактор Л. Штейнер
Корректоры З. Белолуцкая, Р. Кравецкая

Сдано в набор 14.X.1971 г.
А06003. Подписано в печать 2.I.1973 г.
Формат 84 × 108[1]/16
Бумага мелованная
Печ. л. 10 Усл. п. л. 16,8 Уч.-изд. л. 13,189
Заказ 902
Изд. № 1—45
Тираж 18.000 экз. Цена 2 р. 17 коп.
Экспериментальная типография ВНИИ полиграфии Госкомиздата
Москва, К-51, Цветной бульвар, 30.

8—1—1
73—37

ПИРАТЫ
НАСТОЛЬНАЯ ИГРА
Из эпохи перевозок Мексиканского и Перуанского золота в Испанию в XVI веке
Автор
Худ. В. Голицын
СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА
КАНАДА
бизон
олень
бобр
Часто пираты закапывали награбленные сокровища на пустынных островах
индеец несет пирогу
о. НЬЮ-ФАУНДЛЕНД
п-о. Мериленд
м. Гаттерас
г. Аппалахские
Пираты всегда старались „свалиться на абордаж", и решить бой в рукопашной схватке
АБОРДАЖ
п-о. Флорида
МЕКСИКАНСКИЙ ЗАЛИВ
Тропик Рака
Гавана
о. Куба
Вера-Круц
Испанцы, в погоне за золотом и под предлогом борьбы с язычеством, уничтожили всю Мексиканскую культуру
ВЕЛИКИЙ ИЛИ ТИХИЙ ОКЕАН
оз. Никарагуа
о. Ямайка
о. Гаити
Сан-Доминго
Порто-Рико
о. Гваделупа
о. Мартиник
о. Троица
КАРАИБСКОЕ МОРЕ
Порто-Белло
Пиратская бригантина нападает на Испанский галион, везущий золото из порта Вера-Круц
ПЕРУ
игуана
ЮЖНАЯ АМЕРИКА
индейцы
ЭКВАТОР
о. Бермудские
САРГАССОВО МОРЕ
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
СТРЕЛЬБА-
1) Пирата
2) Испанского галиона
Черные кружочки показвают квадратики, которые могут быть обстрелены кораблями
ОБРАЗЦЫ ХОДОВ ПОД ПАРУСАМИ и
число клеток проходимых кораблями при различных курсах и ветрах за один ход, а также названия курсов корабля относительно ветра
1) ВЕТЕР ОТ N (норда)
Корабль идет в бейдевинд правого галса на NW
Корабль идет в бейдевинд левого галса на NO
2) ВЕТЕР ОТ NO (норд-оста)
о. Азорские
о. Мадейра
о. Канарские
о. Зеленого мыса
м. Зеленый
м. Ландс-Энд
Брест
Сан-Мало
ФРАНЦИЯ
БИСКАЙСКИЙ ЗАЛИВ
ИСПАНИЯ
ПОРТУГАЛИЯ
Опорто
Лиссабон
Кадикс
Привезенные из Америки, сокровища, сдавались в казну и купцам, снаряжавшим экспедиции
Гибралтарский пролив
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Алжир
МАРОККО
В XVI веке испанские капиталисты начали скупать у Африканских султанов, рабов для своих новых колоний в Америке
Тропик Рака
РИО-ДЕ-ОРО
АФРИКА
Алжирский пират
Пират из Сан-Мало
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Порты-испанские и других стран; где могут чиниться испанские галионы
Пиратские базы
Морские течения
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФЛАГИ XVI ВЕКА, ОЗНАЧАЮТ-
Испания
Франция
Голландия
Англия
ТАКЖЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ КОЛОНИИ ЭТИХ СТРАН
Португалия
Высадка испанцев на побережьи Южной Америки в XVI веке. Сост. по рисунку из книги 1539 года
Испанские галионы (со старинного рис.)
испанский десант
ЭКВАТОР